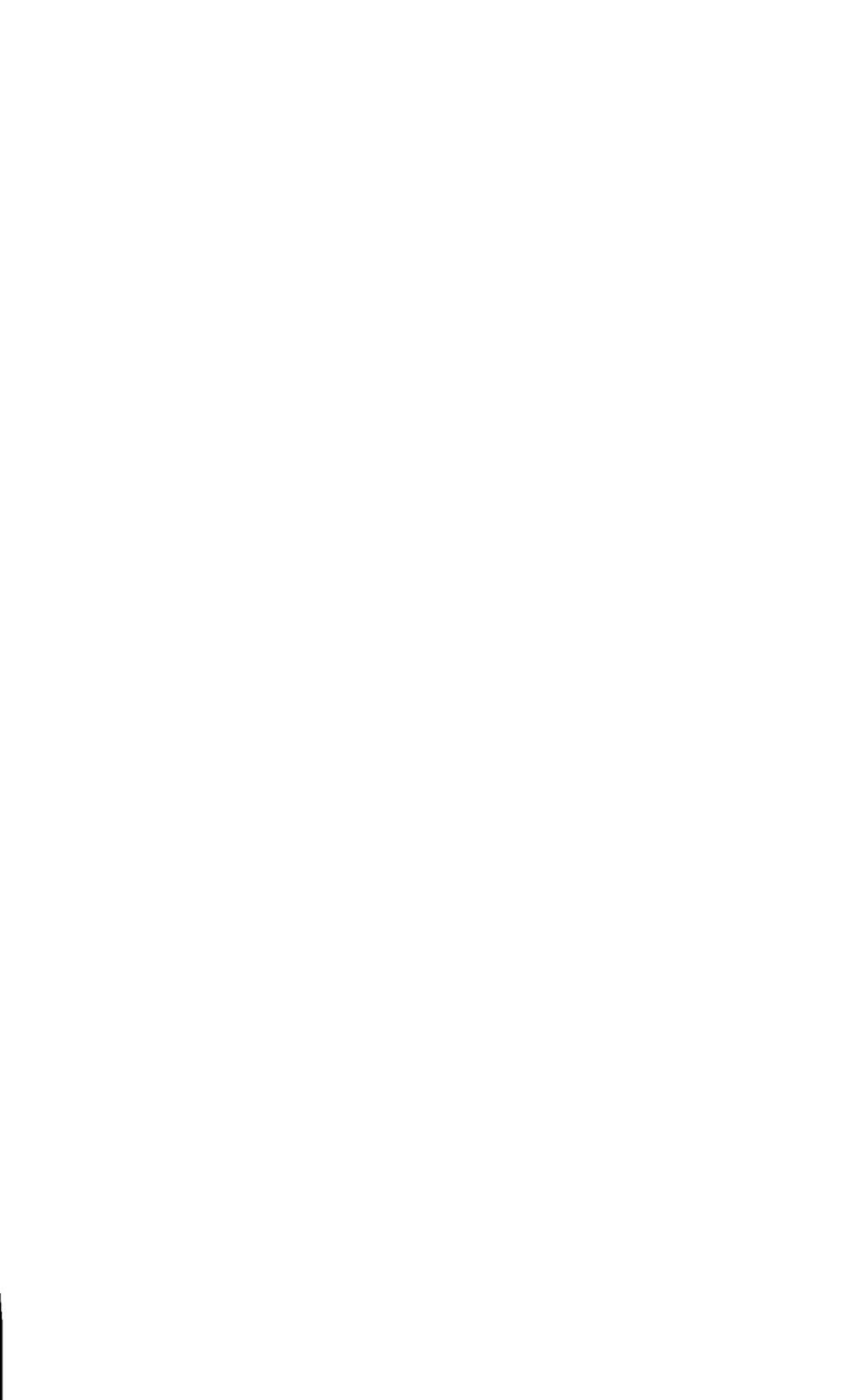

*Казахское
слово*

В РУССКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КАЗАХСКОЕ
СЛОВО
В РУССКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ

АЛМА-АТА

«Г ы л ы м»

1990

Казахское слово в русском художественном тексте / Копыленко М. М., Ахметжанова З. К., Жолтаева Т. У. и др. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 168 с.

Впервые проводится дифференциация слов-реалий и вкраплений, в соответствии с которой исследуются их лингвистическая природа и функции. Казахские слова-реалии анализируются по тематическому признаку: обозначения лиц, предметов быта, животных, растений, культовые понятия и т. д. Вкрапления изучаются в зависимости от их функций.

Материалы исследования могут быть использованы в спецкурсах по лингвистическому анализу художественного текста, по стилистике.

Книга предназначена как для специалистов по двуязычию, так и для преподавателей и студентов вузов, для всех, интересующихся взаимодействием казахского и русского языков.

Авторский коллектив:

М. М. КОПЫЛЕНКО, З. К. АХМЕТЖАНОВА,
Т. У. ЖОЛТАЕВА, Л. М. КИСАМЕДИНОВА,
Р. М. ТАЕВА, Ж. Е. ЕРГАЛИЕВА

Ответственный редактор

доктор филологических наук
Н. Х. ДЕМЕСИНОВА

Рецензенты:

доктор филологических наук Б. С. МУЧНИК,
кандидат филологических наук Е. К. ЖУБАНОВ

ОТ АВТОРОВ

Отдел взаимодействия языков Института языкознания Академии наук Казахской ССР начиная с 1986 г. ведет разработку темы «Взаимодействие русского и казахского языков». Один из ее разделов представляют две монографии: «Казахское слово в русском художественном тексте» и «Русское слово в казахском художественном тексте». Вниманию читателей предлагается первая из них.

Материалом исследования послужили произведения казахских писателей. Авторы стремились как можно шире охватить творчество советских русскоязычных писателей, отражающих культуру и быт казахского народа, воспевающих ширь и красоту казахских степей. Таковы романы, повести, рассказы, очерки Ануара Алимжанова, Константина Алтайского, Николая Анова, Алексея Беянинова, Энгельса Габбасова, Максима Зверева, Всеволода Иванова, Сергея Маркова, Бахытжана Момыш-улы, Сатимжана Санбаева, Мориса Симашко, Дмитрия Снегина, Дмитрия Фурманова и многих других. Не было обойдено вниманием творчество дореволюционных авторов: первого писателя, затронувшего казахскую тематику — Владимира Даля, и выдающегося ученого-просветителя, глубоко исследовавшего этнографию и фольклор казахского народа — Чокана Валиханова.

Наряду с оригинальной русскоязычной литературой были привлечены переводы на русский язык произведений Мухтара Ауэзова, Оралхана Бокеева, Дулата Исабекова, Беимбета Майлина, Габита Мусрепова, Медеу

Сарсекеева и др. Всего обследовано свыше 100 произведений. Методом сплошной выборки из них извлечено свыше 7 тыс. примеров, содержащих около 2 тыс. казахских слов-реалий и около 2 тыс. казахскоязычных вкраплений. Анализу подвергнута лишь часть из них (около 600 слов-реалий и свыше 500 вкраплений), наиболее интересная в стилистическом отношении. Она дает, на наш взгляд, довольно полное представление о взаимодействии русского и казахского языков в художественных текстах.

Материал монографии распределен следующим образом: глава 1 и п. 2.2, 2.3 (в соавторстве с Л. М. Кисамединовой), 2.5, 3.4, 3.6 написаны М. М. Копыленко; п. 2.1, 3.2 — З. Қ. Ахметжановой; п. 2.6, 3.1 — Т. У. Жолтаевой; п. 3.5 — Л. М. Кисамединовой; п. 2.4, 2.7 — Р. М. Таевой; п. 3.3. — Ж. Е. Ергалиевой. Общее руководство работой осуществлял М. М. Копыленко.

Глава I

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Тесные экономические, политические и культурные связи между народами СССР усилили взаимодействие их языков. Этот процесс особенно ошутим в огромном мире литературы, в котором он приобретает специфические черты. Исследование взаимодействия и взаимообогащения языков в художественных текстах выявляет познавательную и эстетическую роль компонентов русского языка в произведениях национальных литератур и компонентов национальных языков в произведениях русской литературы. Накопление знаний такого рода способствует постижению закономерностей роста нашей культуры. Эту актуальную проблему должны решать совместными усилиями филологи всех национальностей и народностей страны Советов. Предметом изучения настоящей работы является взаимодействие русского и казахского языков в текстах произведений русской и казахской литературы.

Необходимо различать два аспекта проблемы взаимодействия языков: диахронический и синхронический. Это деление не вполне совпадает с границей, проводимой между заимствованиями, с одной стороны, и так называемыми экзотизмами и вкраплениями — с другой¹. Такие слова, как *беркут*, *джигит*, *кошма*, *леди*, *мачетеро*, *рок* (танец), обладают всеми признаками заимствованной лексики (передаются графемно-фонетическими средствами русского языка; соотносятся с определенными грамматическими классами и категориями; обладают

¹ Крысин Л. П. Иноязычные слова в русском языке. М., 1968. С. 42—52.

семантической самостоятельностью, т. е. не имеют «дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе»; употребляются «не менее чем в двух разных речевых жанрах»². Вместе с тем они не утратили национального колорита и несут определенную экспрессивную нагрузку в русских художественных текстах (под экспрессивностью понимается усиленная выразительность, выделенность в тексте, подчеркивание значения единицы в целом или какого-либо ее компонента)³. В то же время существуют слова, употребляемые для обозначения «чужих» понятий, но тем не менее относящиеся к неэкспрессивной, нейтральной лексике. «Например, такие слова, как «верблюд» и «король» в русском языке. Ни один русский монарх не носил титула короля, а верблюды несвойственны фауне России. Эти слова вполне усвоены русским языком, и все же они отражают явления, не характерные для жизни русского народа»⁴. Таким образом, тот факт, что лексемы *верблюд* и *король* обозначают отсутствующие в среде носителей русского языка реалии, оказывается ныне в экспрессивном аспекте нерелевантным, хотя в прошлом картина была, без сомнения, иной. То же можно утверждать относительно русских этнонимов тюркского происхождения — *башкир*, *берендеи*, *болгарин*, *гагауз*, *киргиз*, *татарин*, *татраны*, *телеуты*, *тиверцы*, *уйгуры*, *чуваши*, отмеченных в труде Н. А. Баскакова⁵, обозначений русских реалий в немецком языке — *Arschip*, *Machorka*, *Tundra*, *Zobel* 'соболь'⁶ и под.

Предметом нашего исследования будут обозначения

² Там же. С. 42—43.

³ См.: *Копыленко М. М.*, Устарелые фразеосочетания в романе «Анна Каренина» // Лев Толстой: Проблемы языка и стиля. (Докл. и сообщ. IX и XI Толстовских чтений). Тула, 1971; *Он же.* О выразительных средствах эсперанто // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 644: Теория и история международного языка 2. Тарту, 1983; *Стернин И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. С. 106—112.

⁴ *Бутина Р. М., Ким Юань-Фу П. Л.* Экзотическая лексика и ее роль в словарном составе языка // Русское и зарубежное языкознание. Алма-Ата, 1970. Вып. 4. С. 121.

⁵ *Баскаков Н. А.* О тюркских лексических заимствованиях в русском языке (по страницам «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера) // Советская тюркология. 1983. № 4; 1984. № 4; 1985. № 1.

⁶ *Обельбаум Е. В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971. С. 229.

отсутствующих у носителей русского (казахского) языка реалий, являющиеся «стилемами»⁷ и взаимодействующие с казахским (русским) языком в синхронии.

Мы считаем неприемлемым термин «экзотизм», возникший в среде лингвистов-европейцев для обозначения лексики языков отдаленных народов (ср.: «Экзотизм... То же, что экзотика... Экзотика... Все то, что характерно для природы, быта, культуры отдаленных, малоизвестных стран и что кажется необычным, причудливым для иностранца, жителя другой страны, резко отличающейся образом жизни, природой и т. п.» ССРЛЯ, Т. 17. С. 1743). Некоторые ученые предпочитают термин «регионализм», лишенный подобной нежелательной коннотации: «...регионализмы в русском языке не являются ни экзотизмами, ни варваризмами... для всех 14 281 000 жителей Северо-Кавказского экономического района нет сейчас «чужеземных обычаев» на своей территории, для передачи которых нужны были бы слова-варваризмы или экзотизмы. Все эти слова входят в активный запас русского языка того или иного региона, являясь обычными различителями жизненных понятий»⁸.

Употребляют также термин «этнореалия». Но можно ли назвать регионализмами или обозначениями этнореалий советизмы, например, *қызыл әскер* «красноармеец», *партия ұясы* «партийная ячейка»? Остаются за неизменением лучших термин «обозначение отсутствующей реалии» и заменяющие его «слово-реалия» или просто «реалия»⁹.

Слова такого рода суть не что иное как стилистически маркированные замещения лексических лакун. Поясним это понятие следующим образом. Составляется текст на языке Я₁, в котором необходимо обозначить явление, отсутствующее в быту и культуре носителей языка Я₁ и наличествующее у носителей языка Я₂. Это явление называется отсутствующей реалией. Его обозначение, производимое посредством лексической единицы Я₂, следует считать замещением лексической лаку-

⁷ Махмудов Х. Х. Некоторые вопросы теоретической стилистики // Филологический сборник. Алма-Ата, 1965. Вып. IV. С. 288—306.

⁸ Гальченко И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976. С. 33—34.

⁹ Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М., 1980. С. VI.

ны Я₁¹⁰. Например: «Представьте в нише стены горельеф: сидящий *аксакал* с большой *пиалой*, в которую девушка наливает прохладную воду, не кончающуюся в ее *шомише*» (Вечерняя Алма-Ата. 1986. 3 сентября). Три лексические лакуны заполнены казахскими словами *аксакал*, *пиала* и *шомиш*, которым весьма приблизительно соответствуют *старик*, *чашка* и *ковшик*. Ср. иноязычные вкрапления: «*Абер* глупости... ничего. — У дедушки было любимое слово «*абер*», которое он без нужды совал в свою речь» (А. Куприн); «В средних еще годах *профершпилил* граф все свое состояние на одной комедиантке заезжей...» (Л. Леонов).

Вместо иноязычного вкрапления в тексте (если исключить задачи художественного изображения) мог бы фигурировать исконный компонент текста. Иноязычным вкраплением, таким образом, является компонент текста, принадлежность которого к языку, отличному от того, на котором составлен текст, ощущается читателями в полной мере и не мотивируется предметно-логическим содержанием сообщаемого. Не различаются вкрапления, сохраняющие и не сохраняющие экспрессивный эффект — они всегда экспрессивно маркированы.

Рассмотрим более подробно слова-реалии и иноязычные вкрапления. Это тем более необходимо, что во многих исследованиях и глоссариях эти два вида проникновения иноязычных компонентов в тексты не различаются¹¹. Отметим, что в книге И. Е. Гальченко проводится не лишнее научного интереса деление «регио-

¹⁰ Муравьев В. П. Лексические лакуны. Владимир, 1975; Стернин И. А., Харитонова Б. Опыт описания национально-культурной специфики слова // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1984. С. 56—67.

¹¹ См., например: Шеломенцева З. С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971; Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв. // Советская тюркология. 1973. № 3; Гайнуллина Н. И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого»: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973 и др. В статье А. А. Брагиной речь идет о стилистических функциях 18 иноязычных слов-реалий, но все они называются почему-то вкраплениями (Брагина А. А. Чужое — все-таки чужое: О стилистической роли заимствований // Русская речь. 1981. № 4. С. 60, 67); Л. В. Аникина же относит вкрапления наряду с реалиями к этнографизмам (Аникина Л. В. Использование этнографизмов в произведениях Ю. Рытхэу // Русский язык в школе. 1982. № 3).

нализмов» на называющие «специфические предметы и особые понятия, которых нет и не было в русской жизни... (например, *башлык, бурдюк, чадра* и др.)», имеющие в русском языке эквиваленты, но отличающиеся от них «смысловыми оттенками» (*арба, бурка, чурек* и т. п.) и имеющие «адекватные семантические эквиваленты», но отличающиеся от последних «своеобразной экспрессивно-стилистической окраской» (*аманат, аул, кунак* и др.). Экспрессивно-стилистическая окраска присуща в языке художественного произведения регионализмам всех видов, но для слов первой и второй групп определяющей является их коммуникативная функция, а стилистическая значимость — «побочный» результат¹². Но, рассматривая 50 северокавказских «регионализмов», автор эту классификацию игнорирует.

К словам-реалиям относятся прежде всего замещения лакун, называемых И. А. Стерниным и Б. Харитоновой мотивированными — при явном отсутствии в той или иной культуре какого-либо предмета или детали быта, например особого вида женской одежды, название которого транслитерируется по-английски *sagařan*, или современной дороги для автотранспорта без ограничения скорости движения, название которой транскрибируется по-русски *фривей*.

Однако нельзя исключить из слов-реалий и такие лакуны, которые упомянутые авторы причисляют к немотивированным, а Л. С. Бархударов — к случайным¹³. Наличие их «вызвано различным понятийным членением действительности народами, прошедшими разный исторический путь, имеющими разные культуры. К примеру... родовое понятие «брат и сестра», представленное в немецком языке лексемой *Geschwister*»¹⁴. Это «единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов и устойчивых словосочетаний) другого языка». Так, «в английском языке отсутствуют словарные соответствия русским существительным *кипяток, именинник, погорелец, пожарище*

¹² Гальченко И. Е. Указ. соч. С. 36. Отнесение лексем *аул* и *кунак* к третьей группе «регионализмов» мы считаем ошибочным.

¹³ Стернин И. А., Харитонова Б. Указ. соч. С. 59; Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975. С. 95.

¹⁴ Стернин И. А., Харитонова Б. Указ. соч. С. 59.

и др.»¹⁵. Ср. окказиональное субстантивированное фразеосочетание у А. П. Чехова: «Пишет он каждый вечер, каждое *после обеда*, когда все спят, и все написанное прячет в свой большой сундук» (Чехов. Весной) (ср. фр. *après-dîner*, нем. *der Nachmittag*). В русской действительности не вычленяются понятия 'брат и сестра', 'после обеда', а в английской действительности — 'закипающая или вскипевшая очень горячая вода', 'место, где был пожар', 'то, что осталось после пожара' — факты такого рода могут интерпретироваться как отсутствующие реалии. Необходимо отметить, что «соответствующие реалии есть, но народ в силу культурно-исторических причин их как бы не заметил, оставил их неназванными»¹⁶. Таким образом, неназванность реалии мы уподобляем ее отсутствию. Если же в каком-либо тексте такое отсутствие замещается иноязычным словом (например: «Япырау, да это же наш *жиен!* [племянник или племянница по женской линии]. Откуда нынче солнце встало!» (Момыш-улы Бахытжан. Лето в ауле)), то мы причисляем его к словам-реалиям. В нашем материале подобных замещений немного, и почти все они — наименования лиц.

Иноязычные слова-реалии — неотъемлемая принадлежность реалистических произведений, авторы которых обращают свои взоры на быт и культуру сопредельных и далеких народов. Но задолго до появления реалистической литературы чужезычию отдается дань в переводах. Так, в XI—XII вв. неизвестный древнерусский переводчик средневекового византийского романа о Дигенисе сохранил в тексте греческие слова, которым он не мог найти славянских соответствий: *измарагдъ* (σμάραγδος 'изумруд'), *магнитъ* (1. λυχνίθος λίθος, μαγνήθος 'драгоценный сверкающий камень'; 2. μαγνάδι 'косынка'), *пардусъ* (παρδαλῖς 'барс', 'пантера'), *фарь* (φάρης, φάριον 'конь арабской породы')¹⁷.

¹⁵ Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 95—96.

¹⁶ Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: (Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения). Воронеж, 1984. С. 72.

¹⁷ equus arabicus: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Спб., 1903. Т. 3. С. 1352; Кузьмина В. Д. Девгениево деяние: (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962.

В древнерусской литературе отражен пристальный интерес к новому, характерный для русских паломников на Восток, начиная с XII в. Особо следует отметить труд Афанасия Никитина¹⁸, замечательного сочинителя, талантливого, бывалого и наблюдательного, отличного знатока, по крайней мере, двух восточных языков. Н. А. Сандыбаева¹⁹ отмечает редкое стремление Афанасия Никитина к описанию обыкновенной мирской жизни, деталей быта населения стран, по которым проходил его путь, верований, обычаев, празднеств и церемоний, географических подробностей, ландшафта, фауны и флоры. Все это определило репертуар введенных Афанасием Никитиным в речевую ткань своего произведения иностранных слов-реалий и иноязычных вкраплений. В словах-реалиях нередко актуализируются периферийные, наиболее интересные пытливому наблюдателю семы. См., например, актуализацию семы 'диковинный голос' в заимствованном из языка урду названии птицы: «Есть в томъ Алянде и птица гукукъ, летает ноци, а кличет «*гукукъ*»!»²⁰ См. также своеобразную актуализацию периферийной семы 'время свершения празднества': «Меликтучарь выехал воевати индѣянь с ратию своею из града Бедеря на память шиха Иладина, а по-русскому на Покровъ святыя богородица...»²¹.

Нет необходимости подробно освещать предысторию современного употребления иноязычных слов-реалий в русской художественной литературе. Отметим лишь, что обильное чужезычие XVIII в. коснулось и художественных текстов. Например: «Знаю, что не из фундамента сердца рыдаешь» (История об Александре российском дворянине) — актуализируется периферийная сема 'глубина'; «Уже *оризонт* от первых лучей солнечных красен и огнен является» (Похождение Телемаково, сына Улисова, соч. г. Фенелоном) — актуализируется периферийная сема 'открытое пространство впер-

¹⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.; Л., 1958. 2-е изд.

¹⁹ Сандыбаева Н. А. Лексика восточного происхождения в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

²⁰ Хождение... С. 16, 216 (на урду — *гукху*).

²¹ Там же. С. 26, 215, 236, 237. Здесь вместо буквы «ять» принято *ѣ*.

ди, кругом; видимая даль', которая впоследствии стала ядерной (ССРЛЯ. Т. 3. С. 291)²².

Мы встречаемся также с актуализацией тех или иных сем ранних заимствований из русского языка в казахских художественных текстах. Например, у Абая: «Мәз болады болысың, Арқаға ұлық қаққанға. Шелтірейтіп орысың *Шенді* шекпен жапқанға» — в значение прилагательного ('приличествующий чину' — от заимствованного *шен* 'чин')²³ вносится («наводится») сема 'которым бахвалятся', придающая облачению в чиновничий мундир ироническую оценку.

Таковы и русизмы в произведении акына Қошана, приведенном И. Алтынсариним в первой статье составленного им первого номера рукописной «Қазақ газетасы» («Киргизской газеты») (1879 г.):

Уезде бір қазақ бар *помощник*
Ол дағы іс етелмайды басып-көктеп.
Арызды айтар кісің *уезнай*
Күн қайда айтатұғын сөзінді ептеп,
Сөзіңе қанша айтсаң да түспеген соң
Песірлер қуалайды *пошел*-кет деп...²⁴.

В значение лексемы *помощник* наводятся семы 'несведущий', 'некомпетентный', лексемы *песірлер* (писаря) — семы 'жестокий' и 'облеченный властью'; в совокупности они конкретизируют, делают выпуклым, рельефным образ казаха, бесправие которого усиливается от незнания русского языка.

Слова-реалии до сих пор изучались преимущественно как средство обогащения словарного состава национальных языков или русского, поэтому они систематизируются главным образом по тематическому признаку²⁵.

²² Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 250, 283.

²³ Балақаев М. Б. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары. Алматы, 1984. 98-б.

²⁴ См.: Әбілқасымов Б. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі: баспа нұсқалар тілі негізінде. Алматы, 1982. 58—60-б.

²⁵ См., например: Гальченко И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа..., 1976; Шеломенцева З. С. Взаимодействие русского и тюркских языков.. Краснодар, 1980; Асфандияров И. У. Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма: Проблемы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Ташкент, 1982; Назаров О. Н. Туркменские слова в русском тексте. Ашхабад, 1984 и др.

Многолетние наблюдения над национальными словами-реалиями в русских художественных текстах позволили Н. Г. Михайловской утверждать, что группировки лексики этого рода являются традиционными. Это обозначения: 1) лиц по какому-либо признаку (чаще всего по социальному); 2) селений и административно-территориальных единиц; 3) предметов быта и построек; 4) пищи и напитков; 5) реалий растительного и животного мира; 6) религиозно-культурных и обрядовых понятий; 7) предметов и понятий традиционной национальной культуры»²⁶. Автор говорит о возможных модификациях этой группировки. Они обнаруживаются и в нашем материале. Рубрикация русизмов дореволюционных казахских текстов мало отличается от приведенной выше. После революции большое развитие получила лексика, относящаяся к общественно-политической жизни советского общества²⁷. Рассмотренный аспект изучения слов-реалий мы считаем очень важным, а тематическую классификацию лексики — крайне необходимой.

Однако вместе с Н. Г. Михайловской «к сожалению, приходится констатировать, что проблема маркированности заимствований из национальных языков народов СССР, не говоря уже о стилистических характеристиках вариантов подобной лексики, пока исследована очень мало. Художественные тексты на русском языке, тематически и сюжетно связанные с историей и бытом народа, привлекаются, как правило, лишь в качестве иллюстраций использования национальной лексики без контекстуального анализа ее смысловых и экспрессивно-эмоциональных функций»²⁸. В другом месте автор справедливо утверждает, что национальное слово «обогащается новым смыслом и насыщается эмоциональными оттенками, когда через него преломляется индивидуальная поэти-

²⁶ Михайловская Н. Г. Лексика языков народов СССР в современных толковых словарях русского языка // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 73.

²⁷ См.: Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков / Отв. ред. А. А. Юлдашев. М., 1984. С. 173—181.

²⁸ Михайловская Н. Г. О лексическом взаимодействии русского языка с национальными языками народов СССР: (На материале советской литературы) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 4. С. 294.

ка писателя»²⁹. Все это относится в полной мере и к русизмам в составе художественных текстов на языках народов СССР³⁰.

Для выявления экспрессивных свойств иноязычных слов-реалий необходимо представить их значения (в иной терминологии — семемы) как структурные объединения *денотативных* сем, несущих предметно-понятийную или чисто понятийную информацию об объективной действительности, и *коннотативных*, отражающих отношение говорящего к предмету номинации (оценку и /или эмоцию) и характеризующих ситуацию общения.

Денотативная сема — компонент семемы, отражающий определенный признак предмета или понятия. Этот признак может быть в большей или меньшей мере детализованным: «Предел разложения семемы на семы является относительным, он определяется практическими потребностями анализа слов и объективным пределом познания соответствующего слову денотата. В сознании носителей языка семантические признаки существуют в основном неосознанно, но в процедуре выбора слов они учитываются, осознаются, а в речи эти признаки актуализируются»³¹.

В структуре семемы выделяются ядро и периферия значения, ядерные и периферийные семы. Ядерные семы, как правило, входят в дефиниции толковых словарей, а периферийные не входят, так как не выполняют функции дифференциации признаков того или иного предмета или понятия. Так, в эпоху, описываемую А. Алимжановым в романе «Гонец» (первая треть XVIII в.), ядром значения лексемы *батыр* было 'военачальник', а в периферию входили семы 'храбрый', 'мужественный', 'благородный'. Этими признаками обычно характеризовались предводители казахских войск, сражавшиеся с поработителями-джунгарами, но все же они не опреде-

²⁹ Михайловская Н. Г. Варианты «безэквивалентной» («экзотической») лексики // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983. С. 133.

³⁰ О пренебрежении «эстетической» стороной дела свидетельствует тот факт, что ее совершенно не касается автор труда, специально посвященного проблеме слов-реалий. См.: Шумагер Е. И. Слова-этнореалии в составе лексики современного немецкого языка: (На материале словарей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1986.

³¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Указ. соч. С. 39.

ляли существо данного понятия (возможны были, пусть очень редко, военачальники, которые не отличались данными признаками).

Актуализироваться, т. е. выделяться из структуры значения, может любая сема, принадлежащая ядру или периферии, а также ядро и периферия в целом. Обратимся к примерам: актуализация ядерной семемы, обозначаемой лексемой *батыр*: «От одного каравана беженцев к другому шла молва о *батырах*, где-то в степях Сарыарки собиравших ополченне» (Алимжанов. Гонец, 194); актуализации периферийных сем: «Говорят, что он отличился при защите крепости своим бесстрашием и хитростью, и джигиты называли его *батыром*» (Там же, 194); и, наконец, актуализация ядра и периферии: «<...> от сарбаза к сарбазу, от сотни ополченцев к другой сотне пошла весть о храбром и честном *батыре* Жанатае» (Там же, 198).

И. А. Стернин предлагает десять противопоставлений денотативных сем по разным признакам³². Для наших целей достаточно использовать следующие четыре:

1. По отношению к системе языка: *узусальные* — входящие в системное значение слова, и *оказиональные* — наведенные контекстом или ситуацией, не входящие в значение слова, а присоединяющиеся к нему лишь в коммуникативном акте (см. примеры выше).

2. По различительной силе: *интегральные* — общие для значений группы слов и *дифференциальные* — выполняющие различительные функции. Разновидностью интегральной семы является *архисема*, относящая «предмет к определенному классу (ср. медведь — животное, стул — мебель, стакан — сосуд и др.). Дифференциальной будет любая сема, конкретизирующая архисему в составе семемы³³: «С кереге свисали, туго выпятив бока, два вместительных *саба* — кожаных мешка: один из шкуры жеребенка, второй из шкуры лошади-трехлетки» (Досжанов. Кумыс, 360). Архисема — 'вместилище', дифференциальные семы: 'для жидкости, обычно для, кумыса', 'большие', 'из шкур животных'. Автор актуализирует архисему и третью из дифференциальных сем, а переводчик сохраняет эту актуализацию.

³² Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 56—70.

³³ Там же. С. 59.

3. По степени яркости: *яркие* и *слабые*. Яркие семы лежат «как бы на поверхности языкового сознания»³⁴, в первую очередь приходят на память, слабые уступают ярким «по психологической осознанности в структуре значения»³⁵. Яркость семы может изменяться в акте речи: «Черная *саба*, в которой стригун мог бы плавать свободно, огромный котел из Бухары, вмещающий тушу двухлетки, — все опустеет, все останется без хозяина» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 18). Здесь приобретает яркость и актуализируется наряду с архисемой вторая дифференциальная сема семемы, обозначенной лексемой *саба*.

4. По характеру конкретного содержания: *ассертивные* и *диспозициональные*. Ассертивные семы указывают на объективные признаки (мужчина — 'лицо', 'взрослый', 'мужской пол'), а диспозициональные «отражают признаки, которые приписываются „идеальному“, классическому денотату, лучшему в своем роде» (мужчина — 'энергичный', 'сильный', 'смелый': «Что ж ты за мужчина?»; «Ну какой же ты после этого мужчина?»)»³⁶: «Да и сам Куанышев не раз подшучивал: «Не нужно напрасно дымить, ребята. Надо идти ходом, который тебе задан». Вот за это Куанышева за глаза называли *аксакалом*» (Габбасов. Засуха, 61).

Актуализируется, помимо архисемы 'лицо' и дифференциальных сем 'солидного возраста', 'уважаемое', которые являются ассертивными, диспозициональная сема 'хороший советчик'.

Узуальные, интегральные и дифференциальные, яркие, ассертивные семы относятся, как правило, к ядру значения, а окказиональные, слабые, диспозициональные — к периферии.

В отличие от денотативных сем коннотативные отражают, как уже отмечалось, не признак денотата, а отношение говорящего к нему в форме оценки (положительной или отрицательной)³⁷ и эмоции (восторга, восхищения, ликования, радости, замешательства, смущения).

³⁴ Там же. С. 60.

³⁵ Там же. С. 61.

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Оценочность может присутствовать и в денотативном компоненте значения в таких словах, как *молодец*, *отличник*; *изверг*, *подлец*. О приеме различения оценочного денотативного и коннотативного компонентов см.: Попова З. Д., Стернин И. А. Указ. соч. С. 58.

ния, сочувствия, удивления, обиды, отвращения, отчаяния, тревоги, угрызения совести и под.). Оценочная и эмоциональная семы в структуре значения тесно связаны, и не всегда их можно разграничить. «В то время как оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом, эмоциональный компонент не может появиться в слове без оценки, ибо любая эмоция носит оценочный характер, хотя не всякая оценка обязательно эмоциональна»³⁸: «Есений?... Как можно сказать, что он лишился рассудка? Лишиться рассудка и *закинуть курук* на такую девушку, как ты!» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 76). Фразеосочетание *закинуть курук* означает 'набросить приспособление' (архисема), 'для ловли животного', 'с целью его поймать' (две дифференциальные семы). Все эти семы здесь отодвинуты на задний план, ослаблены до такой степени, что лишь ассоциативное соотношение с ними функционирует в коммуникативном акте. Актуализированы яркие окказиональные наведенные ситуацией семы 'подчинить себе' и 'влюбить в себя'. Вместе с тем присутствуют коннотативная сема оценки ('одобрение') и эмоциональные семы 'аффективное опровержение' и 'восхищение'³⁹.

В предложении: «Продснаб бастығы сендерге *игрушка* емес! — Мен де саған *игрошки* емеспін, — деді қарт» (Мәдениет және тұрмыс. 1964. № 2)⁴⁰ актуализируется диспозициональная сема 'легковесное, не принимаемое всерьез', которая сопрягается в сознании с ассертивной семой 'предмет, предназначенный для игры детей'. Мы не склонны признавать лексему *игрушка* вкраплением, ибо в данном случае ненормативно и невозможно использование ее казахского аналога *ойыншық*, (семема которого, кстати, может включать также и другую, присутствующую русскому языку, диспозициональную сему 'ору-

³⁸ Стернин И. А. Указ. соч. С. 71. См. также: Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983; Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3.

³⁹ Заметим, что актуализация «не состоялась бы», если бы переводчик заменил казахизм *курук* старым, ассимилированным русским языком еще в XVII в. тюркизмом *аркан*.

⁴⁰ Цит. по книге К. М. Мусаева (Указ. соч. С. 180), который иллюстрирует этим примером утверждение, что «в большинстве случаев употребление русских слов в устной речи несет экспрессивную нагрузку».

дне забавы, развлечения (не детей, а взрослых): біреудің қолындағы ойыншығы болу — 'быть игрушкой в чьих-либо руках'.

Наряду с актуализированной денотативной диспозициональной семой образуется сема оценки 'неодобрение' и эмоциональная сема 'возмущение'.

К коннотативным относятся также функционально-стилистические семы, которые несут информацию о ситуации, в которой протекает речевой акт, указывают на принадлежность лексемы к тому или иному функциональному стилю языка: книжному, разговорному, просторечному, публицистическому, официально-деловому, научному⁴¹. В необходимых случаях мы будем отмечать в исследуемых семемах наличие тех или иных функционально-стилевых сем, а также выделять играющий некоторую роль в казахском языке *гонорифический* компонент значения («систему почтения»)⁴², но главным образом не в словах-реалиях, а во вкраплениях.

Не следует ожидать актуализации каких-либо сем во всех словах-реалиях. Нередко семемы таких слов воспринимаются целиком, без расчленения их структуры, особенно в обозначениях предметов быта: «Подрагивая от утренней прохлады, Алдияр взял *кумган*, ополоснул лицо» (Досжанов. *Лодочник*, 24); объектов природы: «Стена его [тумана] наступала на занимавшееся утро, обволакивая верхушки *тугаев*» (Досжанов. *Лодочник*, 23); продуктов питания: «Перед ними на огромных подносах стояло праздничное угощение — плов, шашлык, *баурсаки*, кишмиш, миндаль» (Анов. *Ак-Мечеть*, 28).

В казахских текстах встречаются русские слова-реалии: «Панферов іші ақ, сырты көк сырлы *кружкадан* молырақ ұрттап жіберді» (Ахтанов. *Қаһарлы күндер*, 95). Подробности, касающиеся цвета кружки, из которой пил Панферов, не выделяют какой-либо семы данной семемы. Необходимо обратить внимание на нерелевантное в экспрессивном отношении указание на место, в котором пребывало доверенное лицо бая: «Қораның екінші басында байдың *довернайы* тұрады» (Жансүгіров. *Жолдастар*, 113). Но это не означает, что

⁴¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Указ. соч. С. 59; Стернин И. А. Указ. соч. С. 73.

⁴² См.: Стернин И. А. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. С. 123—129.

лексемы *кумган, тугай, баурсаки* в русских и *кружка, доверной* в казахских текстах лишены экспрессивной маркированности.

В лингвистической литературе распространено понятие экспрессемы как «кванта выразительности»⁴³, в нашем понимании — оценочной или эмоциональной семы. В. И. Болотов выдвинул и обосновал гипотезу, согласно которой «нарушение нормальных отношений между компонентами текста может быть в определенных условиях источником эмоциональности текста»⁴⁴. Мы склонны толковать «нарушение нормальных отношений» более широко, в духе «обманутого ожидания»⁴⁵ или «эффекта неожиданности»⁴⁶; в понятие эмоциональности, возникающей, согласно П. В. Симонову, при рассогласовании между той информацией, которая необходима для удовлетворения данной потребности, и той, которой субъект обладает⁴⁷, мы включаем также «микроэмоцию», т. е. вызываемую указанной закономерностью мгновенную реакцию на какой-либо языковой феномен⁴⁸. Роль такого феномена в нашем случае играет иноязычное слово-реалия или вкрапление⁴⁹. Это «чужое слово», о сути которого в поэтическом тексте пространно и красочно писал Ю. М. Лотман⁵⁰. Ср. также: «...есть чужие

⁴³ Григорьев В. П. Введение // Поэт и слово: Опыт словаря. М., 1973. С. 61; *Он же*: Поэтика слова. М., 1975. С. 135.

⁴⁴ Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариантности. Ташкент, 1981. С. 4.

⁴⁵ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981. С. 69—73.

⁴⁶ Григорьева А. Д. От редактора // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М., 1977. С. 24.

⁴⁷ Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970. С. 63—64. Ср. учение Л. А. Киселевой о прагматическом эффекте информации: сила прагмем (единиц языка, предназначенных для воздействия на психику и регуляцию поведения) «тем больше, чем меньше они частотны и... чем меньше они ожидаемы, или (что то же) чем более они неожиданны в данной речевой ситуации» (Киселева Л. А. Язык как средство воздействия: (На материале эмоционально-оценочной лексики современного русского языка). Л., 1971. С. 51; см. также: Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978).

⁴⁸ Копыленко М. М. Устарелые фразеосочетания в романе «Анна Каренина»...; *Он же*. О выразительных средствах эсперанто...

⁴⁹ См. также: из новых слов-реалий — «Иллюзионное шоу» (на цирковой афише); книга о чае, изданная в Алма-Ате, называется не «Чашка чая», а «Пиала душистого чая» (1986).

⁵⁰ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972. С. 106—113.

слова, стойко удерживающие свое особое место в заимствующем языке. Такие слова могут выполнять роль своеобразной маски, прикрывающей непосредственность чувств, о которых почему-либо трудно говорить. Вспомним, как мучится Анна, думая о бале, Вронском и Кити, перед которой она чувствует себя виноватой. И на слова Долли: «У тебя все в душе ясно и хорошо?» Анна отвечает: «У каждого есть в душе свои skeletons, как говорят англичане». «Какой же у тебя skeletons? У тебя все так ясно». «Есть!» — вдруг сказала Анна... Skeletons (тайны; душевные раны) — зарождающееся в душе Анны чувство к Вронскому, о котором она не может, не позволяет себе говорить. И вот спасительное чужое слово как бы отделило от нее то, что хотелось так отстранить от себя. Функция подобных слов особенно ярка: требуются, даже необходимы, слова чужие, которые приобретают особую стилистическую функцию. Здесь не нужна замена «своим» словом, так как это грозит потерей определенного оттенка в значении чужого слова»⁵¹.

Для иноязычных вкраплений наиболее характерен эмоциональный эффект чужезычия, расчленение семантической структуры слова и актуализация тех или иных сем здесь встречается реже. Если слова-реалии присущи главным образом европейской реалистической литературе, то вкрапления появляются уже в текстах, принадлежащих литературе романтической⁵². Иноязычными лексемами-вкраплениями пестрят, например, произведения таких авторов, как М. Н. Загоскин (1789—1852) и И. И. Лажечников (1792—1869).

В романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или русские в 1812 году» французские реплики вплетаются не только в речь персонажей-русских (что, впрочем, точно воспроизводит манеру изъясняться, принятую в высших слоях общества начала XIX в.): «С воплем отчаяния бросилась Лидина к своей дочери:

— Chère enfant! [Милое дитя!] — вскричала она, — что с тобой сделалось? <...> Ah, mon dieu! [О боже мой!] она не дышит... она умерла!..» (Загоскин. Рославлев, 37), но и в речь персонажей-французов, в устах ко-

⁵¹ Брагина А. А. Чужое — все-таки чужое // Русская речь. 1981. № 4. С. 61.

⁵² См. также: Михайловская Н. Г. Лексика языков народов СССР в современных толковых словарях... С. 71.

торых русский язык репрезентирует французский: «Я предлагал ему место старшего сержанта в моей роте, — говорит французский офицер, — в ту самую минуту, как он стоял добровольно под градом неприятельских ядер; он решительно отказался и именно потому, что он отец семейства и должен беречь жизнь свою. Avouez que c'est délicieux! [Согласитесь, что это прелестно!]*». Здесь французская речь вряд ли должна показать, что персонаж француз, а не русский — это ведь и так ясно. Французская реплика колоритно оттеняет двуязычие эпохи в целом — не более того.

Обратимся еще к примеру: «А, здравствуйте, mon cousin! [мой кузен!] — сказала Радугина, разумеется, по-французски, кивнув приветливо головою входящему Рославлеву. — Не хотите ли чаю?» (Загоскин. Рославлев, 10). Если все было произнесено Радугиной по-французски, то зачем нужен французский вокатив⁵³, вплетенный собственно не в русский, а во французский текст? Он, видимо, подчеркивает тот факт, что Радугина двуязычна вообще, а вовсе не в данной ситуации.

В романе И. И. Лажечникова «Басурман» вкрапления-архаизмы тут же поясняются автором: «А на больших слонах <...> по два прапорца (сноска автора: знамя), к зубьям повязаны великие мечи (Лажечников. Басурман, 8). См. также блиставица — молния, снасть — сбруя, божница — образная, колодка — скамеечка, угорский — венгерский и многие другие⁵⁴. Каждое из вкраплений — весьма приблизительно передающая колорит эпохи (Россия в XV в.) экспрессема.

В реалистической литературе вкрапления стали значительно разнообразнее, они точнее отражают среду и время, в которых развивается действие, ярче проявляется их познавательная роль.

Иноязычные вкрапления в художественных текстах изучались языковедами преимущественно попутно, в связи с исследованием фразеологии⁵⁵, устно-разговор-

⁵³ Термином «вокатив» обозначаем слово, посредством которого осуществляется обращение.

⁵⁴ Ср. мнение исследователя: «...полное раскрытие семантики слова не входит в художественную задачу; архаизм сохраняет для читателя новизну, экзотичность, является элементом исторической стилизации» (Семенови О. Н. Архаическая лексика в романе А. Толстого «Петр I» и способы ее перевода на эстонский язык // Теория и практика перевода. Л., 1962. С. 63).

⁵⁵ Бабкин А. М. Русская фразеология: Ее развитие и источники. Л., 1970.

ной речи в пределах литературных текстов⁵⁶ и речевой характеристики героев драматических произведений⁵⁷.

Среди работ, посвященных специально иноязычным вкраплениям, выделяются статья А. А. Леонтьева⁵⁸ и книги Ю. Т. Листровой-Правды⁵⁹. Существенные сведения о вкраплениях (в частности об их отличиях от экзотизмов) содержатся в упомянутой книге Л. П. Крысина⁶⁰.

А. А. Леонтьев, классифицируя случаи «сосуществования» двух текстов, использует аналитическую модель с четырьмя независимыми уровнями: лексемным (1), морфемным (2), фонемным (3) и уровнем звукотипов (4). Возможны 16 комбинаций этих четырех уровней⁶¹. Вот одна из комбинаций (1234), где наблюдается «прямая вставка в русский текст отрезка на иностранном языке: «То, что в лондонском кругу зовется *vulgar*» (Пушкин); «*What are you doing? Что ты делаешь? It's impossible!*» (И. Ильф, Е. Петров)»⁶². Или второй случай — когда иноязычное слово употребляется в русской речи с изменением значения, вызванным спецификой семантических отношений в системе лексем русского контекста, сохраняя в остальном свой первоначальный облик (1—234): «Он говорил; «*absolument*» в смысле «непрерывно», словом, выражался на том великорусском французском наречии, над которым так смеются французы (Тургенев. *Отцы и дети*)»⁶³.

Условиям возникновения и проникновения в русскую речь иноязычных вкраплений посвящены книги Ю. Т. Листровой-Правды. Материалом в первой книге являются немецкие вкрапления, а во второй — вкрапле-

⁵⁶ Лаптева О. А. Устная разговорная речь как явление литературного языка // Русский язык за рубежом. 1976. № 2.

⁵⁷ Ковалевская Е. Г. Речевая характеристика в русских драматических произведениях XVII—XVIII вв. // Вопросы стилистики. Саратов, 1975. Вып. 10. С. 61—72.

⁵⁸ Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

⁵⁹ Листрова Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX в.: (На материале немецких вкраплений). Воронеж, 1979; Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX в. Воронеж, 1986.

⁶⁰ Крысин Л. П. Указ. соч. С. 46—50.

⁶¹ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 61.

⁶² Там же. С. 62.

⁶³ Там же. С. 63.

ния немецких, французских, английских, латинских лексем и фразеосочетаний в текстах русской художественной литературы XIX в. Автор определяет, в каком объеме и как используют вкрапления в своем творчестве писатели XIX и отчасти XVIII вв. Исследование их в языке произведений классиков русского реализма позволяет установить своеобразие состава, принципы отбора и использования, а также восстановить языковую ситуацию, которая существовала в дореволюционной России.

Ю. Т. Листрова-Правда относит к иноязычным вкраплениям не только отдельные слова и выражения, но и самостоятельные фразы и целые отрывки иноязычного текста. Следовательно, термин «иноязычное вкрапление» обозначает иноязычные явления разного «объема», включенные как «инородные тела» в речь билингов и далеко не полно представляющие действительное разнообразие иноязычных вкраплений.

Анализируя формы иноязычных вкраплений, исследователи вскользь касаются их функциональных признаков. Они утверждают лишь, что иноязычные вставки возникают как «естественное следствие неудовлетворенной выразительной потребности говорящего»⁶⁴, для которого в том или ином контексте, например, не хватает слов русского языка. Согласно Л. П. Крысину, употребление иноязычных вкраплений обусловлено «степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи»⁶⁵. Выделяется еще один тип вкраплений, когда «говорящий (автор текста, а не действующее лицо литературного произведения, которому принадлежит та или иная реплика, и не выдуманный автором фиктивный автор (барон Врангель у Д. Бедного)) сознательно сосредоточивает свое внимание на данном слове, семантически и синтаксически выделяя его»⁶⁶ (ср. сказанное ранее об актуализации тех или иных сем). Но функциональная природа вкраплений в действительности гораздо шире. Известна, например, их роль в критически заостренных текстах революционной публицистики начала XX в., особенно в трудах В. И. Ленина: «... Вкрапления

⁶⁴ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 67; См также: Листрова Ю. Т. Иносистемные языковые явления... С. 14.

⁶⁵ Крысин Л. П. Указ. соч. С. 47.

⁶⁶ Листрова Ю. Т. Иносистемные языковые явления... С. 14.

иностранных слов и выражений, собственные имена, гибридные слова (quasi-искровцы (8, 448), рыцарь-Kleinbürger (1, 408), Iapsus'ы (18,177) и т. п. (все это также вкрапления. — М. К.), стилистически сниженная лексика являются лингвистически релевантными составными частями ленинского лексикона, т. е. сознательно культивируемыми компонентами ленинского языка и стиля»⁶⁷.

В казахском языкознании исследуемый вопрос затронут А. Б. Болганбаевым. В книге «Лексикология казахского языка»⁶⁸ он приводит ряд русских вкраплений в казахскую речь, именуя их не без оснований варваризмами. М. М. Копыленко выявляет функциональные особенности русских вкраплений в казахские художественные тексты: прямое отражение двуязычных ситуаций, средства интимизации, экспрессию иноязычности, средства создания колорита, отражение плохого знания казахского языка⁶⁹.

Иноязычные вкрапления затрагивают все сферы языка⁷⁰ и подразделяются на:

1. Фонетические. В. П. Ковалев отмечает в числе выразительных средств художественной речи акцентное произношение людей, для которых русский язык не является родным. Например, у Горького речь перса: «Здырясты, здырясты!, грузина «Послушэты! Зачэм ходыш таким курицам? Хады галава взрх! и др⁷¹.

2. Морфологические, обнаруживаемые главным образом в отношениях между близкородственными языками. См., например, белорусское вкрапление в русском тексте: «Ели что? — Ели тут. Картоплю» (Быков. Знак беды).

⁶⁷ Денисов П. Н. Словарь языка В. И. Ленина как новый тип словаря // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 7.

⁶⁸ Болганбаев Ә. Қазақ тілінің лексикологиясы. Алматы, 1988.

⁶⁹ Копыленко М. М. Русские вкрапления в казахские художественные тексты // Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982. С. 93—106.

⁷⁰ Копыленко М. М. Белорусские вкрапления в русских художественных текстах: (Функции, структура, номинативная природа) // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 1986; Он же. Иноязычные вкрапления в художественном тексте: (Структура, функция, номинативная природа) // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод. Орел, 1987.

⁷¹ См.: Ковалев В. П. Выразительные средства художественной речи: Пособие для учителя. Киев, 1985. С. 38.

Казахским морфологическим вкраплением является несвойственное русскому языку удвоение, окказиональное образование парного слова: «Совсем пустой народ <...> *Округ-мокруг*, чего тут бояться» (Симашко); «Ай, *кошму-мошму* — все нужно. У нее <...> бедный род, ничего не имеет» (Симашко).

3. Морфонологические — включение форм близкородственного языка, например белорусского, в русский текст: «...вслушивается, что *деется* в том конце» (Кудравец. Посеять жито (в переводе И. Киреенко)).

4. Словообразовательные: «Я ныне... *весную* и зиму по Эмбе, по Илеку и по Кобде рекам...» (Прощение хана Нурали на имя Петра III, янв. 1762 г. (перевод с татарского). Форма *көктеп* (от глагола *көкте-*) возможна и по-казахски.

5. Синтаксические: «Я вас спросит, зач^ом ви на мне так прилежно *взирайт?* — прокричал он с удвоенною яростию. — *Я ко двору известен*, а ви *неизвестен ко двору*» (Достоевский. Униженные и оскорбленные) (нем. am Hofe bekannt).

6. Лексические: «Ты мне и всегда *chère*, но тут ты еще *шерее* мне сделалась» (Л. Толстой. Письмо к Т. А. Берс, 1—3/1 1864 г.); «Самым любимым его словом было «*кабаре*»: — Это же *кабаре!* — говорил он, если видел что-нибудь нелепое или непонятное. — Чистое *кабаре*, накажи меня бог!» (Паустовский. Северная повесть); «*Как раз* бізге құнарлы жер керек» (Жұлдыз. 1979. № 4. 92-б.); «Кім талып қалды дейсің? — *Писатіл* дей ме, *жорналыс* дей ме? — Қайсысы? — Е-е, мен қайдан білейін. Омар аға Изотовты түтіп жей жаздады әйтеуір» (Тарази Ә. Бұлтқа салған ұясын. 31-б.).

7. Лексико-семантические: «...все ханы наши, князья и батыры просим вас, генерала и мурзы, послать *тяжолого посла* со оными посланниками» (каз. *ауыр адам* — уравновешенный, выдержанный человек) (Письмо Кушук-хана и Барак-султана М. Тевкелеву о посылке русского посольства в Средний жуз, 1735 г.); «Бредет себе потихоньку по пыльной тропинке буден и запивает *черным чаем* свой честно заработанный хлеб» (каз. *қара* — без примеси чего-либо, здесь — пустым чаем) (Досжанов. Ветер Львиная Грива, 385).

8. Фразеологические: «...взрослый широкоплечий человек <...> кричал в гневе: «Я тебе покажу, *гром и молния*, как заниматься воровством!»» (образо-

вание, индуцированное⁷² нем. Donnerwetter); «Теперь мы должны двигаться бесшумно, как лисы» (түлкідей) (Алимжанов. Гонец, 207); «Эй, сказано ведь, ударившего камнем побей угощением» (таспен атқанды аспен ат) (Бокеев. Ардак, 285); «Узун кулак доносит, что гонцы мчатся из Талкына — маленькой крепости, стоящей где-то на крутом перевале Джунгарских гор» (Алимжанов. Гонец, 184); «Да ну тебя! Саған айттың не, айтпадың не. Айда кеттік» (Жұлдыз. 1979. № 4. 22-б.). Как видно из примеров, фразеологическое вкрапление может проявляться как в плане содержания (кальки и индуцированные образования), так и в плане выражения (займствованные сочетания лексем).

Наличествуя также вкрапления-предложения: «Велту су саво квайлом пасаком, — сказала Рута Бурбулене, строгая жена, и Алеша, хотя и не знал по-литовски ни слова, догадался, что это примерно значило: ври, да знай меру» (Рекемчук. Тридцать шесть и шесть) и сверхфазовые единства (преимущественно цитаты из литературных произведений, фрагменты песен и под.).

Как уже отмечалось, каждое иноязычное вкрапление оказывает определенное «микроэмоциональное» воздействие на читателя. Авторы используют для этого следующие приемы:

1. Реалистическое воспроизведение идиолекта персонажа, насыщенного двуязычием. Например, речь немецкого генерала фон Шратта в пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных» звучит таким образом: «Ваша светлость, я попросил бы ответа мгновенно. В моем распоряжении десять *маленьких* минут, после этого я *раздеваю с себя ответственность* за жизнь вашей светлости».

Вкрапления могут служить прямым отражением двуязычных ситуаций: один из собеседников — русский, другой — казах, и каждый говорит на своем языке: «*Ну и циркач!* — Оның несі күлкі? — Сондай да ат бола ма екен!» (Тарази. Бұлқа салған ұясын, 49-б.); «*Кұрылысшысың ба? — Жоқ қиратушы... — Взрывник, что ли?*» (Там же, 48-б.); «*Теріс қарап жатыр, бармаймын дейді. — Как это так!* Мұндайды күтпеген Мамыржан қып-қызыл болып не істерін білмей отырып қалды» (Там же, 61-б.).

⁷² Копыленко М. М. Типология казахских эквивалентов фразеологическим сочетаниям русского языка // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1986. № 3. С. 14.

Двуязычие обычно не проводится последовательно, на протяжении всего литературного произведения; обозначив его двумя-тремя примерами, автор переходит на один язык. Такая практика отражает реальную языковую обстановку. Тот факт, что двуязычный диалог прерывается и автор обращается к одному языку, означает, что коммуниканты в литературном произведении либо также перешли на один язык, либо общаются на двух посредством переводчика. Таким образом, автор лишь подчеркивает принадлежность коммуникантов к двум языковым средам⁷³.

2. Формирование речи персонажа таким образом, чтобы она включала не присущие ей спонтанно вкрапления; персонаж (осуществляя замысел автора) намеренно вводит их в свою речь с какой-либо целью; «*Пане доктоже... — говорит Юзефа нерешительно. — Я им скажу, чтобы к другому доктору пошли, а?*» (Бурштейн. Дорога уходит вдаль). Юзефа — белоруска, но обращение к доктору произносит из почтения к адресату польски, на «ученом» языке («гонорифическая» функция). См. также шуточный разговор между медицинской сестрой Ниной (переименованной на казахский лад в Нуржан) и раненым солдатом Кантарбаевым в госпитале. Русская речь, насыщенная казахскими вкраплениями (лексическими и фонетическими), служит в устах Кантарбаева средством интимизации — стремлением сблизиться со слушателями-русскими⁷⁴: «*Жок, некакой согыс... непочем, бздраблэт будем Нуржан и псе, прямо женить будем, я согласын*» (Жұлдыз. 1979. № 2. 73-б.).

3. Воздействие на читателя при помощи вкраплений непосредственно. Здесь можно выделить две основные функции.

А. Функция, которую мы называем обобщенно колористической, имея при этом в виду, что создаваемый вкраплениями колорит в полном соответствии с определением этого термина («Своеобразие, характерная особенность чего-либо». ССРЛЯ. Т. 5. С. 1187) может оттенять сообщаемое весьма различно.

В следующих примерах казахская речь русских персонажей является эквивалентом русской, а для того,

⁷³ См.: Копыленко М. М. Русские вкрапления... С. 95—97.

⁷⁴ Там же. С. 97.

чтобы показать и оттенить этот факт, авторы вставляют русские слова и выражения.

Героиня рассказа Дарья Михайловна уезжает и просит друга Мишу на прощанье пожелать ей чего-нибудь: «*Ни пуха, ни пера!* — деп қолын жайды, — рахмет, жаным, Мишам, менің досым» (Жұлдыз. 1979. № 2. 10-б.).

Возмущенный возглас русскоязычного персонажа передается по-русски: «Омар отыра кетті. «Кінәсін мойындады!» деп қорытқан Аблез Кенжеевич, кіналы «баланы біржолы тұқыртпақ» еді, Альберт Исаевич столды жұдырықпен қойып қарғып тұрды. — *Перестаньте! Как вы смеете!* — Аблез Кенжеевич, ойлана алатын адам болса өзіне өзі таң қалар еді...» (Тарази. Бұлтқа..., 166-б.). Русское приветствие «вводит» появление русскоязычного персонажа, который далее продолжает говорить на казахском языке, выступающем в роли эквивалента русской речи: «*Здравствуйте!* — Өзі қылықты бала, үні үзіліп кетейін деп тұрады. — А-а-а, Марина, кел, кел! — Зә-әуэра, бір минутқа шығып кетсінші...» (Там же, 82-б.).

Сатирически высмеивается молитвенное причитание неверующей комсомолки: «Әшейінде құдайға сенбейтін комсомол қыз «Құлама суға» жеткенше: «*боже, помоги! боже помоги!*» — деп жалбарынумен болды» (Там же, 68-б.). См. также «колористические» вкрапления в речи автора, используемые для иронической характеристики персонажей: «Немцы ...изредка сообщали друг другу... какой-нибудь *виц* [шутку] или *шарфзин* [остроту] знаменитого немецкого остроумца» (Достоевский. Униженные и оскорбленные). Отметим и вкрапления в несобственно прямой речи, способствующие созданию образа любознательной, внутренне интеллигентной владычицы степи: «Улпан за это время узнала немало русских слов. Кумыс русские мастера называли *шампан*, мясо — махан, казахов — киргизами. Улпан у них — *кожайка*, кыз — *депка*, катын — *баба*, пышак — *нож*. Поначалу она думала, что сеники — значит моя, а меники — *туая*. Но оказалось наоборот, меники — моя, а сеники — *туая*» (Мусрепов. Улпан — ее имя. 171).

Б. Вкрапления, отражающие экспрессию иноязычности. Казахская лексика в русских текстах и русская лексика в казахских часто использу-

ется в авторской речи и диалогах как экспрессивное средство, вносящее оживление и способствующее привлечению внимания к сообщаемому. См., например, риторический вопрос в речи автора: «Чем украсить *дастархан*, если дома ни *арака-шарапа*, ни *сладостей-пряностей* нет» (Досжанов. Ветер Львиная Грива, 385) (здесь вкраплениями являются не только казахские слова, но и сочетание русских лексем *сладостей-пряностей* по типу парных слов казахского языка). Обратимся еще к примерам. Возглас председателя сельсовета (казаха) на совещании актива: «*Как раз* бізге құнарлы жер керек» (Жұлдыз. 1979. № 3. 92-б.); «Алмас! — Да. — Привет! — Мені шақырмайсың ба? — Конечно, шақырамын!» (Жалын. 1979. № 3. 25-б.).

Мы не исчерпали всех функций русских (казахских) вкраплений. Многие из них будут выявлены дополнительно в процессе анализа эксцерпций из художественных и публицистических текстов.

Разновидности иноязычных вкраплений присущи как оригинальным текстам (в которые они вводятся авторами), так и переводам (в которых сохраняются переводчиками при передаче содержания и экспрессивных особенностей оригинальных текстов). Различия между числом и функционированием вкраплений в этих двух типах художественных текстов не слишком велики, но все же имеются⁷⁵. Они будут выявлены в ходе исследования. То же касается и различий между художественными и публицистическими текстами.

К числу слов-реалий и вкраплений в русских текстах относятся не только собственно казахизмы⁷⁶ типа *гостаган* (деревянная чаша для кумыса), *опырмай!* (междометие удивления), но и тюркизмы, известные русско-

⁷⁵ Так, кальки с паремий распространены в большей степени в переводах. А. В. Окладникова объясняет это тем, что «язык переводов носит более строгий, «нейтральный» характер, чем язык оригинальных произведений». «Герой английского романа не может <...> шеголять русскими пословицами типа «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» — нельзя, следовательно, подбирать паремии, эквивалентные русским (казахским), а лучше их калькировать. См.: Окладникова А. В. Исследование в области языка переводов: (Проблемы нормы и узуса): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1980. С. 15.

⁷⁶ См.: Танабаева А. Н. Проблемы освоения казахской лексики в газетно-публицистическом стиле русского языка: (На материале газеты «Казахстанская правда»): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Алма-Ата, 1986. С. 5.

му языку до его контактов с казахским языком и /или независимо от таких контактов, например: *батыр, джигит, камча, аллах, мазар, казан* (сюда относятся также арабизмы и иранизмы, проникшие в русский язык через тюркские языки). Это различие мы не принимаем во внимание, потому что те и другие имеются в современном казахском языке, используются русскоязычными писателями Казахстана, а также переводчиками, сохраняющими их в русских текстах, адекватных по содержанию казахским. Это касается и различий между собственно русизмами (*көпене (копна), Слау бога!*) и заимствованиями из западноевропейских языков, а также интернациональными словами, проникшими в казахский язык через русский (*банкурт (банкрот), жандарал (генерал), жарменке (ярмарка)*). Они одинаково используются в оригинальных и переводных текстах в качестве слов-реалий и вкраплений.

Глава 2

КАЗАХСКИЕ СЛОВА-РЕАЛИИ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

2.1. Обозначения лиц

Обозначения лиц составляют значительную часть казахских слов, выявленных в русском художественном тексте. Это объясняется тем, что «персонные» понятия аккумулируют характерные для любого этноса особенности развития ремесел, профессий, имущественных и родственных отношений, военно-административных установлений и т. д.

Казахские «персонные» существительные в русских художественных текстах подразделяются на следующие группы: 1) обозначения лиц по возрастному признаку, 2) по родственным отношениям, 3) по имущественным отношениям, 4) по происхождению, 5) по занимаемой должности, 6) по отношению к выполняемым воинским обязанностям, 7) по роду занятий и ремеслу.

Обозначения лиц по возрастному признаку. Наибольшее число употреблений приходится на слово *джигит* обладающее и самым широким семантическим объемом. В словарной дефиниции лексемы *жігіт* отмечены следующие узуальные семы: 'достигший зрелости', 'молодой', 'мужского пола'¹. Каждая из этих узуальных сем может актуализироваться.

Так, в большом количестве употреблений слова *джигит* сема 'молодость' как бы уходит на периферию семантической структуры, ядерной остается лишь узуальная сема 'мужчина' и актуализируются различные диспозициональные семы.

Во фразе из романа Г. Мусрепова «Улпан — ее имя» актуализируется сема 'мужчина': «Улпан переделалась и

¹ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1979. 4-т. 335-б.

постаралась вести себя так, чтобы никто... не догадался, что не с молодым *джигитом* они ведут переговоры» (С. 12). Актуализируются семы 'мужчина', 'взрослый': «Умойся, сынок, — сказала женщина. — Поешь. Работа торопит. Ты теперь не мальчишка, а *джигит*» (Алимжанов. Синие горы, 101).

С узуальными семами тесно связана окказиональная сема 'холостой'; на близость их указывает как значительное количество примеров в нашей работе, так и выделение семы 'холостой' в качестве узуальной в дефинициях слова *джигит*, встречающихся в отдельных двуязычных словарях. Так, в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина вторым значением слова *джигит* указано 'жених', естественно связанное со значением 'холостой'².

В следующих примерах мы обнаруживаем актуализацию семы 'холостой': «Бай не терял надежды выдать замуж опозорившуюся дочь, да еще за такого *джигита*, который был бы во сто крат лучше прежнего жениха» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 96).

Актуализация семы 'холостой' может сопровождаться актуализацией окказиональной семы 'завлекающий, соблазняющий девушек': «Рябой Сламбек искренне считал себя неотразимым *джигитом*. Он попытался ущипнуть Шарбан за смуглый локоток» (Анов. Крылья песни, 28). Здесь помимо упомянутых двух сем возникает коннотативная сема отрицательной оценки. Ее создает контрастность лексемы *рябой* и семы 'соблазняющий девушек' в лексеме *джигит*. Такая же сема присутствует и в следующем употреблении: «То ли слишком азартно гонялся он за длинным рублем, то ли что-то другое, но хоть *джигиту* перевалило за тридцать, настоящей жены он до сих пор не имел» (Досжанов. Лодочник, 158). Коннотативная сема неодобрения создается здесь также за счет контраста между узуальной семой 'молодой' в слове *джигит* и дальнейшим текстом «уже перевалило за тридцать».

С окказиональной семой 'холостой' связана окказиональная сема 'жених', актуализацию которой иллюстрирует такой пример: «В ауле у меня есть *джигит!* — ска-

² Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 253. См. также: Кибиров Ш., Цунвазо Ю. Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961. С. 71.

зала она вдруг ясным голосом» (Досжанов. Лодочник, 173).

Однако сема 'холостой' может совсем исчезать или же тускнеть, отодвигаться на второй план; при этом на первый план выдвигаются узуальные семы 'мужчина', 'молодой' и актуализируется диспозициональная сема 'сильный': «Вот, помнится, в мои годы забросишь сюда петлю на шею коня, да не такую, сплетенную в четыре слоя, и держат другой конец шесть сильнейших *джигитов*» (Муратбеков. Дикая яблоня, 208).

Лексема богата различными диспозициональными семами. В идеализированном представлении с этим понятием неразрывно связаны понятия о храбрости, силе, удали, смекалности, независимости, самостоятельности. Иногда все эти диспозициональные семы, подкрепленные коннотативной семой положительной оценки, выступают в нерасчлененном виде, слитно: «Я стоял перед Ырысбекм, он оглядывал меня с ног до головы, будто впервые по-настоящему прикидывал, какая мне цена... — По-моему, из тебя выйдет неплохой *джигит*, — сказал Ырысбек, довольный своим осмотром» (Муратбеков. Дикая яблоня, 290); «Молодец, парень, — сказал старик Байдалы. — И нам помогаешь, дай тебе бог долгой жизни, и сам, что называется стал *джигитом*. Эй, Назира, передай матери: пусть устроит той! Ее сын стал настоящим *джигитом!*» (Там же, 295).

В последнем примере *джигит* выступает, скорее всего, как эмоционально-оценочное слово, речевая «прагмема»³, имеющая своей целью вызвать у персонажа повести желание и в дальнейшем поступать аналогичным образом. Следовательно, в данном употреблении коннотативная сема становится актуальной, а семы 'мужчина', 'взрослый', 'положительные качества', оставаясь ядерными, не актуализируются. Такое прагматическое употребление слова *джигит* встречается нередко (ср. каз.: Жігіт екенсің! 'Молодец!', 'Молодчина!').

В иных речевых ситуациях диспозициональные семы выступают расчлененно, актуализируются отдельные семы или соединения двух-трех сем. Таковы диспозициональные семы: 'смелый': «Я смотрел тебе в лицо, радуясь своей смелости, достойной *джигита*» (Бокеев.

³ Киселева Л. А. Язык как средство воздействия. Л., 1971. С. 47.

Оттепель, 259); 'храбрый', 'щедрый': «Оказывается этот казах не баба пугливая, мелочная, а настоящий *джигит*» (Досжанов. Серебряный караван, 28); 'самостоятельный', 'заботливый': «Чабан обратился к старшему из детей: — Ты будь мужчиной, *джигитом*. Присматривай за другими, а я скоро...» (Бокеев. Олиара, 230)

Кроме указанных окказиональных и диспозиционных сем в семантической структуре слова *джигит* имеется окказиональная сема 'лихой наездник'⁴, однако актуализируется она намного реже, чем описанные выше семы: «Радуется сердце! И Жиренкаска — достойный скакун, и Токтар — настоящий *джигит*! — умиленно прошамкал девяностолетний Куатбай, самый старший аксакал в нашем ауле» (Муратбеков. Дикая яблоня, 213).

Хотя в 10-томном толковом словаре казахского языка слово *джигит* имеет одно значение, описанное ранее анализ реального функционирования его в процессе коммуникации показал, что перед нами многозначное слово.

В казахском социуме дореволюционной поры лексема *джигит* обозначала взрослого мужчину, одной из первых обязанностей которого являлось участие в войнах, отражениях нападений, преследованиях врагов⁵ поэтому второе значение слова *джигит* включает узусальные семы 'мужчина', 'взрослый', 'рядовой воин нерегулярного войска'. Например: «Тобулды в этой орде славился храбростью, имеет постоянно готовых к набегу и преследованию *джигитов*» (Валиханов. Т. 3, 185).

⁴ См. у Ч. Валиханова замечание о слове *джигит*: «Во всех наречиях, происходящих от татарского или, следуя ученым, от тюркского корня, существует слово «игит» — «джигит», но в разных странах оно имеет кроме различного произношения и разный смысл. На Кавказе, в Анатолии, у курдов это слово значит «лихач», «молодец-наездник»; в этом же смысле оно принято и в Константинополе, если говорят о военных маневрах и удалествах кавалеристов; в некоторых же татарских племенах Средней Азии слово *джигит* значит «парень», «молодец (парубок)» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. 1984. Т. 1. С. 284).

⁵ Ср. у С. Е. Толыбекова: «Как правило, со времени формирования казахского ханства каждый батыр, выявив свои возможности в боях, собрав вокруг себя определенное число вооруженных конников организовывал нападения на аулы и роды под предлогом сведения старых счетов за грабеж или обиду отца, деда, сородича и т. д. В своей очередь, ни одно из нападений не проходило безнаказанно» (Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алматы, 1971. С. 251).

Употребление лексемы *джигит* в значении 'воин' отчетливо прослеживается в исторических произведениях, посвященных событиям дореволюционной поры: «...по совету Махамбета батыр разослал своих *джигитов* по дальним и близким кочевьям с призывом не отдавать богачам своих пастбищ» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 123).

В советскую эпоху семантическая структура лексемы *джигит* во втором значении претерпела изменение. Она приравнивается к лексеме *боец*: «...Ведь мы пасли с тобой коней наших красных *джигитов*, воровали порохов из обозов атамана Анненкова» (Алимжанов. Караван идет к солнцу, 19).

Вполне естественно, что в значении 'боец' слово *джигит* в русском художественном тексте не столь употребительно, как в значении 'рядовой воин нерегулярного войска', и каждое такое употребление вызвано прежде всего стремлением придать национальный колорит повествованию.

Семантический объем второго значения слова *джигит* узок, такого множества окказиональных, диспозициональных, коннотативных сем, как при функционировании первого значения, не наблюдается. Во втором значении лексема *джигит* употребляется только для номинации лица.

Третьим значением лексемы *джигит*, четко проявляющимся в его употреблении, является значение 'слуга'. Как указывает С. Е. Толыбеков, «казахский хан имел небольшую дружину, сформированную в его ауле из рабов и безродных бедняков. Члены ханской дружины использовались главным образом как посыльные и личные слуги хана при его разъездах, а также как домашняя прислуга и пастухи в его кочевом скотоводческом хозяйстве. Они назывались тюленгутами, хараши и т. д.»⁶ Но подобного рода челядь была не только у ханов, но и у баев среднего достатка: «...самовар, начищенный до блеска, пытящий, как конь после долгого бега, внес в большую юрту молодой *джигит*, один из тех, что прислуживали в юрте Улпан на берегу Тобола...» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 110); «Для того, что-

⁶ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата, 1971. С. 364.

бы сохранить скот, *джигитам* требовались мужество, выносливость и выдержка» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 94). Данное значение лексемы *джигит*, как и предыдущее, прослеживается в основном в исторических повестях и романах, имеет узкую сферу употребления.

Анализ семантической структуры лексемы *джигит* подтверждает, что «любое толкование значения — лишь один из возможных вариантов его описания, далеко не единственный и не исчерпывающий всего содержания значения»⁷, что реальное содержание значения слова намного глубже, объемнее, богаче его лексикографического описания.

Лексема *аксакал* в 10-томном словаре определена как имеющая два значения: 1) глава рода, старейшина аула (до революции); 2) старый, уважаемый человек. Эти семемы нашли отражение в русских художественных текстах.

Так, узуальные семы 'старейшина аула', 'уважаемый', 'старый' выступают спаянно, как одно целое в следующих употреблениях: «Коли родился человек, так умрет, а случись что с Асаном, остался бы в то время аул Аршалы без *аксакала*» (Бокеев. Человек-олень. 137); «...сам он, сопровождаемый вождями сорока родов — *аксакалами*... остановился в Баянауле» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 177). Узуальные семы 'старый', 'уважаемый', составляющие вторую семему слова *аксакал*, прослеживаются в примере: «Вообще все кочевые народы уважают старость, и *аксакалы* (белобородые) пользуются у них большим почетом» (Валиханов. Т. 1. 327).

Актуализацию диспозициональной семы второй семемы 'мудрый', подкрепленную коннотативной семой одобрения, мы обнаружили лишь в одном случае: «Да и сам Куанышев не раз подшучивал: "Не нужно напрасно дымить, ребята. Надо идти ходом, который тебе задан". Вот за это Куанышева за глаза и называли *аксакалом*» (Габбасов. Засуха, 61).

Использованная в качестве обращения, лексема *аксакал* почти всегда приобретает добавочную гонорифическую сему: «*Аксакал*, благодарю вас за оказанную

⁷ Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 13.

честь, но, когда сидят старшие, мне не пристало нарушать обычай» (Алимжанов. Гонец, 262).

Нами зафиксированы всего лишь два употребления лексемы *аксакал* без гонорифического компонента, в которых она семантически адекватна лексеме старик: «Вы, *аксакал*, наверное, сами спекулянт, потому и расстраиваетесь, — грубо оборвал его Жанадил» (Досжанов. Лодочник, 152); «Говорите, *аксакал*, да не заговаривайтесь. — Бас-буху было досадно, не могли уж приберечь бутылочку из уважения к нему, да еще и старик осадил его непочтительно», (Досжанов. Серебряный караван, 85).

Обозначения лиц по родственным отношениям. Обозначение родственных отношений в казахском языке отличается большей детализованностью, чем в русском. В частности, отдельные наименования имеют родственники по мужской и женской линии. Внесение казахских обозначений лиц по родственным связям в русский текст вызывается отсутствием универсальных соответствий в русском языке: «...все они были его сородичи: прямые или *нагаши* — родственники по матери» (Симашко. Колокол, 36).

Немаловажную роль играет и широкое употребление терминов родства в речевом обиходе казахов. Говорящий обычно называет собеседника по родственному отношению. В некоторых ситуациях подобное обозначение лица представляется единственно возможным, ибо выступает в роли эвфемизма взамен табуированного личного имени (например, женщина не смеет называть по имени родственника мужа) и тогда актуализируется окказиональная гонорифическая сема: «Если бы не гостил у вас благородный Есеней, мы бы потеряли нашу Улпанжан! — Правильно, что *женеше* решила принести в жертву серого барана» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 57).

В ряде случаев термины родства использованы в силу наличия особых коннотативных сем, которые утрачиваются при переводе. Так, словом *келин* обозначается, во-первых, жена сына по отношению к его родителям, жена младшего родственника, во-вторых, любая женщина, недавно вышедшая замуж. В русском языке имеются два слова: *сноха* и *невестка*, однако объем понятий, выражаемых ими, не совпадает с объемом

понятия *келин*. И в некоторых ситуациях, когда можно было бы вместо *келин* употребить лексику *сноха*, переводчик все-таки оставляет *келин*, так как оно позволяет актуализировать ту или иную диспозициональную сему, например, 'выполняющая домашние хозяйственные работы': «...в мыслях у Торсана одно, только об Улпан он тревожится. Если апа разрешит, он приведет ей *келин*, чтобы было кому постелить ей постель, чай готовить, мясо сварить» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 266).

В следующем примере актуализируется диспозициональная сема 'скромная', 'тихая', 'не показывающаяся на людях'. Такие качества по традиции должны быть присущи *келин*: «Твоя мать — не Сабира. Надо понимать разницу. Мне стыдно, что моя *келин* выступает на ярмарке» (Анов. Крылья песни, 199).

Может актуализироваться и окказиональная сема 'принадлежащая тому, кто уплатил калым': «Кто же больного женит? — спросил Есеней. — Мы надеялись, что он воспрянет духом с молодой женой. А калым был уплачен, мы считали, *келин* принадлежит нам» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 56).

Среди терминов родства особый интерес представляют слова, отражающие явления, специфичные для дореволюционного быта, например обозначения первой и последующих жен. Первая жена обозначается лексемой *байбише*, кроме этого, в семантический объем этой лексики входят еще семы 'пожилая женщина', 'хозяйка дома'. Таким образом узуальные семы, образующие семему *байбише* — 'женщина', 'жена мужа', 'первая жена'. В разных коммуникативных ситуациях актуализируется одна из этих сем: «*Байбише* внесла на подносе дымящуюся грудку свежего бараньего мяса» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 84) — сема 'жена хозяина', 'хозяйка'; «Сам Сарыбай на летовке появлялся редко. Жил в своем Большом ауле. Иной раз приезжала его старшая жена — *байбише*» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 8) — сема 'первая жена'.

Но чаще актуализируются окказиональные семы, такие, как 'влиятельная', 'старая', 'руководящая всем домашним хозяйством', 'требующая почитания, уважения' и др.: «Ты будешь *байбише*... — Но ведь *байбише* у Есеней есть. — *Байбише*? ...Нет. Я живу в Ореле, а она в Сореле» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 84). В данном примере актуализируются окказиональные семы 'руко-

водящая всем домашним хозяйством', 'уважаемая, почтенная' и гаснет сема 'первая жена': Улпан, по существу, является второй женой, но Есенеи отдает ей бразды правления и требует от всех родственников беспрекословного подчинения Улпан; см. также: «Свет мой, если нет датки, есть ведь его *байбиче*, — осторожно нащупывал ход Абунасир» (Досжанов. Фараби, 300).

Окказиональная сема 'старая' актуализируется в примере: «Эй, старая! — крикнул Баго и, не слезая с лошади, нагнулся, толкнул камчой дверь. — Спасибо тебе, *байбиче*, не надо. На двор еле можешь выйти, а туда же в горы захотела» (Бокеев. Когда уходят плеяды, 219); окказиональная сема 'ворчливая', 'злая': «Снаружи в юрту долетел визгливый голос *байбиче*, старшей жены Айдайбека» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 74).

Лексема *токал* имеет более простую семантическую структуру, чем *байбиче*: 'вторая, младшая жена'. Данная узуальная сема может стать актуализированной: «Беременность *токал* снимала с него черное пятно позора бездетности» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 9).

Актуализируются и такие окказиональные семы, как 'намного моложе мужа': «И постарше меня старики берут себе в *токал* молодых девушек. А я, как и ты, старый холостяк» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 66); сема 'любимая жена': «...сам сейчас раздумывал, как обратиться к этой *токал*, избалованной, кажется, вниманием старого мужа» (Там же, 92); сема 'бесправная': «Улпан никогда не сможет стать обычной *токал*, не захочет смириться с положением рабыни» (Там же, 83).

Обозначения лиц по имущественным отношениям. В текстах художественных произведений встречаются казахизмы, обозначающие лица по имущественным отношениям: бай, кедей, жатак, байгуш, бишара и др.

Значения слов *богач* и *бай* совпадают не полностью, они соотносятся как общее и частное. Богатство само по себе может проявиться как владение большим количеством недвижимого имущества, золота, земли, крепостных, заводов и т. д. Богатство же бая выражается в основном в обладании большим количеством скота. В связи с этим в тексте перевода или оригинального произведения слово бай не заменяется, не переводится: «А отец моего деда тоже пас овец? — неожиданно для чабана задал вопрос мальчик. — Отец деда? Твой пра-

дед, значит... Да, тоже пас овец. Только *байских*» (Бокеев. Олиара, 216). Проследим актуализацию следующих окказиональных сем: 1) 'властный, не считающийся ни с чем': «Люди кричали на старика Байдалы, говорили, что он ни с кем не считается в бригаде, вершит дела один, точно *бай*» (Муратбеков. Дикая яблоня 305); 2) 'знатный': «...она же не простая аульная баба, она — из семьи видного *бая*» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 43); 3) 'имеющий слуг': «Ему нужен слуга! Посмотрите, какой *бай* нашелся! Иди; скажи Ажибеку, хочет получить лошадь, пусть придет сам!» (Муратбеков. Дикая яблоня, 230).

Антонимом к *бай* является *кедей*. Но между *кедей* и *бедняк* иное соотношение, чем между *бай* и *богач*, здесь особого различия нет. Поэтому слово *кедей* в художественных текстах встречается крайне редко и представляется нам не реалией, а вкраплением, использование которого обусловлено не предметно-логической спецификой, а иными мотивами.

Так, в рассказе Б. Майлина употребление слова *кедей* необходимо для того, чтобы воспроизвести двуязычную ситуацию: «Да здравствует равенство *кедея*! — крикнул кто-то. — Да здравствует равенство бедняков! — перевел другой сейчас же» (Майлин. Повести и рассказы, 63).

Синонимом *кедей* является слово *жатак*, обозначающее оседлого бедняка (каз. *жат* — 'находиться, остановиться где-либо', пребывать где-либо'), для которого из-за малочисленности скота переезд, кочевка с одного пастбища на другое не является необходимостью. Семантика этой лексемы специфична, и она представляет собой реалию, однако в нашей выборке встретилась всего два раза, и лишь в одном из них осуществлена актуализация узуальной семы 'бедный': «Любовь Захаровна осталась в коляске, а Плещеев и Дандевиль вошли в прокопченную юрту. В ней жил, видимо, *жатак*. Ужасающая нищета бросилась в глаза Плещееву» (Анов. Ак-Мечеть, 98).

Обозначения лиц по происхождению. Среди казахизмов этой группы наиболее популярна лексема *торе*, обозначающая представителей знатных казахских родов, ведущих свое начало от сына Чингисхана Джучи и обычно занимающих высокие должности: «Как ни странно, лишь Жандос Байтурин, потомственный *торе*,

не пожелал иметь дел с алашордынцами, удалился в свой родовой аул и учит там детей в школе...» (Симашко. Комиссар Джангильдин, 355). К имени каждого аристократа такого рода, имя которого было широко известно в казахской степи, прибавлялась лексема *торе*, превратившаяся в характерологический компонент имени собственного: «Силу своей руки и несгибаемость духа Артыкбай проявил в борьбе с воинами Кенесары-*торе*, которые совершали набег за набегом на север казахской степи» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 14).

В тексте художественного произведения актуализируются узуальные семы 'занимающий аристократическую должность', 'господин': «Аульные казахи так и не могли разобраться, кто из них главный, кто чем занимается, и потому говорили: „Турлыбек-*торе* приехал“, — имея при этом в виду не знатность происхождения, а должность» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 202); «Бии и волостные управители по их примеру подозрительно смотрели на Улпан. Чем эта баба подкупила русских *торе*?» (Там же, 208).

Окказиональные семы 'аристократ', 'чванливый', 'живущий за счет чужого труда' актуализируются в следующих контекстах: «Кази не может избавиться от своей врожденной — *торе!* — чванливости...» (Там же, 178); «Для чего, спрашивается, ты околачиваешься там, у себя в Омске? Сколько можно терпеть, чтобы ублюдки-*торе* сидели на нашей шее» (Там же, 32). В приведенных примерах к окказиональным семам прибавляется коннотативная сема неодобрения, отрицательного отношения.

В текстах встречается и описательное обозначение людей знатного происхождения — *ак-суйек* 'белая кость' (ср. с русским *голубая кровь*, где в основу положен другой образ, тогда как обозначение людей незнатного происхождения и в русском, и в казахском языке имеет одинаковую мотивацию: *кара* — *чернь*): «Жангир разделил казахов на *чернь* и *ак-суйек*» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 31); «Я говорю о другом, — снова начал Акан. — О том, что учение вредит бедному люду. Оно вредит даже некоторым из нашей среды — из *ак-суйека*» (Там же, 99).

Обозначения лиц по занимаемой должности. Данная группа слов довольно многочисленна: *бий, султан, болыс, аулнай, бастык* и др.

В 10-томном толковом словаре лексема *бий* определяется как: 1) судья, разрешающий конфликтные ситуации; 2) хозяин, владелец чего-либо; 3) название фигуры в шашках⁸. Р. Г. Сыздыкова полагает, что «значение термина *би* как 'знаток обычного права казахов, судья' появилось позже, вернее, было перенесено от первоначального 'родоначальник', так как родоначальники одновременно вершили и судебно-спорные дела. Со временем, в конце XIX в., слово *би* в казахском языке, потеряв свое исконное значение, стало употребляться только в смысле 'судья' или вообще 'знаток правил обычного права', отсюда и 'мудрец', и 'оратор' (ср. билер сөздері — мудрые изречения). Со второй половины прошлого века в Казахстане *би* представлял должностное избираемое лицо и состоял на официальной службе»⁹.

В дореволюционном Казахстане бии играли заметную роль; обычно на эту должность выбирали людей, отличающихся мудростью и справедливостью, своего рода степных философов. Они выполняли функцию верховных арбитров и судей не только между простыми людьми, но и между султанами и ханами, между целыми родами. Поэтому слова *судья* и *бий* не имеют полной семантической идентичности, что наглядно иллюстрируют наши примеры.

Первое значение слова *бий* — 'родоначальник'. В этом значении оно встречается в исторических и этнографических произведениях: «До появления султанов родовые князья киргизов были бии, родоначальники почетнейших племен и представители старшей линии в роде» (Валиханов. Т. 2, 308).

Второй семемой, наиболее употребительной в современном казахском языке, является 'родовой выборный судья'. Эта семема представляется нам сложной, включающей несколько узуальных и окказиональных сем. К узуальным семам относятся 'судья', 'родовой', 'выборный', к окказиональным — 'мудрый', 'знатный', 'справедливый'; необходимо отметить и редко встречающуюся диспозициональную сему 'жадный к богатству'.

Употребление слова *бий* без актуализации той или

⁸ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. 2-т. 301-б.

⁹ Сыздыкова Р. Г. Язык «Жами'ар-тауарих». Кадыргали Жалан-ри. Алма-Ата, 1989.

иной семы встречается неоднократно, так как, во-первых, в силу уважения к должности и влиянию человека, ставшего бием, либо к его имени всегда прибавляется название его должности, либо в ситуации, где нет других биев, он именуется только словом *бий*: «Вас к себе *бий* вызывает» (Ниязбеков. Жауатар, 26); «Говорите же! — настаивал Евграф Степанович. — Пошел вон, тебе сказал, — выпалил *бий* Нуралы Токашев» (Симашко. Колокол, 170); во-вторых, поскольку выборный *бий* защищал интересы всего рода и являлся на тех или иных сборах его представителем, то и аул, выходцем из которого он был, начинал именоваться аулом такого-то бия: «Пятая ночевка на р. Кызылсу, аул *бия* из кыдыкского колена» (Валиханов. Т. 3, 15). Во всех этих случаях семема слова *бий* воспринимается как нечто цельное, нерасчлененное.

Окказиональные семы 'справедливый', 'мудрый' актуализируются в следующих примерах из романа А. Алимжанова «Гонец»: «А ханы никогда не смели оборвать поэта, *бия*, батыра, если он говорит правду при народе» (С. 230); «Мы согласны с тобой, Санырак. Твоя речь мудра, как речь великого *бия*» (С. 275).

И, наконец, упомянем актуализацию диспозициональной семы 'жадный к богатству': «А у Еркежан был любимый джигит. Все это знали. Но он — бедняк, и *бий*-ага не захотел за него отдать дочь, на скотину позарился» (Майлин. Повести и рассказы, 205).

Лексема *султан* в тексте художественного произведения выступает как обозначение действующего лица — узуальные семы выступают нерасчлененно, не актуализируются: «*Султан* Касым в 1825 г. и впоследствии дети его Сарджан и Кенесары... подняли мятеж...» (Валиханов. Т. 2, 312).

Особый интерес представляют лексемы *болыс* и *аулнай*, заимствованные казахским языком из русского (*болыс* < волостной, *аулнай* < аульный) и в новом фонетическом облике выступающие уже как своеобразные казахизмы в русском тексте. Лексема *болыс* 'волостной' употребляется в казахском языке обычно для обозначения волостного управителя при царизме. Однако в нескольких контекстах из произведений Н. Анова эта лексема применяется для обозначения председателя аулсовета, бывшего волостного, который и на новом посту сохранил старые замашки. Вот всех этих

случаях актуализация окказиональных сем сопровождается коннотативной семой отрицательной оценки: «А что у вас делает аулсовет? — В аулсовете сидит Самурат. Ты его хорошо знаешь. — Самурат Сагинтаев? *Болыс*? — Его и сейчас так зовут. Он — полный хозяин. Что скажет, тому и быть». Здесь актуализируется сема 'всевластный'. В следующем примере актуализируется весьма близкая к 'всевластный', но все же отличная окказиональная сема 'богатый', сопровождаемая коннотацией неодобрения: «Все дома в ауле — низенькие, с плоскими крышами, только у Самурата дом высокий, с железной кровлей, а большой двор обнесен новым, крепким забором. «*Болыс* живет неплохо!» — отметил акын, подходя к калитке».

В противоположность лексеме *болыс аулнай* обозначает председателя аулсовета. В художественном тексте лексема *аулнай* употребляется либо только для обозначения действующего лица: «Сначала выбрали в сельсовет. Потом — в заемпомощь. Потом он стал *аулнаем*» (Майлин. Повести и рассказы, 188), либо для характеристики лица, при этом актуализируется диспозициональная сема 'обязанный заботиться о бедняках': «Поэтому хочу вам сказать: выберете *аулнаем* такого, кто по-настоящему позаботится о бедняке, кто душой болеет за бедняков» (Там же, 637).

Теперь остановимся на слове *баскарма*, употребленном в значении 'председатель правления колхоза'. На первый взгляд, семантика лексемы *баскарма* и фразеосочетания *председатель колхоза* идентичны. Узуальные семы этих слов совпадают. В художественном тексте очень часто без ущерба для смысла слово *баскарма* переводится как *председатель колхоза*, однако оно сохраняется переводчиками в тех случаях, когда актуализируется та или иная диспозициональная сема, подкрепленная коннотативной семой отрицательной оценки, например, 'несправедливый', 'наводящий страх': «Раз ты хочешь меня под суд отдать, то уж постараюсь, чтобы было за что. — И я подмял Сеита и от души отдубасил. На другой день за телесное оскорбление представителя власти *баскарма* пешком погнал меня в район... (Майлин. Повести и рассказы, 259); «Абдирасиль был грузный мужчина с толстым потливым лицом, ...его знали в ауле все и боялись, даже младенцев в колыбели унимали словами: „Не плачь, а то *баскарма* придет!“

И вдруг *баскарма* проявляет к ней такое внимание» (Елубаев. На свете белом, 96).

Нельзя обойти вниманием еще одно интересное слово, не имеющее адекватного эквивалента в русском языке и в силу этого сохраняющееся в русском художественном тексте — *аткаминер*. «Под аткаминерами подразумевались лица, занимавшие должность волостных управителей, волостных судей, аульных старшин, волостных писарей, переводчиков, пятидесятников, служителей религиозного культа, а также все те, кто так или иначе принимал участие в политической жизни народа»¹⁰. Как видно, употребление этого слова в русских художественных текстах обусловлено не имеющей аналогов в русском языке обобщенностью обозначения лиц, в той или иной мере участвующих в политической жизни общества. Оно встречается как в оригинальной литературе, так и в переводной. При этом актуализации узуальных сем не наблюдается: «...влиятельные бии, *аткаминеры* и аксакалы тщательно отбирали скакунов» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 52).

Обозначения лиц по отношению к воинским обязанностям. В эту группу слов-реалий входят *батыр*, *сарбаз*, *сардар*, *нукер* и др.

В словарном определении слова *батыр* указывается три значения: 1) герой эпических сказаний, борющийся за народ с врагом; 2) отважный, храбрый человек; 3) употребляется в качестве похвалы кого-либо.

Однако в русских художественных текстах это слово имеет иной семантический объем. В ряде случаев лексема *батыр* сохраняет свое первое значение, создаваемое узуальными семами 'храбрый', 'сильный', иногда выступающими вместе: «Прошли времена, когда ценились *батыры* и их копыя. Твой Садыр давно сменил свою пику на курук и стал табунщиком» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 45). В других случаях на первый план выдвигается одна из этих сем: например, сема 'борющийся за народ': «Кем ты стал, Джабай? — спрашивало сердце. — Для кого ты живешь? — спрашивала совесть. — Набеги на беззащитные аулы родных племен..., разве это дело честного *батыра*?» (Кузнецов. Человек находит счастье, 95); сема 'храбрый': «Здесь сложили свои буй-

¹⁰ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата, 1971. С. 433.

ные головы тысячи и тысячи *батыров-храбрецов*» (Досжанов. *Полюнь и цветы*, 242).

Вторая семема лексемы, обнаруженная в результате анализа материала, — 'военачальник'; именно в этом значении часто употребляется слово *батыр* в исторических произведениях: «Во главе отдельных отрядов Есений поставил испытанных *батыров*» (Мусрепов. *Улпан* — ее имя, 16).

И, наконец, третья семема лексемы *батыр* складывается из узуальных сем 'сильный', 'храбрый': «Да видать, что ты не *батыр*, а трус, если боишься меня» (Алимжанов. *Гонец*, 210). В ней актуализируются различные окказиональные семы. Например, узуальная сема 'сильный' и окказиональная сема 'грубый': «Ты нежная и хрупкая девушка, а он из тебя хочет *батыра* сделать» (Досжанов. *Серебряный караван*, 25); диспозициональная сема 'использующий свою силу для разбоя': «Теперь не надо того и ждать, что какой-нибудь байджигитовский *батыр* оберет догола и (чего доброго) увезет на Черный Иртыш» (Валиханов. Т. 5, 143); диспозициональная сема 'живущий былой славой', сопровождаемая коннотацией неодобрения: «Надоели им *батыры* и палуаны, служившие еще Кенесары, надоели своим обжорством и ленью, надоели нравоучительными воспоминаниями о былых схватках» (Мусрепов. *Улпан* — ее имя, 235).

Лексема *сарбаз* имеет узуальные семы 'воин', 'обученный'. Особо следует сказать о соотношении лексем *джигит* и *сарбаз*. *Джигит*, как уже отмечалось, имеет значение 'воин нерегулярного войска', а *сарбаз* — это хорошо обученный воин, т. е. различие примерно такое же, как между рекрутом и профессионалом военного дела: «Есений мгновенно оценил обстановку. У Кенесары всадников насчиталось бы раз в пять меньше, но это были *сарбазы*, для которых война стала привычным делом. А его *джигиты* еще вчера занимались мирным трудом и, даже обладая превосходством в численности, без толку скучивались, не соображали, что наступать надо развернутым строем, при этом обеспечив безопасность краев» (Мусрепов. *Улпан* — ее имя, 29).

В текстах встречаются также слова *сардар* 'предводитель войска', *нукер* 'свита', однако явной актуализации при этом не ощущается, они используются как целостное обозначение лица, не внося никакого характе-

рологического компонента: «Собрав вокруг себя полсотни отборных *нукеров*, Қойболсын вновь бросился к Махамбету» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 124); «Рядом с каретой ехал на стлавшемся по ковылю сером в яблоках иноходце главный *сардар* Абулхайра, старый одноглазый Суюндык» (Сергеев. Петербургский посол, 30).

Обозначения лиц по роду занятий, по основному ремеслу. В этой группе особо выделяются несколько слов, обозначающих носителей музыкального и поэтического искусства казахского народа — *акын*, *жырау*, *жыршы*, *кюйши*, *кобызчи*. Среди них наиболее употребительной является лексема *акын*. В большинстве случаев семема этой лексемы выступает как целостное обозначение лица: «Незнакомец, заинтересовавший Мусу, поднялся со стула. *Акын* дернул Амре за рукав. — Пошли!» (Анов. Крылья песни, 15); «*Акыны* глубоко уважаются в народе и поют сами импровизации при публичных кайсацких увеселениях: на поминках и байге (скачках) и поют по избранию» (Валиханов. Т. 4, 387). Однако встречается и актуализация тех или иных диспозициональных сем, например, 'всезнающий', 'провидец': «Хивинцы ненавидят казахов. Они наши враги. Когда будет война с Хивой, все казахи будут помогать русским. Если не веришь мне, спроси Амира. Старик знает думы народа. Он — *акын!*» (Анов. Крылья песни. 101); диспозициональная сема 'убеждающий людей': «Я наблюдал за Мусой весь вечер. Это же настоящий агитатор. Если такой *акын* сложит про дядю Ахмета хорошую песню и поедет по аулам, легко будет собрать подписи под прошением» (Там же, 35); диспозициональная сема 'мудрый': «О красоте тарактинских девушек ходили легенды. А мудрый *акын* Туяк сказал однажды, что тарактинцы все свои драгоценные и благородные качества отдают дочерям» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 99).

Остальные слова (*кобызчи*, *жырау*, *жыршы*) употребляются без актуализации сем.

В русских художественных текстах встречается множество казахизмов, обозначающих лицо по роду занятий: *саипкер* 'ценитель, знаток скаковых лошадей' (Досжанов), *мерген* 'меткий стрелок' (Симашко, Плашевский), *садакчи* 'лучник' (Санбаев), *хабарчи* 'вест-

Таблица 1. Семы и нерасчлененные семемы в тематических

Актуализированные семы и нерасчлененные семемы	Возраст	Родственные отношения	Имущественные отношения
Семы:			
узуальные	19(51,3%)	8(36,3%)	2(40,0%)
оказиональные	6(16,2%)	11(50,0%)	3(60,0%)
диспозициональные	9(24,4%)	3(13,7%)	—
Всего	34(91,9%)	22(100%)	5(100%)
Нерасчлененные семемы	3(8,1%)	—	—
Итого	37(100%)	22(100%)	5(100%)

ник' (Кузнецов), *караванбаши* 'начальник каравана' (Валиханов, Алимжанов, Анов), *азанчи* 'служитель мечети, громко читающий с верхней площадки мечети молитву' (Анов), *арбакеш*, *арбакешник* 'извозчик' (Кузнецов, Брискин, Анов), *барымтач* 'насиленно угоняющий чужой скот в отместку за что-либо' (Кузнецов, Валиханов, Сарсекеев, Фетисов, Симашко, Сергеев). Все эти лексемы используются неактуализированно: «Наконец, *арбакеш* остановил лошадь около ворот дома, где жила Сабира» (Анов. Крылья песни, 339)'; «Спустя некоторое время Бикей... нагоняет *барымтачей* и расправляется с ними» (Фетисов. Первые русские повести на казахские темы, 135).

Особняком от этой группы стоит лексема *кафир* (*кафр*), *капыр* 'неверный', которая служит не только для обозначения человека иной веры, но и обязательно содержит коннотацию отрицательной оценки. Так, в следующих контекстах актуализируется оказиональная сема 'коварный', сопровождаемая коннотативной семой отрицательной оценки: «Четыре коня с привязанными к седлу джигитами мчались во весь опор — джунгары подгоняли их уколами пик... — Поверили *кафиру*. Сами себя отдали в руки джунгаров, — скрежетал зубами Лаубай» (Алимжанов. Гонец, 285) и диспозициональная сема 'осквернитель': «...говорят, что скоро осквернители обычаев, хулители корана придут и сюда... — качал головой мулла. — Все, все отберут эти *кафры*» (Алимжанов. Мост Карасункара, 193).

Происхождение	Должность	Воинская обязанность	Род занятий	Σ
8(80,0%)	2(11,1%)	4(30,7%)	—	43(35,2%)
2(20,0%)	5(27,2%)	1(7,6%)	1(6,0%)	29(23,7%)
—	5(27,2%)	2(15,2%)	4(23,5%)	23(18,8%)
10(100%)	12(65,5%)	7(53,5%)	5(29,5%)	95(77,7%)
—	6(34,5%)	6(46,5%)	12(70,5%)	27(22,3%)
10(100%)	18(100%)	13(100%)	17(100%)	122(100%)

Анализ казахских наименований лиц, встречающихся в русских художественных текстах, показал следующее.

Казахские «персонные» существительные органически входят в художественную ткань русского текста в силу двух причин: они либо обозначают определенные реалии, не имеющие аналогов в русском быту, либо совпадают в своих узуальных семах с соотносенными по значению русским словами (*бай — богач, джигит — юноша, парень, аксакал — старик*), но при этом каждая из таких номинаций охватывает большое число дополнительных сем, которые в определенных коммуникативных ситуациях актуализируются. Использование русского эквивалента в этих случаях обеднило бы содержание текста или потребовало бы громоздкого эксплицирования диспозициональных, окказиональных, коннотативных сем. Так еще раз подтверждается мысль о том, что «в художественном произведении каждая фраза является как бы единственно возможной, в ней ничего нельзя изменить без ущерба для выразительности и смысла произведения»¹¹.

Наблюдается соответствие между степенью обобщения, заключенного в персонной семе, и амплитудой варьирования, т. е. числом сем, актуализирующихся в различных коммуникативных ситуациях (см. различные актуализации слов *джигит, аксакал, байбише, келин, бай*). И наоборот, чем уже семантика персонного су-

¹¹ Борев Ю. Эстетика. М., 1981. С. 286.

ществительного, тем меньше случаев актуализации его сем. Так, обозначения лиц по профессии, основному их занятию большей частью используются только как семантически нерасчлененные номинации, без актуализации. Это отражено в табл. 1.

Легко выявить зависимость между тематическими группами и удельным весом актуализированных сем. В наибольшей степени актуализируются семы, относящиеся к семемам родственных отношений, имущественных отношений, происхождения (100,0%) и возраста (91,9%), в наименьшей степени — к семемам рода занятий (29,4%), воинских обязанностей (53,9%), должностей (66,6%). В тематических группах по возрасту и родственным отношениям отмечается наибольшее число случаев актуализации окказиональных и диспозициональных сем, что отражает большую силу эмоционального восприятия лексем, относящихся к данным группам. Особенно выделяется лексема *джигит*: неактуализированных сем нет, из 28 актуализированных сем 14 окказиональных и диспозициональных. Добавим к этому, что в указанных тематических группах нередко актуализация коннотативных сем оценки (одобрения, порицания), а также гонорифических.

2.2. Обозначения административных установлений

Административными установлениями мы называем не очень обширную и не вполне определенную группу явлений, касающихся мер и средств, используемых администрацией при осуществлении ее юрисдикции. Сюда относятся единицы управления и населенные пункты (*аймак, аул, жуз, орда, улус, ханство*), собрания (*турымтай кенес, курултай, хурал*), административные сооружения (*аманатный двор, зекатхана, зиндан, кенехане*), распоряжения и свидетельства (*инаят наме, кесым, пайза, патта, тамга*), налоги и подношения (*албан, баж, бай-буя, кой-зекет, никахана, салык, согым, тараздар, таракана, тунлик-зекет, улфан, ушур, хараж, юсун, ясак*).

В большом числе этих лексем (в 20) актуализация сем не осуществляется. Цельность восприятия их как иноязычных «квантов выразительности» нередко обеспечивается энциклопедическим толкованием, которое не способствует выделению, подчеркиванию какого-либо ас-

пекта денотата: «*Кой-зекет* есть налог с баранов, с 40 —1; *тунлик-зекет* есть подымная дань, с юрты — баран; *хараж* есть сбор с хлеба» (Валиханов. Т. 3, 33); «<...> учитывая отдаленность казахских кочевий друг от друга, образовать три племенных объединения — *жуза* соответственно занимаемой территории, экономической заинтересованности, родовым узам и солидарности» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 155).

В других случаях казахизм является точным обозначением понятия, которое перед этим приблизительно объяснено по-русски (что также не совместимо с актуализацией какой-либо семы): «И записали всех по именам, а киргиз — во волостях (*аймакам*)» (Валиханов. Т. 3, 44); «<...> только мечети, медресе (училища) и гробницы магометанских святых, только клопаная яма (*кенехане*) и еще башня мунар, с которой бросают преступников, сохранились до наших дней» (Там же, 326).

Определенную часть не расчленяемых на семы семем «административных» лексем представляют казахизмы, значение которых в данных употреблениях понятно читателям: «Главная улица идет от яркендских ворот до *орды*; на ней сосредоточена вся торговля — лавки, (торгуют) булочники, пирожники» (Валиханов. Т. 3, 358), из контекста ясно, что *орда* в этом случае — площадь небольшого поселка (при крепости Янисар); «Будущее своего народа Бурундук видел в непрерывных войнах. Недальновидный вояка, он могущество государства ставил в зависимость от завоевания территорий соседних ханств» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 197). Лексема *ханство* не требует пояснений. «Тезек к 6-ти лошадям, определенным Измаилом, прибавил еще две сверх существующих бийских *кесымов*» (Валиханов. Т. 5, 166). Лексема *кесым* представляется Ч. Ч. Валиханову понятной, но поясняется комментатором в сноске: «Кесім — решение суда биев».

Во всех этих случаях, несмотря на понятность словреалий, налицо «эффект неожиданности», «микроремция», являющаяся следствием вторгшегося в русский текст чужезычия.

Эффект чужезычия производит название малого совета ханов трех жузов в романе А. Алимжанова: «<...> гонцы сообщали, что где-то в степях под Отаром проходит «*Турымтай кенес*» ханов трех жузов. Они

собрались там по призыву трех великих биев <...>» (Алимжанов. Гонец, 313). Мотивировка этого названия — актуализация семы-‘быстрый, стремительный’ (как птица кобчик)¹² — ускользает от читателя, не знающего казахского языка.

Довольно часто актуализацию сем в лексемах данного разряда слов-реалий ощущают и русские читатели. Нередко актуализируются интегральные семы. См., например, актуализацию общей для большой группы слов семы ‘поселение’: «Ссора с Ауэзовым мне принесла большую пользу. Я стал ездить по *аулам*, у меня появились друзья-казахи» (Анов. На литературных перекрестках, 19).

В другом случае мы наблюдаем одновременную актуализацию ядерной семы ‘государство’ и дифференциальной семы ‘которым правит хан’: «Вот что, батыры... Я ждал вашего прихода и отвечу с той же прямоотой, Не нужно втапывать в грязь имя Белой Орды. Пусть ошибается хан, но не *ханство*» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 211).

Актуализацией дифференциальной семы является подчеркивание того акта, что *аул* — поселение сельское: «В стороне от дороги, среди нетронутой целинной степи, вынырнула небольшая полоса проса — верный признак близости казахского *аула*» (Брискин. Степи казахские, 33). Встречается также актуализация другой дифференциальной семы семемы, обозначаемой данной лексемой, — ‘административное деление’: «Каждое крыло составляется из нескольких родов, которые заключают в себе тоже несколько подразделений, эти отделения уже тоже разделяются на *аулы*, или, как называют туземцы, *аилы*» (Валиханов. Т. 2, 40).

Обычной является актуализация дифференциальных сем в семемах обозначений налогов, например, ‘светский (не религиозный)’: «В Кашгаре право пошлины уступлено китайцами кокандцам, взимаемая там пошлина не входит в категорию зекета, учреждения исключительно религиозного, и называется *баж* [подать]»

¹² См. толкование в Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1986. 3-т 288-б.; Қанатының ұшы қызғылт, түрі күйкентайға ұқсас, кішірек келген сұңқар тектес жыртқыш. Е. Х. Жубанов, которому принадлежит мотивировка обозначения *турымтай кенес*, сближает *турымтай* по принципу привычного для казахов ассонанса с обозначением большого совета *курултай*.

(Валиханов. Т. 3, 209); 'главный (основной)': «<...> китайцы предлагают ему из артышцев составить тысячное ополчение, всегда готовое к действиям, и обещали за это освободить всех артышцев от *албана* и податей» (Там же, 41); 'незаконный (подношение)': «Кокандцы стали объясняться о пропуске нас <...>, наконец объяснили нам, что офицера нет, который дает билеты, без него не смеют, хотя им обещали дать двух баранов как *юсун*» (Там же, 40).

В семемах обозначений административных явлений актуализируются также окказиональные семы, не входящие в системное значение, «наведенные» контекстом или ситуацией. Такова сема 'жестокий, непосильный', входящая в семему обозначения налога: «Эти управляющие городами хакимы и даруги, а с ними бесчисленные баи и прочие власть имущие обдирали дехкан и ремесленников до того, что те вынуждены были продавать в рабство собственных детей, чтобы выплатить *«гараж-гаражат»*, как называли ханскую подать» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 150). Та же окказиональная сема актуализируется в семемах других названий налогов: «Потом он уничтожил многие налоги, а другие облежены, так, например: первое, *никахана* <...> — подать, даваемая при вступлении в брак, за девицу один золотой, за вдову половину золотого; второе, *таракана* <...> — 1/40 часть имущества умершего, поступающая в казну; третье — *тараздар* — за весы, которые содержит правительство; с одного батмана (зерна) 1 мир (1/4 часть тяньги) были совершенно отменены; четвертое, *харадж* <...> поземельная подать — облегчена» (Валиханов. Т. 3, 318—319).

В следующих примерах выявляется окказиональная сема, присоединяющаяся к значению слова *зиндан* в коммуникативном акте 'регулярная тюрьма для обычных преступников (не для знати)': «Разгневанный юноша покидает Бухару, мчится в Балх и бросает своего раба в *зиндан*, а красавицу Робию вталкивают в раскаленную баню и наглухо закрывают двери» (Алимжанов. Трон Рудаки, 255); «А у бухарского эмира, кроме *зиндана*, для непрошенных дерзких пришельцев всегда был наполнен прозрачной водой выложенный изразцами бассейн. В нем задумчиво шевелили усами некормленные саженные сомы, головы — величиной с телячьей» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 8).

Приведем примеры актуализации диспозициональных сем, которые отражают признаки, присущие денотатам не объективно, а по мнению коммуникантов.

Так, один из персонажей романа А. Алимжанова, проводя неправомерное этимологическое сближение (*жуз* — 'жуз' и *жуз* — 'лицо'), утверждает, что *жуз* это облик народа, а наличие трех жузов говорит о его рассеянии, несобранности, «трехликости»: «Предки казахов отразили и Кира, и Дару, и Надиршаха, прогнали упрямых джунгаров. Но началась вражда меж родами, брат пошел на брата. Степь распалась натрое. Великий *жуз*. Средний *жуз*. Младший *жуз*. *Жуз* — это лик. Трехликим стал народ. Несчастливым. Ханы дрались за трон, султаны за богатство. Делили и скот, и рабов. Потерял свою силу народ» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 162). *Ханство* — не просто 'государство, управляемое ханом', а 'благоустроенное государство', 'репутация его должна быть безупречной': «Услышав о том бесчинстве, воины-дулатовцы в приступе гнева решили пустить по ветру ханские аулы. <...> И только глава рода дулат отговорил их от этого: «В *ханстве* живем мы, хоть и недостойный у нас хан» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 215). *Орда* — 'резиденция хана', это также 'жилье уважаемого, авторитетного человека': «Ну и сибаны... Пройдохи! Не успели похоронить Есенея, а жену его держите в черной юрте, никого не подпускаете к ней! Хотите его *орду* разграбить?» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 227).

Административные установления представляют, казалось бы, «сухую материю», однако в отражающих их семемах довольно интенсивно осуществляется актуализация сем: расчлененных семем, как видно из табл. 2, вдвое больше, чем нерасчлененных. Совершенно не расчленяются лишь семемы лексем, обозначающих распоряжения и свидетельства, а среди семем, отражающих единицы управления и населенные пункты, а также налоги, преобладают расчлененные. Число актуализированных дифференциальных и интегральных сем (в сумме 54%) превышает число окказиональных и диспозициональных сем (в сумме 46%). Здесь сказалось, видимо, то, что наименования административных установлений в меньшей степени поддаются использованию в экспрессивных целях, чем другие разряды лексики.

Коннотативные семы мелиоративной оценки присут-

Таблица 2. Сводные данные об обозначениях административных установлений

Актуализированные семьи и нерасчлененные семемы	Единицы управления и населенные пункты	Собрания	Административные сооружения	Распоряжения и свидетельства	Налоги и подношения	Сумма
Семьи:						
дифференциальные	9	—	1	—	11	21(42,%)
интегральные	5	1	—	—	—	6(12%)
окказиональные	3	1	2	—	4	10(20%)
диспозициональные	13	—	—	—	—	13(26%)
Всего	30	2	3	0	15	50(100%)
Нерасчлененные семемы	9	1	3	5	6	34(32,4%)
Итого	39	3	6	5	21	74(100%)

ствуют только в наименованиях единиц управления и населенных пунктов (*аул*), пейоративной оценки — только в наименованиях административных учреждений (*зиндан*) и налогов (*гараж-гаражат, юсун*).

2.3. Обозначения предметов быта

«Слово в художественном произведении, — пишет В. В. Виноградов, — совпадая по своей внешней форме со словом соответствующей национально-языковой системы и опираясь на его значение, обращено не только к общенародному языку и отраженному в нем опыту познавательной деятельности народа, но и к тому миру деятельности, который творчески создается или воссоздается в художественном произведении»¹³. Это в полной мере относится к вплетаемым авторами в ткань русских художественных текстов или сохраняемым переводчиками словам, обозначающим предметы быта и занимающим в исследуемых произведениях значительное место.

Реалии быта распределяются по рубрикам: наиме-

¹³ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 125.

пования, связанные с жильем; наименования предметов утвари и посуды; одежды и украшений; орудий труда и оружия; музыкальных инструментов; продуктов питания и блюд.

Наименования, связанные с жильем. Кочуя по определенным территориям, казахи весной, летом и осенью жили в юртах (*киіз үй*), представляющих собой деревянный каркас, который состоит из двух основных строительных элементов: прямые шести (*кереге*), ставящиеся на меньшие по размеру, и гнутые шести (*уық*); в самом верху располагается решетчатое отверстие (*шаңырақ*), служащее для выхода дыма. Снаружи этот остов покрывается войлоком (*туырлық*), поверх которого спереди и сзади набрасываются особые кошмы (*үзік*). Шанырак закрывается в ночное время квадратной кошмой (*тундік*). В юрте находятся кошмы с национальным орнаментом (*алаша, сырмақ, текемет*), на почетном месте лежит одеяло (*көрпе*), в правой стороне обычно помещается постель (*төсек*). Во время обеда иногда используется стол (*үстөл*) на очень низких ножках, но чаще скатерть, расстеленная прямо на полу (*дастархан*), вокруг которой сидят сотрапезники, облокотясь на груды маленьких подушек (*жастық*).

Юрты располагаются по семейному признаку. Большая юрта (*үлкен үй*) — место пребывания главы данного аула. За ней по дуге ставятся юрты отделившихся сыновей, так называемые юрты молодых (*отау*), затем юрты для гостей (*қонақ үй*) и юрты остальных жителей аула.

Обозначения этих и многих других реалий широко используются в произведениях русскоязычных писателей и сохраняются в переводах с казахского: «Дайте им кошмы и *кереге*, пускай юрты ставят» (Сергеев. Петербургский посол, 164); «Он закурил и долго молчал, клубы табачного дыма уплывали наверх, в открытый *тундик*» (Досжанов. Кумыс, 363); «Мы, однако, недолго наслаждались пирки. Кошма, закрывавшая *шанырак*, под тяжестью воды от не перестававшего лить дождя осела и провалилась в юрту» (Брискин. Степи казахские, 59).

В приведенных примерах не происходит актуализации сем, семемы слов-реалий воспринимаются в нерасчлененном виде, сообщая ту или иную информацию, сопровождаемую экспрессией иноязычности. Так, лексе-

ма *шанырак* употреблена во всей полноте значения, представленного в «Словаре тюркизмов в русском языке» — «верхний купол юрты, дымовод, отверстие, род кошемной форточки»¹⁴. Это относится и к переводам произведений Г. Мусрепова, и к оригинальным произведениям Ч. Валиханова, А. Анова и других писателей. Однако можно привести пример, в котором актуализируется дифференциальная сема 'верхняя часть жилища', причем имеется в виду, что она охватывает юрту целиком и отражает свойства обитающих в ней людей: «Он нутром почувствовал: народ под этим мирным, гостеприимным куполом — *шаныраком* — наслышан о нем» (Досжанов. Фараби, 260).

В другом случае актуализируется оппозициональная обобщающая сема 'дом' — символ обиталища: «Иди, передай Дурии: пусть придет и откроет дверь нашего дома! — приказал Нурсыбек, чеканя каждое слово. — Скажи, хозяин *шанырака* еще не умер, пришел домой живым и здоровым» (Муратбеков. Дикая яблоня, 99).

Особо остановимся на лексеме *дастархан*, в ряде употреблений которой ярко отразились черты быта и национального характера казахов. Словарная дефиниция ее в максимально близком по смыслу переводе такова: «Ткань, расстилаемая для того, чтобы расставлять на ней пищу и посуду»¹⁵. Ей вполне соответствует русская лексема *скатерть*. В этом значении (без актуализации каких-либо сем) слово-реалия *дастархан* употребляется очень часто: «Чай пили, расстелив *дастархан* на траве» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 159); «Женщины аула, готовясь к асу, расстелили возле ручья огромный *дастархан*» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 150).

Но, как уже отмечалось, *дастархан* в казахской юрте это то же, что *стол* в русском доме, поэтому направление семантической деривации этой лексемы во многом совпадает с направлением семантической деривации русской лексемы *стол*. Мы наблюдаем такое изменение семантики в примере из рассказа А. Алимжа-

¹⁴ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 411.

¹⁵ Үстіне ас, тағам, ыдыс-аяқ қою үшін жайылатын асжаулық (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1978. 3-т. 57-б.).

нова. Дастархан здесь, как и в предыдущих примерах, скатерть, но вместе с тем актуализируется, выдвигается на первый план дифференциальная сема 'пища и посуда': «Собрав и отложив в сторону *дастархан*, он вышел из юрты» (Алимжанов. Мост Карасункара, 199).

В других случаях дифференциальная сема 'пища и посуда' становится интегральной, а семы 'ткань' и 'расстилаемая' совершенно затушевываются: «Проходи к столу, к *дастархану*, располагайся поудобней» (Досжанов. Лодочник, 100).

Иногда прослеживается возникновение окказиональных сем, не входящих в регулярное (отраженное в дефиниции) значение лексемы *дастархан*, наведенных контекстом или ситуацией. Так, в рассказе Д. Досжанова появляется окказиональная сема 'угощение': «Вот откуда и дома — особняки под железными крышами, и обильные *дастарханы* у всяких там жанадиллов» (Досжанов. Лодочник, 195).

Наряду с семой 'угощение' возникает еще одна окказиональная сема 'застолье': «Приехал он (бас-бух) сюда, спросил коротко о здоровье, а за *дастарханом* немножко приоткрыл завесу — мы, говорит, не смогли сварить общий котел с директором» (Досжанов. Серебряный караван, 347); «Уполномоченный уговорил Райхан поехать с ним по аулам к чабанам, украсить там его *дастархан*, поест, повеселиться, как водится среди культурных людей» (Досжанов. Лодочник, 138).

Богатство семантической гаммы слова-реалии *дастархан* проявляется в развитии ряда диспозициональных сем, которые указывают не на объективные признаки, а на приписываемые денотату, исходя из той роли, которую он играет в материальной и духовной культуре народа.

С казахским *дастарханом* традиционно связано гостеприимство, что нашло отражение в следующей диспозициональной семе: «<...> Нельзя отказываться от *дастархана* в степи» (Алимжанов. Синие горы, 109). Обильный *дастархан* свидетельствует о достатке — таково содержание диспозициональной семы в примере из рассказа Д. Досжанова: «А помочь тебе по-настоящему только я в этом городе могу. Не думай, что я хвалюсь попусту. У людей спроси, да и по дому, по *дастархану* видишь» (Досжанов. Лодочник, 73). Ритуальное значение *дастархана* подчеркнуто в диспозициональной семе

'священная деталь убранства юрты, которая ни в коем случае не должна быть подвергнута осквернению': «Жаниша позвала и девушку, которая по-прежнему сидела на кухне у плиты. Но та не откликнулась и не пришла. Разве заставишь девушку — ей вот-вот замуж выходить — прийти к *дастархану* босиком. Жаниша в чашке отнесла ей ужин» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 118). Иногда неприкосновенность *дастархана* подчеркивается не только контекстом, но и прямым указанием автора: «А если пришел, то не перешагивай через *дастархан*, для казаха это святое место» (Досжанов. Лодочник, 189).

Отметим, что из 28 наименований, в которых осуществляется актуализация каких-либо сем, более половины (16) приходится на *дастархан*, причем гораздо чаще, чем в других лексемах, связанных с жильем, происходит актуализация окказиональных и диспозиционных сем. Во всех случаях актуализации денотативных сем присутствуют также коннотативные семы оценки или эмоции. Все это отражает значительную роль *дастархана* и связанных с ним фоновых ассоциаций в национальной культуре казахов.

Наименования предметов утвари и посуды. Предметы утвари и посуды функционально близки и зачастую трудно различимы. Из огромного разнообразия наименований этих важных атрибутов быта в исследуемых текстах встречаются только (в скобках — число употреблений): *коржун* (34), *турсук* (23), *кесе* (9), *шакша* (9), *кумган* (7), *саба* (6), *кап* (3), *кебеже* (2), *тостаган* (2); единичны употребления *астау*, *жанторсык*, *пиала*, *писпек*, *тай-казан*.

В большей части употреблений лексемы *коржун* (*корджун*, *коржин*, *хоржун*, каз. *қоржын* — ковровая переметная сумка с двумя отделениями)¹⁶ актуализируется интегральная сема 'вместилище', 'сумка' — эксплицируется назначение предмета: «...Я могу быть благодарен своему потертому *хоржуну*. В нем уместилось двести сарбазов Кенесары... (Мусрепов. Улпан — ее имя, 23); «Кадыр дернул *коржун* и порвал его. Через дыру посыпалось золото» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 16).

Актуализируются также дифференциальная сема 'переметная': «Через плечо у него был переброшен не-

¹⁶ Махмудов Х., Мусабаев Г. Указ. соч. С. 449.

большой *хорджун*, а под мышкой — туго скатанная кошма» (Белянинов. Одинокий колодец, 125); окказиональная сема 'дорожная' + диспозициональная сема 'легко изнашиваемая': «<...> может и так случиться, что не поступишь в институт, вернешься домой, как дырявый *корджун*, будет у тебя истощение нервов и никакой охоты жить дальше» (Досжанов. Серебряный караван, 56); интегральная сема + дифференциальная сема 'переметная' + окказиональная сема 'дорожная': «Вечер наступил незаметно. Спихватившись, мы взвалили набитые *коржуны* и торбы на спины, заспешили вниз <...>» (Муратбеков. Дикая яблоня, 185).

Легко заметить, что *корджун* — как бы «классический» атрибут быта: истолкование его назначения, устройства, способа использования посредством актуализации тех или иных сем преобладает над выполнением каких-либо эстетических задач (см., впрочем, яркий образ отчаявшегося юнца, созданный посредством актуализации окказиональной и диспозициональной сем в четвертом примере). Но это не означает, что лексема *коржун* в остальных примерах совершенно лишена экспрессии: она создается посредством эпитетов *потертый*, *старый*, *набитый*, *объемистый*, однократных глаголов *дернул*, *кинул*, превращающих слабые семы в яркие, а также благодаря необычайному звучанию слова.

Семантическая структура лексемы *турсук* (каз. *торсық*) проста — 'сосуд из кожи или шкуры животного для хранения и перевозки жидкостей (гл. обр. кумыса)'¹⁷.

В рассматриваемом тексте актуализируется обычная интегральная сема 'сосуд': «К боковинам телег подвешены деревянные ведра, кожаные *торсыки* с кумысом и айраном» (Кайсенов. Страна моего детства, 93) реже (но показательно, что у разных авторов) — окказиональная сема 'способный раздаваться (и сужаться) в объеме': «К бедной юртчонке спиной привалилась не померно раздувшаяся, словно надутый до отказа *турсук*, байбише» (Майлин. Рыжая полосатая шуба, 153) «Джамбул, дергая за веревку, раздувал кожаным *турсуком* огонь в кузнице...» (Кузнецов. Человек находит счастье, 305); актуализируется и диспозициональная

¹⁷ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 754.

сема 'необычная, странная форма': «...кочевники наливали в белые чаши кумыс из *турсуков*, похожих на почтовые сумки» (Марков. Голубая ящерица, 58).

Актуализация окказиональной и диспозициональной сем умело используется авторами в целях художественной выразительности.

Примеры употреблений остальных наименований предметов утвари и посуды (*кесе, шакша, кумган, кап, кебеже, тостаган* и др.) не представляют особого интереса. В них либо не осуществляется актуализации сем либо актуализируется интегральная сема, эксплицирующая назначение названного лексемой предмета. См., впрочем, актуализацию диспозициональной семы 'предмет украшения' в лексеме *шакша* (каз. *шақша* — табакерка для нюхательного или закладываемого за губу табака — насыбая): «Он достал из-за голенища затейливо сработанную из рога джейрана *шакшу*, насыпал на ладонь <...>насыбая<...>» (Сергеев. Петербургский посол, 93), а также своеобразно актуализированную диспозициональную сему 'волшебная' в лексеме *келе* (каз. *келі*). Девочка-билингв употребляет то казахское слово, то его русский эквивалент: «... пастух стал представлять, что у него есть несколько зерен золотой пшеницы и будто бы он ссыпает эти зерна в серебряную *келе*. Размечтался бедняк, ударил по донышку ступы своей палкой и рот раскрыл... Из ступы стали поплясывать румяные лепешки, круги масла и жареные перепела...» (Момыш-улы. Про Мадину, 121).

Актуализацию интегральной и дифференциальных сем в лексеме *саба* мы уже отмечали.

Наименования одежды и украшений. В исследуемых текстах обнаружено 19 наименований одежды и украшений (*чапан, тымак, малахай, саукеле, жаулык, кимешек, байпак, ичиги, шалбары, байтумар, калта, тон, чекмень, шолпы* и другие, единично употребленные). Все они приводятся в нерасчлененном виде либо с актуализацией интегральной или дифференциальной семы, подчеркивающей назначение предмета, например, интегральная сема 'одежда': «Безголовый ушел, Кадыр натянул *чапан*, надел треух, туго перепоясался кожаным ремнем» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 13), интегральная сема 'одежда' + дифференциальная сема 'верхняя': «Городскую культуру ты не наденешь вместо

чапана, одной культурой сыт не будешь» (Досжанов. Серебряный караван, 32).

Особого внимания заслуживает лишь актуализация диспозициональной семы 'предмет наряда, украшение', которая в примерах употребления наименований одежды встречается довольно часто: «Шесть ослепительных прожекторов освещает шитый золотом зеленый бархатный *чапан* певца» (Анов. Крылья песни, 310); «А как бы пришлось ей *саукеле*, какое в первый раз надевает на голову молодая женщина, вышедшая замуж» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 43); «Из белой отау в переднем ряду вышла, покачивая станом, красotka. На голове белый *жаулык* с узорами по краям, с кистями (Майлин. В дни айта, 57).

В целом же наименования живописной одежды и украшений казахов используются в целях художественной выразительности не столь активно, как можно было ожидать.

Наименования орудий труда и оружия. Рассмотрим две разновидности обозначений предметов быта, потому что 91, 21% словоупотреблений (83 из 91) приходится на три наименования (*аркан, камча, курук*), относящиеся к обеим разновидностям¹⁸, лишь одно (*кетмень* — 2 употребления) обозначает только орудие труда и 5 (*буйда-печак, клыч, мултык, сап (шап), сембе* — 6 употреблений) — только оружие.

Аркан — бесспорно, тюркизм, но старый, заимствованный из татарского языка не позже XVII в.¹⁹ и прочно усвоенный русским языком. Это слово не имеет «дублетных синонимических отношений»²⁰ с каким-либо исконным или заимствованным еще раньше словом русского языка, и тем не менее мы рассматриваем его среди казахизмов-реалий: оно интересно ввиду своеобразия актуализации тех или иных денотативных сем и наличия необычных для других регионов коннотативных эмоционально-оценочных сем. В русскоязычной литературе Казахстана этот старый тюркизм ощущается как

¹⁸ Это нашло отражение в словарном толковании: «Аркан. Длинная веревка с петлей на конце для ловли на расстоянии лошадей, скота (в старину и для поимки пленников)» (ССРЛЯ. М., 1950. Т. 1. С. 186).

¹⁹ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М., 1963. Т. 1, вып. 1. С. 143.

²⁰ Крысин Л. П. Указ. соч. С. 42—43.

заново привлеченный, означающий местную реалию, чуждой и наделенный экспрессией. См., например, актуализацию дифференциальной семы 'веревка', предназначенная для поимки': «Он и так уже больше месяца, как привязанный *арканом*, не может отойти от дома» (Бокеев, Человек-олень, 134).

В рассказах А. Алимжанова актуализированы интегральная сема 'веревка' и дифференциальные 'длинная' и 'предназначенная для поимки': «Хамза, прижав *аркан* стремнем и намотав его конец на свой здоровенный кулак, застыл на месте» (Алимжанов. Синие горы. 114); то же у О. Бокеева: «Вдруг свистнуло что-то в ночи и змеей захлестнуло его длинную шею. Волосьяной *аркан!*» (Бокеев. Бура, 274).

Сказанное о лексеме *аркан*, хоть и в меньшей мере, относится и к слову *камча*. Это также тюркизм в составе русской лексики, принявший, однако, данную форму сравнительно поздно — в XIX в. (см. ССРЛЯ. Т. 5. С. 937)²¹.

В современном русском языке *камча* имеет значение 'нагайка', 'плеть', 'кнут' (ССРЛЯ. Т. 5. С. 739), которое в денотативном плане совпадает со значением каз. *қамшы*²². И все же есть основания считать, что каз. *қамшы* заново привлекается в русские тексты, приобретая при этом старую, ранее усвоенную форму *камча*.

Обратимся к примеру из романа Ю. Плашевского, где семема не расчленяется, но тем не менее подчеркивается своеобразие реалии: это не обыкновенный кнут, а особое, употребляемое в казахской степи средство воздействия на коня: «Обочь саней, затянутых попонами, шагали подвязанные кушаками зверовидные, до глаз заросшие бородами мужики, в валенках, в высоких шапках. Свистели, помахивали кнутьями. — Камчу бы сюда, — процедил сквозь зубы по-казахски Койбагар, нахмурился <...> — Да. А камча, — решил между тем, подумав, Койбагар, — наверное, тут все-таки не к месту. *Камча* — там, где степь, нужна, где ветер да табуны как стрела летят. А тут? — натуга, терпенье, медленный

²¹ Но уже в XVI в. в русских памятниках бытовала форма *камчугъ* (ср. укр., белорус. *канчук*, польск. *kan'czuk*. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 176.

²² См.: Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954; Русско-казахский словарь / Под общей ред. Г. Мусабаева. Алма-Ата, 1978. Т. 1. С. 337, 438; 1981. Т. 2. С. 85.

шаг. Изю дня в день, месяц, год, сто лет» (Плашевский, Ханский посол, 12). Имеются примеры, в которых подчеркивается своеобразие внешнего вида, материала изготовления и других деталей камчи: «А Шалабая очень заинтересовала висевшая на столбе юрты двенадцатихвостая камча» (Бокеев. Ардак, 286); «Испугавшаяся лошадь поднялась на дыбы и бросилась в сторону. Но несколько ударов толстой камчи из сыромятной кожи привели ее в повиновение» (Брискин. Степи казахские, 5).

Нередко встречается актуализация следующих окказиональных сем: 'используемая для понукания коня': «Это символический дар. Раньше джигиту дарили коня. А камча — это символ» (Алимжанов. Человек без друга беден, 104); 'производящая сильный удар', 'оказывающая очень сильное воздействие': «Это <...> джигиты с толстыми, не знающими пощады камчами» (Досжанов. Полынь и цветы, 230); «<...> встречается соседка и говорит: "Дочка-то твоя уехала прохладжаться с этим уполномоченным". Меня как будто камчой огрели» (Досжанов. Лодочник, 139); 'молниеносный удар': «А наверху все чаще хлестала по небу — и справа и слева — быстрая огненная камча» (Бокеев. След молнии, 252), а также диспозициональная сема 'не употребляемая ныне', 'атрибут старины': «Подпоясаться бы мне сейчас этим серебряным поясом, взять в руки толстую камчу и выйти на улицу — засмеют ведь, скажут, из музея сбежал» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 18).

Во всех этих случаях совершенно очевидна национальная специфика реалии, благодаря которой актуализируются помимо денотативных яркие эмоциональные семы.

Лексема *курук* весьма близка по значению к *аркан*, но в отличие от нее является «истинным» казахизмом²³, часто привлекаемым для описания деталей быта и в экспрессивных целях русскоязычными писателями Казахстана, а также сохраняемым переводчиками казахских текстов на русский язык.

Актуализация интегральной семы 'шест', 'палка' нередко используется для экспрессивной характеристики

²³ Құрық — курук (петля на легком шесте для поимки неприрученных или пасущихся лошадей) (Махмудов Х., Мусабиев Г. Казахско-русский словарь. С. 230).

производимых персонажами действий: «Это же тот самый, что еще вчера бил коня *куруком!*» (Досжанов. *Полынь и цветы*, 240); «Двое табунщиков, волоча сбоку березовые *куруки*, скакали рядом, строго покрикивали на строптивых неук, непослушных кобылиц-трехлеток...» (Майлин. *Рыжая полосатая шуба*, 143). Встречается также актуализация интегральной семы 'шест' и одной из дифференциальных сем — 'длинный': «<...> а тут налетел лихой «табунщик», чтобы набросить петлю на неукротимого скакуна, но не справился с тяжелым для него *куруком*...» (Досжанов. *Серебряный караван*, 31); 'для ловли лошадей': «Под длинным *куруком* молодого табунщика кобылицы испуганно храпели, дрожали, тяжело поводили боками» (Досжанов. *Серебряный караван*, 365).

Актуализация сем может эксплицироваться толкованием, приводимым переводчиком (в оригинале толкование, естественно, отсутствует): «Но жеребенка нельзя отпускать далеко от табуна, и вот уже соседский мальчишка гонится за ним с *куруком* — длинной палкой с петлей на конце, набрасывать на лошадиную шею» (Досжанов. *Серебряный караван*, 31).

Об актуализации диспозициональной семы семемы, обозначаемой фразеосочетанием *закинуть курук*, говорилось ранее.

В семеме лексемы *кетмень* актуализируется интегральная сема 'орудие': «Учиться хочешь? — Надо, можно и поучиться. Мы и *кетменем* некогда работали» (Досжанов. *Фараби*, 273), либо интегральная сема в совокупности с дифференциальной 'для возделывания земли': «...когда-то желтая пустошь знавала *кетмень* землевладельца и орошалась густой сетью арыков...» (Досжанов. *Серебряный караван*, 51).

Семемы остальных пяти лексем, обозначающих различные виды вооружения, представлены в нерасчлененном виде, используются для сообщения необходимой информации и воздействуют на читателя как экспрессивно окрашенные иноязычные лексемы: «Стальной щетине штыков казахи смогли противопоставить только лук и стрелы, допотопные *мултыки* да свободолюбивые сердца» (Брискин. *Степи казахские*, 61).

Наименования музыкальных инструментов. Широко известна музыкальная одаренность казахов. Выдающийся казахский ученый XIX в. Ч. Валиханов воспро-

извел старинную легенду: «Казахи говорят, что богиня песни носилась когда-то над землей, там, где она пролетала ниже, народ музыкальнее; себя они причисляют к народам, над которыми она пронеслась ближе всех остальных»²⁴.

Казахские музыкальные инструменты своеобразны по тембровому звучанию, оригинальны по форме, украшены орнаментом. «В них — и таинственные голоса минувших поколений — живые страницы истории музыкальной культуры казахского народа, и вечно движущееся, неостановимое течение обновляющейся жизни»²⁵.

Очень распространенными музыкальными инструментами были домбра, кобыз и сыбызгы²⁶. Неудивительно, что в художественных текстах при описании исторических событий, обычаев, быта казахов часто встречаются их названия. При этом обычно актуализация сем, с помощью которой авторы определяют свойства музыкальных инструментов, уточняют и расширяют их характеристики, сообщают о манере игры, оценивают силу ее воздействия — одним словом, выделяют эти атрибуты казахского быта как важный компонент национальной культуры.

Простейший вид актуализации — подчеркивание ядерной интегральной семы 'музыкальный инструмент': «Коркыт — музыкант. Он прислушивается к звукам, ловит их и умеет передавать на *кобызе*» (Досжанов. Фараби, 291).

Актуализация ядерной дифференциальной семы сообщает читателю, что речь идет о духовом инструменте: «<...> *сыбызгы* — свирель из степного курая — оживала, когда он подносил ее к губам» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 7) или струнном: «<...> музыкальные инструменты их как у всех ордынцев: балалайка (*комзо*), дудка <...>» (Валиханов. Т. 2, 72).

²⁴ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 5. С. 286—287.

²⁵ Сарыбаев Б. Ш. Казахские музыкальные инструменты. Алма-Ата, 1978. С. 16. См. также: Джансеитова С. С. Терминология казахской музыки: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989.

²⁶ Домбра — двухструнный щипковый музыкальный инструмент (Сарыбаев Б. Ш. Указ. соч. С. 29); Кобыз — четырехструнный смычковый музыкальный инструмент (Там же. С. 48); Сыбызгы — старинный духовой музыкальный инструмент (флейта) (Там же. С. 128).

Среди окказиональных сем нередка характеристика домбры — 'используемая для аккомпанемента': «Под тихое журчание *домбры* московский гость закрывает глаза. Ему сладко слушать старинное сказание о легендарных батырах» (Анов. Крылья песни, 83). Эта сема может актуализироваться одним лишь употреблением лексемы *домбра* рядом с лексемой *акын* (профессиональный певец): «Тонкие пальцы *акына* затрепетали на струнах домбры» (Там же, 100).

Отметим другие окказиональные семы: 'народный инструмент' (вместе с тем актуализируются ядерные дифференциальные семы 'струнный' и 'духовой'): «Силясь перезвонить и перекричать друг друга, неистовствовали балаганные зазывалы. Народные увеселители пиликали на *кобызах*, пузыря щеки, дули в *сыбызгу*» (Анов. Крылья песни, 154); 'самодельный инструмент': «Я перерезала целую охапку курая, чтобы вы могли сделать певучую *сыбызгы* <...> — *Сыбызгы!* Конечно, сделаю и заставлю ее петь» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 70).

Наиболее интересны диспозициональные семы. Чаше других актуализируются семы: 'орудие выдающегося, искусного музыканта': «Муса владел этим инструментом в совершенстве и справедливо считался виртуозом. Он умел играть, держа *домбру* за спиной, размахивая ею над головой, закидывая ее под колено» (Анов. Крылья песни, 83); 'большая сила эмоционального воздействия': «В роду Туркмен-Мусрепа владели мастерством исполнения песен, умели извлечь прекрасные звуки из *сыбызгы*, заставить радоваться, размышлять и плакать *домбру*» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 48). Любопытна диспозициональная сема 'неотъемлемая от того или иного лица', 'мало отличающаяся от детали быта': «Поддай-ка мне мою тростинку. Интересно, что еще придумал старик?! То, что он назвал тростинкой, оказалось свирелью — *сыбызгы*» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 32).

Названий музыкальных инструментов немного, но они часто встречаются на страницах русскоязычной литературы и порождают подлинное богатство ассоциаций, проявляющихся в актуализации тех или иных сем, особенно диспозициональных. Это свидетельствует об огромной роли музыки в жизни казахского народа. Семемы наименований музыкальных инструментов без актуали-

зации сем, в нерасчлененном виде редки. Лексемы в этих случаях придают повествованию национальный колорит, воздействуют иноязычным звучанием: «<...> фигуру акына, поэта-импровизатора, создающего свои стихи под аккомпанемент музыкального инструмента — *домбры* или *кобыза*» (Фетисов. Первые русские повести на казахские темы, 135).

Наименования продуктов питания и блюд. Основным занятием казахов-кочевников было скотоводство. Это наложило отпечаток на ассортимент продуктов питания, национальных казахских блюд, названия которых широко представлены в художественных текстах²⁷.

Актуализация сем в наименованиях блюд происходит редко: авторы, вводя то или иное обозначение в русский оригинальный текст или сохраняя его в переводе, сообщают читателю определенную информацию, которой сопутствует экспрессия иноязычности: «Зажурчал родник. Вода его была холодной и густой, упругой, как круто заквашенный *айран*» (Досжанов. Полынь и цветы, 209). Из этого текста читатель узнает, что айран — квашеный напиток, и большего для эмоционального восприятия данной лексемы не требуется. Подобных употреблений в наших материалах 178 из 190 (93,7%).

Актуализация дифференциальных или интегральных сем осуществляется в сравнениях. Основанием каждого из них (*tertium comparationis*) служит технология приготовления того или иного блюда: «Ашикбай сидел понурый, боясь сказать лишнее слово. Караул пластал его душу, как баранину на *куырдак*» (Кузнецов. Человек находит счастье, 213) — прослеживается дифференциальная сема 'мелкие кусочки мяса'; «У этих пузатых ишаков не мозги, *куырдак* в голове» (Сергеев. Петербургский посол, 207) — актуализируется другая дифференциальная сема — 'смесь разных частей внутренних органов барана'; «Об этом разговоре Джабай не замедлил рассказать в ауле. Пусть знают люди. Если управитель задумает снимать с Джабал шкуру, пусть лезут наружу корни родовой кровной мести. Пусть закипит она, как *сорпа* в котле» (Кузнецов. Человек находит счастье, 391) — отмечается интегральная сема 'мясной отвар'.

²⁷ См.: Репин В. И. Вопросы перевода казахской национальной специфической лексики: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Алма-Ата, 1969.

Нередка актуализация окказиональных сем: приготовление блюд (преимущественно мясных) сопряжено с ассоциациями, используемыми в экспрессивных целях. Так, в употреблении лексемы *бесбармак* Н. Ановым актуализируется окказиональная сема (не входящая в словарную дефиницию)²⁸ 'сложность приготовления': «Я могу тебя арестовать за оскорбление советской власти и как контрреволюционера отправить в Павлодар, в ГПУ, где из тебя сделают бесбармак» (Анов. Крылья песни, 271), Д. Досжановым — узуальная сема 'съестное блюдо': «Бас-бух, Ха-ха! Что бы ему там готовила — *бесбармак* из верблюжьей колючки или, может быть, шашлык из каракурта» (Досжанов. Серебряный караван, 103). Ирония заключается в соединении признака 'сытость' с несытными ингредиентами блюда.

Та же сема сытости, питательности актуализируется в названии конского деликатеса *казы*: «Мы не возносили ему [Аллаху] молитвы ровно столько же времени, сколько не вкушали благодатно укрепляющей тело и душу *казы*» (Кузнецов. Человек находит счастье, 111).

'Изысканность яств' — такова диспозициональная сема, актуализируемая в следующем примере: «Все, чем богата степь — *казы* и *жал*, *жент* и *баурсаки*, сочный *курт*, *иримшик*, тающий во рту, всевозможные блюда из дичи, рыб и отменной баранины, фрукты и яства — все везли караваны в ставку» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 123).

Диспозициональные семы столь же разнообразны по содержанию, как и продукты питания, названия которых вводятся в художественные тексты, например, 'ценность продукта': «Домбрачи вели тяжбу так громко, что судья Артык не выдержав, высунул из юрты потную голову и, щелкнув зубами, осадил их: — Кто спорит, тому кость в зубы, кто поет, тому *курдюк* сала!» (Кузнецов. Человек находит счастье, 442); 'белый цвет': «Белоствольные деревья, ветви которых сплошь были покрыты снежной кисеей, — вся белая роща напоминала огромную чашу с *айраном*, еще не вполне дошедшим» (Бокеев. Оттепель, 215); 'пенящийся, пузырящийся': «Шубат не продается? — поинтересовался Нургаза, ус-

²⁸ «Горячее блюдо, приготовленное из мяса и теста» — «етке каймыр салып жасалатын ыстық тағам (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. 2-т. 270-б.).

лышав, как дышит торсук с *кумысом* за перегородкой: (Анов. Крылья песни, 191).

Актуализация сем в наименованиях продуктов питания и блюд осуществляется нечасто, но каждый случай такого рода способствует созданию яркого образа, окрашенного своеобразным национальным колоритом.

Основная функция рассмотренных наименований — служить знаками бытовых понятий и указаниями основных свойств их. Отсюда — преобладание нерасчлененных семем и актуализаций интегральных сем. Меньше всего примеров этого рода среди наименований музыкальных инструментов. Эти наименования часто возбуждают ассоциации, свидетельствующие о «музыкальном» видении мира, что выражается в обилии актуализаций окказиональных и диспозициональных сем. Близки к музыкальным терминам по числу актуализаций такого рода наименования продуктов питания и блюд. Меньшее количество их дают семемы наименований одежды и украшений, орудий труда и оружия, предметов утвари и посуды. Не отличаются богатством ассоциаций, проявляющихся в актуализации окказиональных и диспозициональных сем, наименования, относящиеся к жилью, за исключением лексемы *дастархан*, в богатой и колоритной семантике которой ярко отражена специфика национальной культуры казахского народа.

2.4. Обозначения обычаев, игр и других этнографических понятий

Среди слов-реалий особое место занимают обозначения этнографических понятий, органически связанных с особенностями исторического развития казахского народа, сопряченных многим областям его материальной и духовной культуры.

Этнографические слова-реалии подразделяются на следующие тематические группы наименований: 1) обрядов и обычаев: *кун* (выкуп родственникам убитого), *найза-майляу* (древний обычай приобщения оружия к крови), *сут-акы* (плата за материнское молоко — подношение жениха матери невесты), *суюнши* (подарок за радостное известие) и др.; 2) произведений искусства (песен, инструментальной музыки, эпоса): *айтыс*, *жоктау* (похоронный плач), *кисса* (рассказ об исторических

и легендарных событиях), *кюй* и др.; 3) игр: *ак-суек* («белая кость» — ночная игра казахской молодежи: поиск кости и доставка ее к исходному месту), *альчики* (игра в кости), *кокпар* (народная игра — козлодрание) и др.

Данная классификация ни в коей мере не охватывает всего многообразия этнографизмов казахского языка: она учитывает только 61 лексему, зафиксированную в нашей выборке. Анализируемые лексеммы дают в совокупности 308 словоупотреблений. Наиболее часто встречаются следующие лексеммы (в скобках — число употреблений): *байга* (43), *той* (41), *калым* (20), *кокпар* (18), *кюй* (16), *айтыс* (14), *суюнши* (13), *амангерство* (10), *тамга* (10) и т. д. Лексеммы *аип*, *асату*, *базарлык*, *дастан*, *дугалык*, *инчу*, *кек*, *кун*, *кунакасы*, *курес*, *мушель*, *сут-акы* и многие другие имеют единичное употребление.

В большинстве лексем (в 49) актуализации сем не происходит, семемы их не расчленяются на составляющие и воспринимаются целиком: «Очищают от болезни в этом жертвенном огне, бросают в огонь жестяной ковш, раскаляют его докрасна, потом кладут в него масло и синюю пряжу, когда это загорится, то подносят его под самый нос больного и наливают холодную воду — выходит ужасный пар. Способ лечения называется *джелушик*» (Валиханов. Т. 1. 208); «Для акынов и жырышы более характерным являлось пользование формой *жыра* — семисложного, восьмисложного или одиннадцатисложного стиха с свободной рифмовкой и неустановившейся строфикой» (Фетисов. Первые русские повести на казахские темы, 136); «Байга у казахов бывает двух видов: *айналма-байга* — байга по кругу и *айдама-байга* — байга напрямик. При *айналме-байге* скачут в широкой открытой степи вокруг заранее расставленных отметок, и зрители могут наблюдать за скачкой от начала до конца» (Досжанов. Полынь и цветы, 227).

Цельности восприятия лексем *джелушик*, *жыр*, *айналма-байга* и подобных способствуют приведенные в текстах подробные энциклопедические дефиниции, которые дают немало сведений о признаках данных этнографических понятий.

О восприятии семемы в цельном виде свидетельствует и наличие перевода ее на русский язык, приведен-

ного русскоязычным автором или переводчиком: «Даже этого статного гнедого коня Демесин получил от свата за *«сут-акы»* (плата «за материнское молоко»). И вся округа знала также то, что, помимо коня, Демесин взял за дочь еще сорок семь голов скота» (Майлин. Коммунистка Раушан, 223); «Это национальная игра *«кыз-ойнак»*, что в русском переводе означает „девичье веселье“» (Фетисов. Первые русские повести на казахские темы, 136).

Актуализации сем не наблюдается также в лексемах *амангерство, ушыктау, кек, коримдык, согым, шашу* (наименования обрядов и обычаев), *естирту, жылау, дастан, каим, саз* (названия исполняемых произведений искусства), *айдама-байга, аламан-байга, казахша-курес, курес, тартыс* (наименования игр) и др. Однако они производят определенное эмоциональное воздействие в результате эффекта чужезычия. Их использование знакомит читателя с бытом и культурой казахского народа, подчеркивает национальное своеобразие текстов.

Актуализация сем обнаруживается в 12 лексемах. Они дают в совокупности 203 употребления из 308 (65,92%). Таковы лексемы *айтыс, ак-сук, асыки, байга, калым, кокпар, кыз-куу, кюй, суюнши, тамга, той, тогыз-кумалак*. Из них лишь три (*ак-сук, кыз-куу и тогыз-кумалак*) не отличаются большой употребительностью: «Решающую роль как в *байге*, так и в спортивной игре «кыз-куу» [погоня за девушкой], играет выносливость и быстрота лошади» (Фетисов. Первые русские повести на казахские темы, 139). В семеме лексемы *байга* актуализируются интегральная сема 'состязание' и дифференциальная сема 'конное'.

Актуализацию интегральной семы 'музыкальное произведение' и дифференциальной семы 'инструментальное' можно увидеть в следующем примере: «Сумерки сгустились, и на улице было темно. Со стороны клуба порывами ветра доносилась музыка. То ли *кюй*, то ли песня — не разобрать» (Муратбеков. Дикая яблоня, 174).

В лексемах анализируемых тематических групп нередки случаи актуализации ядерной интегральной семы: «Аскар, ты что мою Зауреш обнимаешь? Давай *калым!* — весело кричала Айслу» (Алимжанов. Караван идет к солнцу, 22) — интегральная сема 'выкуп';

«Эй, батыр, хватит скачек, не на *байге*» (Ниязбеков. Жаутар, 46) — интегральная сема 'состязание'.

Актуализация интегральной семы может сопровождаться актуализацией окказиональной (не входящей в словарную дефиницию) семы: «Ячейка есть? — Есть. В ней один Какимжан. Ему тоже трудно одному. Бумажки пишет его сын, а он пальцем ставит *тамгу*. Совсем неграмотный» (Анов. Крылья песни, 266). В данном случае в семеме лексемы *тамга* на передний план выходят интегральная сема 'знак' и окказиональная сема 'подтверждение'.

Очень своеобразна актуализация окказиональной семы 'трудная (для разрешения)', выражаемая лексемой *тогуз-кумалак*: «Планы рушились. Как искусный игрок в *тогуз-кумалак*, жизнь по-своему перекачивала девять шариков и путала радужные расчеты хана» (Кузнецов. Человек находит счастье, 109).

В следующих примерах наблюдается актуализация окказиональных сем при интегральной семе 'игра': «Он нагнулся, приподнял меня, словно тушку с земли, которой забавляются джигиты во время *кокпара* — богатырской игры» (Бокеев. Когда уходят пляды, 70) — подчеркивается окказиональная сема '(игра) для сильных'; «Вот смотрите — ваш Ясы сейчас замечательный зодчий и костоправ. Тот, другой, раньше умел только в *асыки* играть, теперь считает звезды, определяет их расположение...» (Досжанов. Фараби, 291) — в лексеме *асыки* актуализируется окказиональная сема 'развлечение (пустое времяпровождение)'; «Домишки разбросаны, как *асыки* на ковре...» (Досжанов. Полынь и цветы, 209) — в лексеме *асыки*, точнее, в ее семеме появляется окказиональная сема 'беспорядок'. Окказиональная сема 'тяжесть, обременительность' актуализируется в семеме лексемы *калым*: «Эх, *калым*, *калым*... Чего только он не делает с людьми...» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 49).

Актуализация окказиональных сем в рассмотренных этнографизмах казахского языка используется в целях художественной выразительности. В ней источник образности и экспрессивности данных текстов. Окказиональные семы, отражающие «различные второстепенные, иногда не обязательные признаки предмета, различные ассоциации, с которыми данный элемент дейст-

вительности связывается в сознании говорящих»²⁹, предоставляют авторам и переводчикам простор для фантазии и свободу выбора в зависимости от коммуникативных установок.

Дифференциальные семы в этнографизмах актуализируются крайне редко: «Она [Птичья дорога, Млечный путь — *Р. Т.*] была такой же, какой Сулькей видела ее в детстве, когда с другими ребятами играла в *аксюек*» (Елубаев. На свете белом, 99). Здесь прослеживается дифференциальная сема 'ночная', входящая в ядро значения лексемы *аксюек*.

Особого внимания заслуживает лексема *суюнши* — подарок за сообщение радостной вести: «*Суюнши! Суюнши!* — неслось по степным дорогам. — Наконец-то победа!» (Алимжанов. Гонец, 312); «Тетя, с вас *суюнши!* Ырысбек с фронта идет! Дядя, нам *суюнши!* Ырысбек вернулся живой!» (Муратбесков. Дикая яблоня, 259). Во всех примерах осуществляется актуализация сем: в первом примере актуализируется дифференциальная сема 'радость (по поводу победы)' (интегральная сема 'подарок' отходит на задний план, гасится), во втором — интегральная сема 'подарок', в третьем — дифференциальная сема 'радостная весть'.

Таким образом, среди казахских этнографизмов преобладают нерасчлененные семемы, т. е. они используются в основном как простые знаки различных этнографических понятий.

2.5. Обозначения культовых понятий

Мы располагаем кроме нашего списка обозначений культовых (исламских и доисламских) понятий тремя аналогичными списками, извлеченными из соответствующих словарей³⁰. Нельзя не обратить внимание на количественное несоответствие списков (Наз. насчитывает 68 ед., наш список (ОВЯ) — 57 ед., Шел. — 32 ед., Шип. — 21 ед.) и существенные различия в их наполняемости: во всех четырех списках наличествуют

²⁹ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 15.

³⁰ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976; Шеломенцева З. С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971; Назаров О. Туркменские слова в русском тексте / Под ред. П. Азимова. Ашхабад, 1984. (Далее по тексту приняты усл. сокращения: Шип., Шел., Наз.).

всего лишь 7 ед. (*аллах, курбан, мазар, мечеть, намаз, ураза (рамазан), шайтан*); в трех списках (Наз., ОВЯ, Шел.; Наз., ОВЯ, Шип; Наз., Шел., Шип.; ОВЯ, Шел., Шип.) — 11 ед. (*азан, газават, джин, зекет*³¹, *коран, курган, медресе, минарет, пери, худай, шарият*); в двух списках (Наз., ОВЯ.; Наз., Шип.; Наз., Шел. и под.) — 19 ед. (*азраил, айт, ас, аулие, аят, балбал, вануф, джума, див, дивана, жаназа, зеям-зеям, кааба, курбандык, кыямат, мектеб, паранджа, сура тмар*); в одном из списков — 64 ед.: в Наз. — 35, в ОВЯ — 25, в Шел. — 1, в Шип. — 3.

«Характерная особенность мусульманской религии состоит в том, что она энергично вмешивается во все стороны жизни людей. И личная, и семейная жизнь верующих мусульман, и вся общественная жизнь, политика, правовые отношения, суд, культурный уклад — все это должно быть подчинено целиком религиозным законам»³². Это свойство ислама не могло не найти отражения как в дореволюционной, так и в советской литературе, повествующей о дореволюционных временах, поэтому отмеченные различия в числе и инвентаре культовых слов-реалий вызывают удивление.

В нашем материале среди «культовых» слов выделяется пять тематических групп наименований: 1) мифических персонажей: *Азраил* (ангел смерти)³³, *албасты* (дух, вредящий при родах), *алп* (великан-людоед), *джин, шайтан* и др.; 2) мусульманских праздников и обрядов: *азна* (синонимическое обозначение пятницы), *ас* (поминки в годовщину смерти), *газават, жаназа* (поминальная молитва), *намаз, сура* (глава Корана), *ураза (рамазан)* (ритуальный пост) и др.; 3) предметов культа: *ахрет* (погребальный саван), *зеям-зеям* (вода одного из колодцев в Мекке, символ живой воды).

³¹ Слова-реалии приводятся в той форме, в которой они выступают в нашей выборке: при наличии разночтений (*зекет, зекят, зекат*) приводится самое частое из них.

³² Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 524.

³³ Приводятся толкования лишь тех слов, которые, по нашему мнению, могут встретить затруднение у читателей. При этом либо повторяется толкование, приведенное автором текста, в котором обнаружено слово-реалия, либо извлекается значение слова из контекста. В затруднительных случаях мы обращаемся к изданиям: Климович Л. И. Ислам: Очерки. М., 1962; Ислам: Краткий справочник. М., 1983; Керимов Г. М. Шарият и его социальная сущность. М., 1978.

тана (род амулета), тмар (то же) и др.; 4) культовых сооружений: *балбал* (памятная скульптура в степи), *мазар*, *мола* (могила); 5) духовных учебных заведений и храмов: *медресе*, *мектеб*, мечеть.

В тридцати (из 57) «культовых» словах не происходит актуализации сем; они воспринимаются целиком и, сообщая ту или иную информацию, наделяются также экспрессией иноязычности. Это преимущественно наименования мифических персонажей, обозначения праздников и обрядов, вводимые в ткань научно-публицистических сочинений и дневниковых записей Ч. Ч. Валиханова, например: «Албасты — дух, вредящий при родах. Их называют также *джезтырнак* — с медными когтями. Их глава *сорель*, вышины 3 сажени, небольшая грудь, а остальное все ноги, копыта, очень тонкие». И далее: «Сорель — это леший, по некоторым сказкам муж албасты...; говорят, что он живет в дремучих лесах, имеет вид человека; обыкновенное человеческое туловище его так длинно, что он бывает равен с лесом. Убивает человека, измучив его щекотанием, это — русский леший» (Валиханов. Т. 1. 211). См. также о поклонении огню: «Из всех шаманских поклонений поклонение огню до сих пор имеет большую силу. Киргизы огонь называют *авлие*, этим же именем называют мусульманских угодников» (Там же. Т. 4, 54).

Приведенные тексты близки к энциклопедическим толкованиям понятий, но отличаются от них тем, что объясняемые слова-реалии представляют собой иноязычные «кванты выразительности».

Таково и обозначение амулета у другого автора: «Эй, Назира, передай, милая, матери: пусть устроит той! Ее сын стал настоящим джигитом! — Ну, Багилаш от нас не отвергнется! Вот мы повесим на ее сына *тана* и все! — закричала, смеясь, одна из женщин. <...> — У кого найдется *тана*? — подхватила другая. <...> Женщины окружили меня и, смеясь и перешучиваясь, стащили с коня. Я краснел, сопротивлялся, но они нашили на ворот и подол моей рубахи несколько *тана*» (Муратбеков. Дикая яблоня, 131). Актуализация тех или иных сем осуществляется в 18 лексемах. Сравнительно редко актуализируется какая-либо дифференциальная сема, например, сема семемы, выражаемой лексемой *балбал* 'скульптура, возведенная в память о

былом сражении': «Чуть поодаль замерли балбалы — примитивные скульптуры воинов со строго очерченными носами и тонкими длинными усами» (Сейдимбеков. Поющие колокола, 10—11).

Своеобразна актуализация семы 'высокое' семемы, выражаемой лексемой *минарет* 'высокое сооружение при мечети, с которого призывают мусульман к сотворению намаза': «<...> он вышел в Париже на вокзальную площадь и сразу увидел четкий ажурный контур Эйфелевой башни, <...> — Самый великий в мире *минарет*, — вспомнил даuletовские слова Амре и прикинул, какой голос должен иметь азанчи, чтобы его слышали с такой высоты верующие люди» (Анов. Агаш Аяк, 13).

Очень умело использована в экспрессивных целях актуализация дифференциальных сем 'торжественная' и 'предусматриваемая' ритуалом в особых случаях', входящих в семему обозначения молитвы *хутба*: «Айтеке-бий <...> объявил: — Волею старейшин и вождей племен казахских и с согласия старейшины ханов — хана Великого жуза Болата главой над сарбазами в великой битве с джунгарами станет самый молодой из ханов храбрый Абулхаир. — Аминь! — Пусть великий имам степи благословит его!... Абулхаир встал с места, направился к имаму и стал на колени перед ним. В мертвой тишине над холмами и степью отчетливо слышались слова *хутбы*» (Алимжанов. Гонец, 337).

Возможна, впрочем, актуализация интегральной семы. Так, в семеме *курбан-айт* актуализируется обобщающая сема 'праздник': «Ты будто на *курбан-айт* торопишься, батыр...» (Ниязбеков. Жауатар, 47).

Нередко актуализируются (наводятся контекстом или ситуацией) окказиональные семы, см., например, наведенную контекстом (не входящую в дефиницию) сему семемы 'глава Корана' — 'имеющая значение в богослужении и в подготовке священнослужителей': «Но и само учение, состоящее в упорном, тщательном вызубривании той или иной *суры* корана, бумерангом било по этим священнослужителям, отгалкивая и отворачивая от них учеников» (Джексенбаев. И горек дым войны, 16).

Окказиональной, не входящей в системное значение лексемы *мыстан* 'ведьма', является сема 'придирчивая,

привередливая': «Э-э, Раке! Куда денется старая *мыс-тан*, каждая лишняя минута без нее рай. Не лучше ли забежать к советам, узнать, что в степи творится, что в мире делается?» (Джексенбаев. И горек дым войны, 24).

Наиболее часто актуализируются диспозициональные семы. Так, объективные признаки мифического существа, именуемого в мусульманской теологии *шайтан*, соответствует семемам 'дух' и 'зло'. Но истинный, «классический» «дух зла» наделяется в религиозном сознании целым рядом дополнительных свойств, сопряженных с исходными объективными признаками. Каждое из этих свойств может быть подчеркнуто, выделено в художественном тексте таким образом, что семасиолог обнаружит ту или иную диспозициональную сему, например: 'вызывает страх': «Пугливые женщины в аулах прозвали Даулета черной смертью и *шайтаном*. Они дрожали, когда он заходил в юрту с камчой в руках» (Анов. Агаш Аяк, 11); 'губит людей': «Он же пьян. Угробит нас!—Этот *шайтан* свалит нас в яму.—Пустяк! С нами ничего не случится!» (Габбасов. Засуха. 103); 'не подчиняется людям': «Умытчан, Умытчан! Гоните этого *шайтана*. Он не слушает меня. Он ложится! Пинайте его!» (Марков. Синие всадники, 56); 'ничего не боится': «Ложись! —вне себя закричал Абен. — Ложись, дочь *шайтана!*» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 93); 'владыка ночи': «<...>когда солнце зашло, они спохватились, заметили, что уже потянуло прохладой, что они оба промокли насквозь и что вообще уже поздно. <...>— Ой, поехали, Асет! Скоро появятся джинны, *шайтаны*, — всполошилась Загипа» (Муратбеков. На вершине Ушкара, 35).

При особом употреблении «культового» слова *жаназа* 'заупокойная молитва' также образуется диспозициональная сема — 'накликать беду': «Надо сперва самим обсушить одежду и отдохнуть, а о скакунах потом поговорим. Может, мы их не возьмем в обратную дорогу, а заменим на других, чтобы быстрее весть о победе донести до аула. — Прежде чем кудахтать, надо вначале яичко снести, — пробубнил Атай. — Не читай заранее *жаназу*, — сбивчиво сказал Сеит и умолк» (Алимжанов. Гонец, 213).

Диспозициональной является сема семемы 'священ-

ная книга мусульман' — 'в которую верят безгранично': «Он (Ч. Валиханов. — М. К.) понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый *коран* его жизни» (Ядринцев. Воспоминания о Чокане Валиханове // Валиханов. Т. 1, 97).

Наряду с лексемами, семемы которых не расчленяются, и лексемами, в которых обязательно происходит актуализация какой-либо семы, имеется девять «культурных» лексем, семемы которых в одних случаях возбуждают «микроэмоцию» в нерасчленном виде, в других актуализируют ту или иную сему. См., например, воспринимаемую целиком семему 'сооружение на могиле мусульманина': «Утром проснулись, сошлись у *мазара*, собираясь дальше в путь» (Плашевский. Ханский посол, 16) и актуализацию окказиональной семы 'которую чтят, которой поклоняются': «В окрестностях Янысара из священных мест примечательны: Чиланлык <...> и *мазар* Бегим в 15 верстах за Чиланлыком» (Валиханов. Т. 3, 120), а также нерасчленную семему 'религиозный налог': <...>второй род управляется бием Турдуке, который признает только власть Кокана, ни *зекету*, ни подати не платит» (Там же, 33) и актуализацию диспозициональной семы 'доходная статья сборщиков налога, которая далеко не полностью достается мечети': «В это же время с еще большим корыстолюбием беспокоили Большую орду их единоверцы-кокандцы, собиравшие с них *зякет*» (Там же. Т. 1, 182).

В немногих из приведенных примеров актуализируются коннотативные семы — отрицательной оценки (*жаназа*, *мыстан*, *шайтан*) и положительной (*коран* в воспоминаниях Н. М. Ядринцева о Ч. Ч. Валиханове).

В табл. 3 отражено соотношение тематических групп культовой лексики в нерасчленных и расчленных семемах и различия типов актуализированных сем в 167 употреблениях 57 «культурных» слов. Авторы интенсивно используют в экспрессивных целях актуализацию сем в «культурных» семемах: расчленные семемы (103) употребляются в 1,6 раза чаще, чем нерасчленные (64). Преобладает актуализация диспозициональных и окказиональных сем (в сумме 75,73%), которая является наиболее эффективной в экспрессивном отношении. В наибольшей мере подвергаются расчленению семемы

Таблица 3. Сводные данные об обозначениях культовых понятий

Актуализированные семьи и нерасчлененные семемы	Мифические персонажи	Праздники и обряды	Предметы культа	Культовые сооружения	Духовные учебные заведения и храмы	Сумма
Семьи:						
дифференциальные	1	14	1	7	1	24 (23,30%)
интегральные	—	1	—	—	—	1 (0,97%)
окказиональные	2	20	—	11	1	34 (33,01%)
диспозиционные	18	17	—	2	7	44 (42,72%)
Всего	21	52	1	20	9	103 (100%)
Нерасчлененные семемы	21	24	8	10	1	64
Итого	42	76	9	30	10	167

лексем, обозначающих духовные учебные заведения и храмы (9 из 10—90%). Далее следуют (диминуэндо) праздники и обряды (68,42%), культовые сооружения (66,66%), мифические персонажи (50%), предметы культа (11,11%). В этом диминуэндо отражается, вероятно, степень знакомства писателей с различными атрибутами исламского и доисламского культа.

2.6. Названия животных и растений

На территории Казахстана насчитывается около 150 видов млекопитающих, несколько сотен видов птиц, около пяти тысяч видов растений. Все это многообразие, естественно, именуется в казахском языке. Однако к словам-реалиям мы, как отмечено в первой главе, относим лишь специфические понятия, которые не имеют регулярных воспроизводимых русских эквивалентов, например, *арлан* 'крупный волк-самец, вожак стаи'; «Знает Садан — встреча предстоит с *арланом*, а не с волчицей» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 60), *аруана* 'чистокровная одногорбая верблюдица', *бульдурук* 'пустынный (степной) рябок', наименования эндемичных растений: *ебелек*, *кокпек*, *ук-сары*.

Эти и аналогичные казахские названия широко употребляются в произведениях русскоязычных писателей

Казахстана и сохраняются в переводах с казахского. При этом мы отчетливо видим, как иногда «резко изменяются... смещаются и тем самым приобретают новый смысл и новую образно-выразительную силу любые соотношения элементов общей системы языка и ее стилей»³⁴, выявляются и активизируются потенциальные возможности слова, или, по выражению Ю. Тынянова, «колеблющиеся признаки»³⁵ его значения. Казахские наименования животных и растений, являясь наряду с собственно русскими словами «первоэлементом» художественной речи, подвергаются художественно-образной трансформации в целях воплощения замыслов и стилистических задач писателей.

В исследуемых текстах обнаружено 41 казахское название животных: 23 домашних и 18 диких.

Названия домашних животных. Казахи — прирожденные скотоводы — на протяжении веков культивировали не только домашних животных, но и их обозначения. В связи с этим лексика, связанная с содержанием и разведением скота, отличается большой детализацией, в названиях животных отражаются различные признаки: пол, возраст, масть, положение в стаде.

Об этом можно судить, например, по названиям лошадей, обнаруженным нами в исследуемых текстах: *айгыр* 'жеребец-производитель, вожак табуна'³⁶, *аргамак* 'рослый конь кровной породы', *бести* 'лошадь пятилетнего возраста', *донен* 'конь-трехлетка', *дуль-дуль* 'мифический крылатый конь', *карабаир* 'помесь аргамака с простой казахской кобылой', *кунан* 'жеребчик по третьему году', *сауран* 'порода выносливых саврасых лошадей', *тай* 'годовалый жеребенок', *тулпар* 'сказочный быстроногий конь-скакун'.

Столь же разнообразны названия верблюдов: *аруана* 'чистокровная одногорбая верблюдица', *атан* 'холощенный рабочий верблюд', *бура* 'двугорбый верблюд-производитель', *буыршы* 'верблюд-самец четырех лет', *желмая* 'сказочная быстроногая верблюдица', *инген* 'двугорбая верблюдица', *лэк* 'одногорбый верблюд-про-

³⁴ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. М., 1963. С. 141.

³⁵ Тынянов Ю. Н. Статья. М., 1965. С. 87—88.

³⁶ Дефиниции по «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі». I—II том. Алматы, 1959, 1961; «Словарю тюркизов в русском языке» Е. Н. Шиповой и другим изданиям.

изводитель', нар 'одногорбый верблюдо', тайлак 'верблюжонок на втором году'.

Остальные наименования относятся к овцам и другим животным: кошкар 'баран-производитель', мамши 'калмыцкая порода овец', серке 'холощенный козел, вожак овечьего стада', тохты (тохтушка) 'барашек в возрасте от 6 месяцев до 1 года; торпак 'теленок в возрасте от 6 месяцев до 1 года'.

В 12 семемах из 24 наименований домашних животных не происходит актуализации каких-либо сем. Нерасчлененные семемы тем не менее выступают как своеобразные словесные знаки, создающие в русском тексте конкретные ассоциации: «По преданию саураны были прямыми потомками диких лошадей, отличались быстротой, неутомимостью и чуткостью» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 156); «Превратится твой верблюжонок в настоящую аруану, и молока в доме будет вдоволь» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 8); «А вот мой тай, который все пятится, на байге пять раз первым приходил, вот как!» (Ауэзов. Путь Абая, 815); «Старик собрался с верблюдицей в Кульсары, где в ауле был лёк — одногорбый верблюдо-самец» (Санбаев, Времена года нашей жизни, 15).

В приведенных контекстах сообщаемая авторами новая информация выявляет семантику используемых детализованных казахских названий животных, особенности их назначения в быту.

В русской художественной речи в целях экспрессии актуализируются неожиданные признаки значения в других 12 казахских названиях домашних животных.

Остановимся на наиболее ярких случаях.

Актуализация интегральной семы наименования мифического крылатого коня дуль-дуль создает символ современного летательного аппарата: «Советская власть открыла Наурызбеку дорогу от дымного очага юрты в школу летчиков. Расправляя крылья, он часто думал, где помчится его быстролетный дуль-дуль?» (Кузнецов. Крылья Наурызбека, 44).

В следующем примере в семеме лексемы тулпар актуализируется окказионально-диспозициональная сема 'чудо, совершенство': «Возле него на привязи томился одинокий снежно-белый скакун без седла, без сбруи. Красавец-конь с султаном из совиных перьев на холке. Грива его была заплетена в косички, на хвосте алые и

голубые ленты. Не конь, а *тулпар!*» (Алимжанов. Голец, 328).

Следует, однако, заметить, что в произведениях современных казахских писателей понятие *тулпар* часто как бы «депоэтизируется». *Тулпар* — это необычный конь, на котором скачут батыры в казахском эпосе. Это необыкновенный, редкий, волшебный конь. А в повестях и рассказах наших дней довольно часто персонажи разъезжают на тулпарах: «Абунасир <...> привязал *тулпара* к толстому канату» (Досжанов. Фараби, 266); «Садись на коня, внук! Это добрый *тулпар*» (Бодаубаев. Дедушка Талгата, 248). Здесь слово *тулпар* заменяет понятие 'хороший конь' и не более; значение необыкновенный, редкий скакун' в контекстах ступешивается, что никак не способствует усилению художественной выразительности.

В художественных произведениях казахских писателей в лексеме *нар* (одногорбый верблюд) дифференцируются разные коннотативные семы. Так, диспозициональная сема 'выносливое животное' в семеме *нар* при сравнении имеет положительную коннотацию: «Я знаю, дорога его не утомит, не то что меня, понимаю, что он куда выносливее, жилистее меня, я слишком хорошо знаю <...>, что он, как *нар*, сколько лет тащит этот груз» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 8). В других случаях актуализируются яркие семы 'сила, мощь': «Некоторые старики угодливо твердили <...>: — Ты могучий *нар*, звенящий колокольчиком, — и всячески лгнули к Кунанбаю» (Ауэзов. Путь Абая, 180); «Ее горе столь тяжко, не поднять его и черному *нару*» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 49). Однако встречается коннотативная сема пейоративной оценки при сравнении, где *нар* — отрицательный образ: «Не кричи, как *нар* взбесившийся. Никто тебя не выдаст» (Сергеев. Петербургский посол, 128).

Контекст может ярко высветить актуализацию той или иной семы в семемах лексем. См., например, актуализацию через контекст дифференциальной семы 'вожак отары', отраженной в лексеме *серке*: «Тарт, *серке!* Вперед! — закричали чабаны и овцы покорно пошли за козлами» (Зверев. Волчонок из Бетпак-Далы, 107).

Диспозициональная сема 'большая ценность' прослеживается в семеме слова *кошкар*: «...в аул приехали люди Кадырбая и объявили, что из байской отары кто-то

увел самого крупного *кошкара*, отцом которого был дикий архар» (Кузнецов. Человек находит счастье, 264).

Таким образом, в сфере названий домашних животных наряду с нерасчлененными семемами обнаружен ряд актуализаций (интегральной и дифференциальной, окказиональной и диспозициональной сем) в семемах лексем *дуль-дуль, кошкар, нар, серке, тулпар*. В семантике этих лексем отмечены не только денотативные, но и коннотативные признаки. Следовательно, они служат не только «проводниками» своеобразного национального, но используются в произведениях русскоязычных писателей Казахстана как смело включаемые в тексты яркие «стилемы».

Названия диких животных. Многие из них также являются результатом детализации, указывающей на пол, масть, место обитания животного: *акиик* (букв. белое плечо) 'хищная птица из семейства ястребиных, вид беркута с белой отметиной на крыльях', *аккуйрук* (букв. белый хвост) 'дикая коза, имеющая белый хвост', *арлан* 'крупный волк-самец, вожак стаи', *архар* 'дикий баран', *беркут* 'крупная хищная птица из семейства орлиных', *бульдурук* 'степной рябок', *джейран* 'горная коза', *елик* 'степная дикая коза' *ительги* 'хищная птица из семейства 'ястребиных', *карагуш* 'степной подорлик', *каракуйрук* (букв. черный хвост) 'степная антилопа с черной отметиной на хвосте', *каракурт* (букв. черный червь) 'пустынный ядовитый паук', *кеклик* 'каменная куропатка', *корсак* 'мелкая степная лисица', *кулан* 'дикий осел', *тарпан* 'лошадь Пржевальского', *тау-теке* 'горный козел', *улар* 'горная индейка', *шамран* 'небольшая пустынная белая змея'.

В ряде названий диких животных не осуществляется актуализации сем. Они воспринимаются как обозначения наиболее ярких и типичных представителей фауны Казахстана. Об этом свидетельствуют и примеры: «В горах пасутся маралы, *тау-теке* или горные козлы, называемые киргиз-кайсаками *аккуйрук*» (Валиханов, Т. 1, 177); «Саженья в ста от нас мелькнул *илик* (*елик*) и испуганно скрылся» (Брискин. В стране семи рек, 27); «В горах, около больших утесов, в лесу вьют гнезда большие орлы, *карагуши*, серые коршуны» (Валиханов. Т. 1, 177); «Ты достал птенца самого лучшего сокола — *ительги*, — сказал дядя Серикбай» (Бегалин. Сатжан, 178); «*Тарпаны* ростом ниже против средней лошади,

только круглые, шерстью саврасые и голубые» (Рычков. Топография Оренбургская, 206); «Далеко слышен свист горных индеек — *уларов* — на вершине Алабайтала» (Зверев. Золотой сайгак, 176).

В некоторых названиях диких животных осуществляется актуализация коннотативных сем. Так, отмечается актуализация окказиональных сем: в лексеме *джейраны* — 'своенравные': «Пусть сами решают молодые, они, как *джейраны*, им не прикажешь (Муратбеков. Ночной дождь, 179); в лексеме *архар* — 'легкий, резвый': «Прыгая с камня на камень, как *архар*, он огибал соседний холм с развалинами древней крепости» (Белянинов. Одинокый колодец, 93); а в семеме лексемы *бульдурок* наведена сема 'невнятный гомон': «Осклабив в улыбке беззубый рот, он затараторил картаво и отрывисто, как вспугнутый *бульдурок*» (Кузнецов. Человек находит счастье, 145).

В изучаемых текстах одной из наиболее частых оказалась лексема *беркут* — 44 словоупотребления в произведениях 17 авторов.

Беркут самая любимая птица казахов. Еще в XVIII в. один из первых исследователей Казахстана П. С. Паллас писал: «Мне рассказывали, как они (беркуты) убивают сайгаков, по их *акиик* называемые»³⁷. П. И. Рычков сообщает: «*Беркуты*, род орлиный, только крупнее. Киргизцы (казахи) употребляют их к ловле волков, лисиц, корсаков»³⁸.

В произведениях писателей Казахстана актуализируются диспозициональные семы лексемы *беркут*: 'гордая птица': «Что же, исполним последнее желание аксакала. <...> *Беркут*, даже из ума выживший, на высоте хочет погибнуть» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 38) и 'птица удачи': «*Беркут* победы, многие годы летавший впереди прославленного атбасарского акына, после айтыса превратился в общипанную курицу» (Анов. Крылья песни, 145). См. также актуализацию коннотативной семы положительной оценки с лексемой *беркут*: «Ты у меня умнее *беркута* — самой умной птицы...» (Шухов. Горькая линия, 209); «Я привык видеть

³⁷ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1773. Ч. 1. С. 515.

³⁸ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 214.

своего коке гордым и смелым, как боевой *беркут*» (Бокеев. Когда уходят плеяды, 68).

Эти примеры воссоздают поэтический ореол, которым окружена птица, сопутствующая степняку-охотнику в его странствиях по родной земле.

В лексемах *шамран* и *кеклик* также актуализируются диспозициональная и окказиональная семы. В рассказе В. М. Даля внимание читателя концентрируется на том, что змея *шамран*, имеющая белую окраску, необычная змея (в поверьях и легендах казахов белый цвет символизирует добро, удачу, везенье): «На этой поездке, брат, тебе бы найти *шамрана*, царя змей, так это было бы кстати. — *Шамран*, — сказал дядя, значительно поглядывая исподлобья на племянника, — *шамран* небольшая белая змея...» (Даль. Майна, 234). Казахстанский писатель-натуралист М. Зверев, как бы связывая характерный звук, издаваемый птицей с казахским названием *кеккілік*, актуализирует окказиональную сему 'необычный голос': «*Кек-елик! Кек-елик!* — на все ущелье закричал *кеклик*-самец, вскочив на камень» (Зверев. За теками, 167).

Профессор В. И. Шаховский отмечает: «Разрядом слов, где коннотативная семантическая специфика проявляется наиболее рельефно и разнообразно, является зоолексика»³⁹. С этим утверждением нельзя не согласиться. Анализ показал, что в названиях диких животных часто актуализируются именно коннотативные семы. Так, в произведении Н. Анова крайне отрицательное отношение к клевете и лжи выражается коннотативной семой 'опасность' лексемы *каракурт*, служащей образом ядовитости: «Злой язык! Стрелы твои — ложь! Они — как укусы *каракурта*» (Анов. Ак-Мечеть, 217). В следующем примере в лексеме *архар* при сравнении прослеживается коннотативная сема 'беспокойный': «Совсем дурной стал. Как *архар* в загоне, мечусь, покоя себе не даю» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 20).

Анализ использования в исследуемых русских текстах казахских названий диких животных показал, что нерасчлененные семемы, отражая разнообразие фауны родной земли, сами по себе способны создавать и «эффект присутствия». Как «кванты

³⁹ Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж, 1985. С. 73.

выразительности» они также действенны, ибо семантика ряда лексем (*беркут, архар, каракурт* и др.) позволяет актуализировать необычные коннотативные семы, вызывающие у читателей различные микроэмоции.

Названия растений. В рассматриваемых художественных и публицистических произведениях на русском языке довольно много казахских наименований растений, представленных авторами как народные термины. Общее число их — 60. Сюда относятся названия: 1) пойменных зарослей, лесов и рощ (*джингил, тугай, туранга, чубар-агач*); 2) деревьев (*арча, джида, карагач, коксултан, саксаул, сарыагач, тут, чинара, шангиш*); 3) кустарников и болотистых растений (*джарганак, джужген, иргай, жантак, караганник, кизилча, курай, раваш (рауаш), сагыз, тал, тобылга, терискен, ченгель, чий*); 4) степных трав (*алабота, балгын, бетеге, биюргун, боялыш, джуа, джусан, ебелек, еркек, изен, канбак, кандым, канжапрак, кокпек, коян-шоп, курак, самырсын, селеу, уексары, четир (шетир), чилига*); 5) цветов (*отгулжер, сарыкоз*); 6) плодов (*алыча, анар, нашбату, урюк, шабталы*); 7) культурных растений (*кендырь, кунжут*), 8) наркотических растений (*апын, кокнар, хашиш*).

Мы сопоставили наш список с перечнями, приведенными в трудах З. С. Шеломенцевой и О. Н. Назарова. В словаре З. С. Шеломенцевой⁴⁰ 16 названий растений, из которых 10 (*алыча, арча, джарганак, джида, иргай, карагач, курай, таволга, тал, чий*) входят в наш список. Книга О. Н. Назарова⁴¹ включает 40 названий растений, из которых 15 наличествуют у нас: *арча, гокнар, джарганак, дженгель, евшан, кандым, кендырь, кунжут, тал, торанги, тугай, тут, урюк, чинар, чингиль*. Совпадения названий свидетельствуют о том, что растительный мир Казахстана, Киргизии и Туркмении имеет много сходных черт.

В большинстве названий растений актуализация каких-либо сем не осуществляется. Это в основном казахские лексемы, введенные впервые Ч. Ч. Валихановым при описании особенностей природы Казахстана в его научных трудах и дневниковых записях. Казахизмы

⁴⁰ Шеломенцева З. С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971.

⁴¹ Назаров О. Н. Туркменские слова в русском тексте. Ашхабад, 1984.

использованы ученым как термины, а не в художественных целях, и, естественно, не актуализируются, например: «*Кокпек*, корм верблюдов, и *юсан*, любимый баранами, здесь не растут, — но <...> бараны выходят в теле, питаюсь стручковой травой, называемой *четер*» (Валиханов. Т. 2, 32); «Там и сям росли колючие кусты *ченгеля*,... *боялыша* (из той же породы)» (Там же, 309); «Здесь я встретил в первый раз особый род щавеля, называемый кайсаками *раваш* или *рауаш*. Растение это имеет пустой сочный стебель, наполненный приятно кислым соком. <...> Вкус его напоминает гранат» (Там же, 316); «По обе стороны этих урочищ лес так разнообразен, что эти места получили название у кайсаков *Чубар-агач* (чубарый лес), т. е. «разнообразные деревья» (Там же, 176); «Здесь растет одно кустарниковое растение, по листьям своим похожее на тал, но с колючими, как боярышник <...> Киргизы его называют *черганак*. Ягоды его очень походят на облепиху» (Там же, 320). Ч. Ч. Валиханов детально толкует вводимые им названия, что способствует цельному и адекватному восприятию их.

Нерасчлененные в семантическом отношении народные названия растений часто употребляются писателями Казахстана для создания живописных и красочных картин родной земли: «Серебристый тополь, береза, осина, могучий *карагач* и гибкий *тал* растут здесь дружной семьей. Подует ветер, и зашумит *тугай* — всему аулу слышно... (Муратбеков. Камен-Тугай, 80); «Здесь [в пустыне] осенью прошла полоса дождя. Немного теплых дней <...> оказалось достаточно, чтобы вызвать рост *жусана*, мятлика, *эбилека* и даже эфедры» (Зверев. Золотой сайгак, 23); «Вокруг топорщились седые листья *терескена*, *сагыза*, *боялыша*» (Сергеев. Петербургский посол, 184); «А там подальше густо кудрявится *тобылга*, раскрывая почки» (Анов. Крылья песни, 23).

Цельное наименование растений, характеризующее природу Казахстана, — основное художественное средство, используемое писателями. К актуализации сем они прибегают сравнительно редко. При этом отсутствует выделение интегральных и дифференциальных сем: подчеркиваются преимущественно окказиональные семы, не входящие в дефиниции наименования.

Актуализация окказиональных сем раскрывает полезные свойства растения, эксплицирует его назначение, применение в быту. Именно это создает экспрессию, которая отсутствовала бы при нерасчлененном представлении семем. См., например, актуализацию семы 'снадобье', 'лекарство' в названиях *канжапырак* и *жусан*: «Отец насобирает *канжапырака*, отжал в горсть красный сок из листьев и начал смазывать им раны Каршиги» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 26); «Будем лекарство варить. *Жусан*-трава есть. Хорошая трава. Пить будешь, жить будешь, а лихорадка сдохнет» (Кузнецов. Человек находит счастье, 262).

'Гибкость', 'крепость' — таковы окказиональные семы, актуализируемые в названии *тобылга*: «Из *тобылги* натягивают тугой лук и делают тонкие стрелы» (Алимжанов. Сувенир из Отрара, 76).

В названии травы *уек-сары* в контексте выявляется сема 'питательность', 'полезность для скота': «Растет у нас невысокая, желтая травка — *уек-сары*. С виду она невзрачна, а овцы от нее наливаются жиром» (Алтайский, Каратаев. Путешествие в Жер-Уюк, 19).

А. Алимжанов часто подчеркивает густоту тугая, его свойство служить укрытием, убежищем для людей: «<...> в густых зарослях *тугая* показались юрты и шалаши беженцев» (Алимжанов. Гонец, 239); «Убит один из тех, кто примкнул в нам, ища защиты... Многие разбежались по *тугаям*» (Там же, 111). Вместе с тем в лексеме *тугай* прослеживается не только окказиональная, но и диспозициональная сема 'растение родных мест': «Почему-то в эти минуты все виделся ей родной аул, <...> берега, густые *тугаи* на отмелях» (Досжанов. Лодочник, 170).

В названии *курай* актуализируется диспозициональная сема 'растение, предназначенное для изготовления национального духового инструмента': «...сыбызгы — свирель из степного *курая* — оживала, когда он подносил ее к губам» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 8).

Растительный мир Казахстана органично вошел в материальный быт народа и стал неотъемлемой частью его духовной культуры, что отразилось в коннотативных семмах оценки и эмоции: «Он крепок, как *тобылга*» — эти слова — высокая похвала» (Алимжанов. В тени минаретов, 375); «Простота девушки смутила его. И

еще глаза. Не черные, как у большинства казашек, а темно-карие — *алычевые*» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 6). -

Казахская лексема *шынар* (чинар) 'высокое дерево с красными листьями' по форме соответствует словам русского языка мужского рода.

В нашем примере в семеме данной лексемы высвечена диспозициональная сема, выражающая возмужание молодого поэта: «Теперь этот слабенький росток впитал в себя все соки жизни, окреп и дотянулся стройным сильным *чинаром*» (Ауэзов. Путь Абая, 507).

В другой фразе лексема *чинар* переоформлена окончанием женского рода и содержит в своей семеме уже другую эмоциональную сему, характеризующую нежность девушки: «Ах, *чинара* моя, ты отдана другому, а я горю жарким огнем, страдаю я» (Муратбеков. Дикая яблоня, 341).

Анализ использования казахских наименований объектов фауны и флоры в произведениях русскоязычных писателей Казахстана и в переводах с казахского языка приводит нас к заключению, что в семемах лексем этой сферы актуализируются главным образом коннотативные (диспозициональные иokkaзиональные) семы, сопряженные с экспрессивной передачей эмоций, чувств, оценок, душевного порыва литературных героев. Нерасчлененные же казахизмы во многих случаях сами по себе способны обеспечить необходимую установку на восприятие самобытно-национального колорита. Актуализация денотативной семы в основном лишь дополняет своеобразную региональную характеристику указанием на особенности использования именуемого объекта. Все эти факты подчеркивают необходимость словреалий в качестве стилизующих элементов художественного произведения на русском языке.

2.7. Обозначения явлений природы и организации животноводства

Системная организация данной группы лексем предполагает четкое деление ее на две подгруппы, каждая из которых, в свою очередь, объединяет различные лексико-семантические группировки. Так, к явлениям природы относятся: 1) формы земной поверхности (*айта-*

кыр, такыр, саз), 2) атмосферные осадки (*жасын, кемпир-косак, кусканаты, сарыкар*), 3) погодные явления (*салкинчик, тамыз, шильде*), 4) особенности (горного) рельефа (*кунгей, терскей*). В подгруппу организации животноводства входят: 1) принадлежности упряжи и приспособления для выпаса домашнего скота (*коген, мурундук, чембур*), 2) стада животных (*кос уйир*, 3) особенности содержания домашнего скота (*джайляу, коктеу, кузеу, кыстау*), а также лексема *джут* (массовый падеж скота от бескормицы в холодные зимы).

Сопоставление нашего списка с аналогичными списками в трудах З. С. Шеломенцевой, Е. Н. Шиповой и О. Назарова⁴² свидетельствует о существенном несоответствии инвентарей исследуемых лексем. Так, в словаре З. С. Шеломенцевой наличествует лишь 7 ед., входящих в наш список (*джайлоо, джут, кунгей, сазы, сай, терскей, чильде*), в словаре Е. Н. Шиповой — 4 ед. (*джайляу, джут, такыр, чембур/чумбур*), в труде О. Назарова — всего 2 ед. (*сай, такыр*). Указанные несоответствия объясняются неодинаковостью природных условий и вытекающими отсюда различиями в укладе жизни, ведении хозяйства у казахов, киргизов и туркмен. Это обусловило разную степень актуальности тех или иных явлений природы и организации животноводства. Но нельзя не отметить, что в упомянутых работах З. С. Шеломенцевой, Е. Н. Шиповой и О. Назарова отсутствуют в основном эквиваленты таких казахских лексем, которые в нашем материале представлены единичными употреблениями (*коген, кузеу, кусканаты, мурундук, сарыкар, тамыз, уйир* и некоторые другие).

Мы рассматриваем 25 казахских обозначений явлений природы и организации животноводства (ОЯПОЖ), которые дают в совокупности 109 словоупотреблений. Наиболее часто встречаются такие лексемы, как *джайляу* (30 словоупотреблений), *джут* (28), *такыр* (11), *кыстау* (9), *кунгей* (5), *кос* (4). Большинство лексем анализируемой тематической группы имеют единичное употребление: *коктеу, кузеу, мурундук, сарыкар, тамыз, шильде, уйир*.

Характерной особенностью ОЯПОЖ является то,

⁴² Шеломенцева З. С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971; Шипова Е. И. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976; Назаров О. Туркменские слова в русском тексте. Ашхабад, 1984. С. 83—179.

что они воспринимаются преимущественно целиком, без членения на составляющие их семы. Актуализации тех или иных сем не происходит в 84 примерах из 109 (77,06 %): «В один из темных зимних дней, когда я пас овец на *кунгее*, ко мне подъехал табунщик Садык» (Алимжанов. Синие горы, 122); «...подножный корм и сенокосы на *сазах* сохраняют свою свежесть до исхода сентября» (Валиханов. Т. 1, 177). Нерасчлененность таких семем нередко подчеркивается подробными пояснениями, близкими к энциклопедическим толкованиям: «Сулкей подняла голову. Небо было совершенно чистое. Не иначе как кончается *шильде* — самая жаркая пора лета» (Елубаев. На свете белом, 74); «За этот холм... Чтобы сюда не ступали копыта ни одной лошади... Кроме *коса* Садыра. Два *коса* — перегнуть в сторону Кусмуруна, а четвертый — к нашим пастбищам» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 13), приводится сноска в тексте: *Кос* — несколько табунов, которые обычно пасутся вместе, но в стороне от других косов; «Дед Иса был зажиточным человеком, имел в хозяйстве отару овец и целый *уйир* лошадей. *Уйир* — это табун в три-четыре поколения» (Кайсенев. Страна моего детства, 80).

В своих толкованиях авторы (переводчики) расчленяют казахские лексемы на семы, но при этом ни одну из них не выделяют в целях выразительности. Тем не менее данные ОЯПОЖ подчеркивают национально-культурное своеобразие текстов, производят «эффект неожиданности», создают «микроэмоцию». Сила эмоционального воздействия находится в прямой зависимости от известности тех или иных реалий читателям. Стилистический эффект введенного в текст чужезычия усиливается в результате того, что оно снабжается кавычками: «На большом *«сазе»* стояли кибитки калмыков IX дивизии, сидевших прежде около китайского рудника, но нынче упраздненного» (Валиханов. Т. 3, 340); «Такая густая и ехидная тень бывает только в пору *«тамыза»* (самое жаркое время с 10 июня), а в *«тамыз»* солнце закатывается в восьмом часу» (Иванов. Гафир и Мариам, 288).

Актуализации сем не наблюдается в лексемах *коген*, *коктеу*, *кузеу*, *мурундук*, *сай*, *сарынар*, *терскей*, *чом*: «Он подумал, что может порвать ее ноздри *мурундуком...*» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 14).

Отметим, что семемы некоторых ОЯПОЖ могут выступать как в нерасчлененном, так и в расчлененном виде. Таковы лексемы *айтакыр*, *джайлау*, *джут*, *кыстау*, *такыр*, *чембур*: «Брат снова стал рассказывать: — Позапрошлой зимой был *джут*, кормов на зиму не запасли, и Атымтай, угнав на зимнее пастбище полсотни овец, назад вернулся с одним в руках» (Анов. Крылья песни, 265); «Мор, значит? — догадывался солдат. — *Джут*, — соглашался дядька Жетыбай» (Симашко. Колокол, 27).

В романе Н. Анова лексема *джут* называет денотат целиком, какая-либо сторона его не выделяется. У М. Симашко же в этой лексеме актуализируются дифференциальные семы 'смерть' и 'массовая', 'повальная'.

В целом актуализация тех или иных сем среди анализируемой группы лексем наблюдается лишь в 25 примерах (22,94 %). При этом редко актуализируются ядерные семы. Так, в лексеме *джут* прослеживается дифференциальная сема 'голод': «Голодные годы, называемые у киргиз «*джут*», представляют собой совокупные действия всех вышеозначенных бедствий» (Валиханов. Т. 4, 105).

Актуализация интегральной семы в нашей выборке представлена лишь одним примером: «И какая же это пустыня? Пустыня! А каждый бугорок и холмик, каждый *такыр*, колодец, каждая лощина связаны с обычными житейскими историями, простыми и значительными человеческими судьбами» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 304), здесь выделяется сема 'особенности рельефа (форма земной поверхности)'.

Окказиональной, не входящей в системное значение лексемы *такыр* 'ровное глинистое пространство земли (без растительности)', является сема 'препятствие': «Кеменгер чувствовал себя летящим на крыльях, не терпелось ему поскорее одолеть все лежащие впереди сопки, низины, барханы и *такыры*, чтобы поскорее обнять отца с матерью...» (Досжанов. Серебряный караван, 43). Встречается актуализация семы семемы, обозначаемой лексемой *такыр* — 'твердая (о почве)': «Я оставил его у бархана. Велел наблюдать и ждать. Сам проехал дальше. Вернулся — его нет. А там дальше *такыр*, по следу не найдешь!» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 163).

Значительно различие между двумя окказиональ-

ными семами лексемы *джайляу* 'летнее пастбище': 1) 'край, место, где протекает жизнь человека': «Вот мой отец, бедняк из бедняков, ... за всю свою жизнь вдоволь молока не напился, а не поверил в новую жизнь на родном *джайляу*, вдруг решил бежать без оглядки неизвестно куда...» (Бокеев. Отзовись, мой же-ребенок, 9) и 2) 'стоянка кочевников': «...не найти нам, видно, сегодня аул-то. Видишь их, дьяволов, кочуют они все. Последний раз *джайляу* их как раз тут было, а сейчас куда-то перешли» (Брискин. Степи казахские, 18).

В других случаях наблюдается одновременная актуализация интегральной и дифференциальной сем тех или иных семем: «Было время, когда я никому не давал покоя своей мечтой оросить пустыню, прорубить везде артезианские скважины, понастроить колодезь, понасадить всяких деревьев и всяких трав, чтобы вместо желтых песков лежал повсюду цветущий оазис, чтобы зазеленели голые *такыры*» (Досжанов. Серебряный караван, 58) — интегральная сема 'пространство, местность' и дифференциальная 'без растительности'.

Одновременно с интегральной семой семемы может актуализироваться и окказиональная сема, например, интегральная сема 'пастбище' и окказиональная 'на природе (вне города)' семемы, обозначаемой лексемой *джайляу*: «Зачем мне, говорит, такой трудовой героизм, дайте мне отару, уйду на *джайляу* дышать свежим воздухом» (Досжанов. Серебряный караван, 58).

Среди лексем, обозначающих явления природы, наиболее богатой, представляющей широкие возможности для актуализации окказиональных сем, оказалась семантика лексемы *такыр*, а среди обозначений, связанных с организацией животноводства — семемы лексем *джайляу* и *джут*.

* * *

1. Использование в контексте русских художественных произведений расчлененных или нерасчлененных семем зависит от функциональной нагрузки наименований.

Семема выступает в нерасчлененном виде, и семы не актуализируются обычно тогда, когда слово обозначает важное для восприятия понятие, необходимую

деталь обстановки или пейзажа и т. д. Таковы предметы быта, обряды и обычаи, исполняемые произведения искусства, игры, животные (особенно дикие), растения, явления природы и понятия, связанные с организацией животноводства. Авторы или переводчики обычно поясняют их в тексте или в подстрочных примечаниях, что не способствует актуализации различных сем.

Больше возможностей для актуализации тех или иных сем имеют наименования лиц, административных установлений и культовых понятий.

2. Сказанное не означает, что расчлененность / нерасчлененность семем представляет четкую границу, отделяющую наименования, рассмотренные в п. 2.1, 2.2, 2.5 от наименований, рассмотренных в п. 2.3, 2.4, 2.6, 2.7. Внутри каждого из классов имеются тематические группы, отличающиеся определенным своеобразием.

Так, среди наименований предметов быта выделяются обозначения музыкальных инструментов, отражающие «музыкальное» видение мира и изобилующие в связи с этим актуализацией окказиональных и диспозициональных сем.

В семемах наименований диких животных часто актуализируются коннотативные семы: в мотивах наименований⁴³, в эпитетах и других словах, окружающих то или иное обозначение зверя, птицы, рептилии, насекомого, народ отражал свое отношение к этим существам.

Среди наименований лиц, имеющих небольшое число нерасчлененных семем (22,1 %), выделяются малой склонностью к актуализации сем обозначения лиц по роду занятий: здесь важно сосредоточить внимание читателя на функции, выполняемой человеком, а не на деталях (*арбакеш* остановил лошадь около ворот дома; появлялись неизвестные *хабарчи* — пересказчики новостей).

3. Наличие / отсутствие актуализации зависит от жанра и тематики произведений. Так, в этнографических очерках Ч. Ч. Валиханова казахизмы употребляются обычно без актуализации сем, нерасчлененно. В исторических произведениях реализуется первичное значение существительного, которое нередко сопровождается актуализацией денотативных и коннотативных сем.

⁴³ Копыленко М. М. О мотивации наименований животных в тюркских языках // Проблемы тюркской этимологии. Алма-Ата, 1990.

Однако большое число актуализированных сем встречается в произведениях советских писателей на современные темы.

4. Нерасчлененность семемы не свидетельствует о подчеркнутой терминологичности названия, об отсутствии эмоциональной окраски. Мы неоднократно отмечали, что в этих случаях действует эффект неожиданности: «микроэмоция» создается иноязычным звучанием слова (см. о наименованиях игр, диких животных, явлений природы и др.).

5. Значение слова, выделяемое в различных коммуникативных ситуациях, богаче его лексикографического описания. Об этом ярко свидетельствует, например, анализ употребления лексемы *джигит*, в результате которого мы пришли к выводу о наличии у него трех значений, а не одного, как указано в 10-томном толковом словаре казахского языка (см. также анализ лексем *акын*, *беркут*, *камча*, *коржун*, *ханство*, особенно *дас-тархан* и др.).

КАЗАХСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

3.1. Замены русских слов, фразеосочетаний и предложений

В художественных и публицистических произведениях русскоязычных писателей Казахстана определенное место занимают казахские слова, фразеосочетания и предложения, расцениваемые нами как иноязычные вкрапления. В отличие от реалий, которые в силу своей специфичности восполняют недостающие звенья в лексике русского языка и нередко узуальны (например, тюркизмы типа *акын, домбра, калым, отчасти тамаша* и др.), вкрапления ни в коей мере нельзя признать фактами русского языка.

Сознательный отбор и творческое применение вкраплений в рамках художественной литературы обусловлены прежде всего экстралингвистическими факторами, связанными с существующей языковой ситуацией, поэтому отражение иноязычных вкраплений в языке реалистической русской литературы носило более или менее устойчивый характер¹.

Пионером в использовании казахских вкраплений в русском литературном языке был В. И. Даль (Казак Луганский). Создавая в 30-х гг. XIX в. произведения о казахах (повесть «Бикей и Мауляна», рассказ «Майна»), он широко употребляет в них слова и речевые обороты казахского языка, имевшие в ту пору большое познавательное значение. Например: «Он, казах, вещи не тронет, ибо называет это *урлык*—воровство; а украсть коня — молодечеством — *джигитлык*» (Даль. Бикей и Мауляна, 247); «*Не пайда* — что пользы, — говорила

¹ См.: Листрова Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX в. Воронеж, 1979.

она... — коли выдадут меня ему? Я его зарежу в первую же ночь» (Там же, 286).

В наше время русские писатели, используя элементы национального языка, относятся к ним бережно, с глубоким уважением, как к высокому достижению духовной культуры, отражая через них реальные языковые ситуации в республике, национальную специфику, афористичность казахского языка. Большая часть иноязычных вкраплений используется окказионально; включаясь в общую систему языковых средств художественной литературы, они нередко становятся стилистически релевантными компонентами художественного произведения.

Среди прочих типов вкраплений (онимов, вокативов, калек и т. д.) выделяются казахизмы, представляющие замены русских слов: «Далеко завела мировая сделка с управителем. Наступил в *батпак* [болото] пяткой, увяз по уши» (Кузнецов. Человек находит счастье, 298); фразеосочетания (в данном случае предикативное): «Ну и дождь... — обратился я к хозяину. — Что же это, долго он так будет лить? Хозяин пожал плечами: — *Кудай биледы* — бог знает» (Брискин. Степи казахские, 58); предложения: «*Су джок*, воды нет, — кричал проводник издалека...» (Марков. Голубая ящерица, 39).

Эти замены не что иное, как следствие дружеских контактов широких слоев казахского и русского населения Казахстана в условиях развивающегося национально-русского двуязычия.

Характеризуя функции и мотивы использования названных вкраплений, мы исходим из того, что «говорящий сознательно сосредотачивает свое внимание на данном слове, семантически и синтаксически выделяя его»².

Собранный материал можно распределить по трем рубрикам: 1) слова; 2) фразеосочетания, 3) предложения.

Казахские вкрапления, заменяющие русские слова. В отличие от слов-реалий слова-вкрапления имеют соответствующие понятийные эквиваленты в русском языке: «*Хош!* Прощай, любимый, ненаглядный... — хрипло крикнула вслед Шуга...» (Майлин. Памятник Шуги,

² Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7. С. 60.

39); «Они [русские переселенцы] сжились с соседями, вместе с неимущими *жалши* [батрак] служили в работниках, пасли чужой скот и по-казахски все говорили как на родном языке» (Симашко. Комиссар Джангильдин, 267).

Слова-замены обладают либо колоризирующей, либо познавательной-номинативной функцией. Первая реализуется в основном в произведениях художественной литературы.

Казахское слово, имеющее русский эквивалент, является сигналом того, что речь идет о персонажах-казахах и в то же время характеризует их речь: «Чокан настороженно прислушался: — *Да-ри-гер, о-о-й, даригер* [Ой, доктор]... — доносилось до его слуха» (Кузнецов. Человек находит счастье. 375); «Чем ближе к базару, тем больше народу: — *Сатамын! Аламын!* [Продаю! Покупаю!] — неслось со всех сторон» (Митько, Кривошеков. Огненное кольцо, 246).

Убедительно воспроизводит А. Сергеев фонетическую интерференцию в русской речи казаха и насыщение ее казахизмами: «Раньше давно Тактабай ходил Уфа. *Япырай*, сапсем большой аул. Кибитка деревянный. Базар ходил. Товар сапсем много *гора-тобе. Бидай* — пшаница есть, *кездеме* [ткань,] *балга* [топор], иголка, ножик, *мултык* [ружье] — псе ест, — перечислил он» (Сергеев. Петербургский посол, 100).

Казахизмы в речи русских персонажей говорят о том, что им знакомы некоторые элементы этого языка, о стремлении русских постичь казахский язык: «Подхожу я к одному чудаку-казаху, что возле речки стоял, в речку перстом тычу и спрашиваю: «*Су?*» Он мне в ответ: «*Су, су*» и головой кивает. Я потом на небо показываю и спрашиваю: «*Алла?*» Он тоже подтверждает: «*Алла*» (Марков. Арабские часы, 157).

В следующем примере показана «натурализация» казахского глагола в устах русского персонажа, глаголу придана русская спрягаемая форма (такое часто наблюдается и в реальной жизни): «Зовут-то тебя как, — спрашивал Понохин у мальчишка [у Джамбула]. — Не *бельмекаешь* по-нашему? — чудил казак» (Кузнецов. Человек находит счастье, 178).

Иногда вкрапления используются как вторичные названия, дублирующие русские: «Направо, на самом

высоком холме, несколько юрт, у которых бедные двери — *есык* из крепкого плетеного камыша. У богатых *есык* кошемный и пестро расшит» (Иванов. Т. 3, 127).

Использование казахизмов в номинативной функции оправданно в публицистических текстах, где оно имеет познавательное значение. Так, много казахизмов представлено в трудах Ч. Валиханова, которые в ту пору давали русскому читателю новые сведения о жизни, быте тюркских народов (казахов, киргизов, бухарцев и др.): «Дикокаменные киргизы сами себя называют просто *киргиз*» или *кара-киргиз*. *Кара* — значит черный и в то же время имеет переносное значение — простолудина» (Валиханов. Т. 2, 39); «Ружье, *мултык* было редкостью в степи и переходило из рода в род» (Там же, 111); «В языке кайсацком есть и пословицы (*макал*). У них есть и свои загадки — *джумбак*» (Там же. Т. 4, 388); «*Таглык* — горец есть нарицательное название, распространяемое для всех малобухарцев для отличия от низовых Туркестана» (Там же. Т. 3, 179).

Казахские вкрапления-фразеосочетания. Им присуща экспрессия иноязычности. Полукальки, сохранившие экспрессию своеобразных казахских фразеосочетаний, были созданы Ч. Валихановым в прошлом веке: «Калмыки стали в расстоянии *коча баранов* [каз. козы көш — 8—9 верст]» (Валиханов. Т. 1, 222); «В этом походе калмыков было *более сан* [каз. көп сан — без счета]» (Там же, 221).

Русскоязычные мастера слова, прибегая к казахским вкраплениям-фразеосочетаниям, используют их выразительность, емкость и точность в целях стилизации.

Фразеосочетания органически вплетаются в фрагменты выразительной речи персонажей-казахов: «Он [Бикей] закричал: *Берк бул!* [Держись!] и уже несся вслед за непобедимой, за которую более никто не посмел гнаться» (Даль. Бикей и Мауляна, 243); «Долго живи, маленький мой! Пусть счастье сопутствует тебе, маленький сын *кара-букары!* [*Кара букара* — букв. черный люд]» (Кузнецов. Человек находит счастье, 125).

В следующем примере воспроизводится ситуация, при которой использовано фразеосочетание, порожденное советской эпохой: «Ты кто? — спрашивает джигит меня. — Ты — *кызыл-урус?* — Да, — отвечаю я, приподнимая

ружье, — да, *кызыл-урус* [что на языке пустыни значит красный русский]» (Иванов. Т. 3, 137).

В ряде случаев исследуемые тексты свидетельствуют о том, что русским, живущим в казахской степи, не чужды сочные казахские выражения: «Есней мог в запале решиться и на это. В конце концов казаки из стана помогли бы... Для них все считается «ордой». *Барибир*» — все равно, — говорят они, что Кенесары, что Чингис» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 34); «...Полковник Яковлев, узнав, что я пишу к Вам письмо, просил написать Вам от него искреннейший *коп саям* [огромный привет]» (Алтынсарин. Письма, 161).

Казахские вкрапления-фразеосочетания немногочисленны, но одно из них — *узун-кулак* (букв. длинное ухо) в значении 'слухи, молва' — отличается функциональной активностью как в оригинальных русскоязычных, так и в переводных текстах: «Каждый час *узун-кулак* приносил из Каркаралинска все более утешительные вести...» (Анов. Крылья песни. 136); «*Узун-кулак* доносит, что нынче туда прибыли тобыктинцы во главе со своим молодым и властным бием Кенгирбаем» (Алимжанов. Гонимец, 263). См. также использование данного выражения в речи русского персонажа: «*Узун-кулак* принес хорошую весть. Вы, превосходительный Кутлумухамед-мырза, посол царицы русской Анны, знаете язык моего народа?» (Сергеев. Петербургский посол, 41).

Меткое казахское выражение *узун-кулак*, широко применяемое в русских художественных текстах (нами зафиксировано до 25 словоупотреблений), становится привычным и регулярным в речи носителей русского языка данного региона. Это засвидетельствовал Дмитрий Фурманов еще в 20-х гг.: «Бывает, что вся область узнает о каком-нибудь особо животрепещущем деле словно по телефону: Это здесь «*узун-кулак*» зовется» (Фурманов. Мятаж, 41).

Казахские вкрапления-предложения. В анализируемых текстах помимо слов-замен и фразеологических вкраплений встречаются казахские предложения и текстотые единицы.

Включая казахские предложения в русскую речь, писатели отображают различные языковые ситуации, возникающие в общении казахов и русских, например,

когда русский знает казахский язык: «Это казахи. Они нас вроде как сторожат. Что-то, видать, сказать хотят. Ты, кажись, по-ихнему здорово калякаешь, поговори съезди. Егор крикнул: — *Тратыр, тратыр! Кель мунда* [Стойте, стойте! Идите сюда!]. Степняки остановились» (Митько, Кривошеков. Огненное кольцо, 26); русский вспоминает забытую казахскую речь: «Что же, все правильно, Джангильдин, — сказал Федоров... — Ну и память у тебя... А я вот забыл, чему по-казахски выучился. *Айтканыма кулак... кулак... — Кулак кой*, — подсказал он. Послушай, что скажу» (Симашко. Комиссар Джангильдин, 166); когда казах по-русски не говорит: «Эй, послушай! — крикнул Чигрисов. Человек обернулся и спросил по-казахски: — *Не керек? Урус билмеим* [Что надо? По-русски не знаю]» (Марков. Голубая ящерица, 42); «*Отырыңыз*, — пригласил хозяин и первым опустился на кошму. — *Кайда барасын? Қыз ким?*» — спросил он [Садитесь. Куда едете? Чья эта девушка?]» (Митько, Кривошеков. Огненное кольцо, 71).

Вкрапления-предложения, вплетаясь в русский текст, приобретают экспрессию иноязычности и вместе с тем дают некоторое представление о звучании казахской речи. Они отличаются афористичностью, образны, привлекают внимание к сообщаемому и производят колоризирующий эффект. Казахские предложения способствуют раскрытию психологии народа, некоторых народных обычаев и устоев: «Старик отличался несвойственной местным патриархам болтливостью. „*Улу жузды кауга берып малга кой*, — затрещал старик, как саранча. — *Орта жузды камшы берып дауга кой. Қиш жузды найза берып жауга кой*“. Это походило на стихи, но не было ими. Старик вспоминал поговорку о трех джузах, делящих всех казахов» (Марков. Синие всадники, 52); «Известно, бедный брат у богатого всегда в малаях ходит, так уж лучше быть бедным братом у русских, чем рабом у диких калмыков. Казахи говорят: „*Кара орыс келгенде, сары орысын кайда дерсын*“ [Когда нагрянет черный русский (т. е. джунгары), завопишь, где рыжий русский]» (Сергеев. Петербургский посол, 100); «Я всегда думаю о мудрости старой казахской поговорки: „*Ольгенге салават, калганга береке берсын...*“ [Умершее умерло, да будет благодать живо-му]» (Брискин. Степи казахские, 108).

Таким образом, замены русских слов, фразеосочетаний и предложений казахскими играют весьма существенную роль в эмоциональном строе оригинальных русскоязычных произведений и переводов с казахского. Находясь за пределами русского литературного языка, они тем не менее освещают скрытые от русского читателя особенности образной казахской речи, приобщают его к культуре казахского народа, служат упрочению дружбы двух братских народов.

3.2. Вокативы и онимы

Вокативы³ и онимы объединены на том основании, что и те, и другие служат опознавательными знаками лиц, хотя и в различных ситуациях.

Вокативы. Неотъемлемым элементом любой ситуации речевого общения являются вокативы, в наибольшей степени отражающие специфику речевого поведения того или другого народа.

Прежде чем вступить в речевой контакт с кем-либо, мы, как правило, определяем статус собеседника. Необходимо, чтобы наше речевое поведение соответствовало этому статусу: последнее небезразлично для достижения цели коммуникации. Речевой контакт начинается именно с вокатива, который задает тон всему последующему разговору.

Когда я употребляю в качестве вокатива имя собственное *Вася*, то это означает, во-первых, что мой собеседник мне хорошо знаком, во-вторых, что он примерно одного возраста со мной (если это не ребенок), в-третьих, что он занимает примерно одинаковое со мной служебное положение, в-четвертых, что дальнейший разговор будет протекать в неофициальной обстановке.

Если же в качестве вокатива используется официальное название должности (*товарищ продавец, товарищ директор*), то это свидетельствует о том, что собеседник мне незнаком и / или выше рангом по службе, что общения проходит в официальной обстановке, тема разговора ей соответствует⁴.

³ Различаются обращение (речевой акт) и вокатив (слово, использующееся при обращении).

⁴ См.: *Копыленко М. М.* Об этикете обращения // *Страноведение и преподавание русского языка иностранцам*. М., 1972; *Формановская Н. И.* Вы сказали «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. 2-е изд. М., 1987.

Казахский речевой этикет имеет некоторые отличия от русского.

Если в русском языке существенной является прагматическая пресуппозиция 'знаком/незнаком'⁵, а далее внутри группы с пресуппозицией 'знаком' дифференцирующей выступает пресуппозиция 'высший — равный — низший по служебному положению', то в казахском языке, по нашим наблюдениям, наибольшей различительной силой обладает прагматическая пресуппозиция 'старший — равный — младший по возрасту'⁶.

Вокативы казахского языка находят отражение в языке русскоязычной прозы. Русскоязычные авторы вводят, а переводчики сохраняют казахские вокативы вместе с их пресуппозициями (которые для русского языка служат лексико-семантическими лакунами). Как отмечает Ю. А. Сорокин, «наличие таких лексико-семантических лакун вызвано невозможностью вполне адекватного перевода одной знаковой системы в другую. Это не означает, что взаимопонимание исключено, но для достижения взаимопонимания необходимо глубокое знание национальной культуры данного народа»⁷. Различаются четыре группы казахских вокативов, употребляемых в русских художественных текстах.

Наибольшую группу вокативов-казахизмов, отмеченных в русском художественном тексте, составляют термины родства: *апа, ата, ага, женге, отагасы, коке, тате, кайным, келин, шеше, аже, карындас, аке, ене, тамыр, жезде*.

Ага (агай). В качестве вокатива это слово употребляется как по отношению к мужчине, состоящему в родственных отношениях с собеседником, так и по отношению к незнакомцу. Существенным является то, что собеседник старше по возрасту. Функции вокатива *ага* различаются. В общении с собеседником-родственником или близким человеком он выполняет гонорифическую функцию — выражение вежливости, почтительнос-

⁵ Рыжова Л. П. Пресуппозиционный аспект обращения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 133.

⁶ См. также: Сыдыкбекова К. Особенности коммуникативного поведения киргизов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1983. С. 132—135.

⁷ Сорокин Ю. А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 167.

ти: «Может, потому, что сын Кусена приходился ему сверстником, или еще по какой причине, только Боздак обращался к нему не иначе, как с уважительным *ага*». Вот и сейчас он спросил, придержав коня: — *Ага*, можно дослушать ваш рассказ» (Муратбеков. Кусен-Кусеке, 76). В обращении к собеседнику незнакомому или мало знакомому вокатив *ага*, помимо выражения уважения, почтительности, создает доверительную тональность общения: «Как зовут вас, *ага*? — спросил он запоздавшего пассажира» (Досжанов. Лодочник, 137); «Ассалямалейкум, *агай*. — Держа за крыло, он протянул незнакомцу подстреленного фазана» (Симашко. Колокол, 87). В некоторых случаях он отражает двуязычную ситуацию общения: «Простите, *агай*, что побеспокоил вас, — и вдруг перешел на русский официальный язык....» (Симашко. Колокол, 308).

Употребляются также варианты *агагай*, *агажан*, *агеке*, которые усиливают прагматическую функцию вокатива — выражают воздействие на собеседника, просьбу, вынуждающую его выполнить определенное действие: «*Агагай*, оставайся хотя бы на одну ночь! — умоляла, плача, чернявая девчонка с черными пушистыми волосами» (Майлин. Повести и рассказы, 182). Использование вариантов вокатива в середине текста, когда речевой контакт уже установлен, усиливает тональность вежливости, почтительности: «Дочь Шакшакбия уже проснулась?.. — со двора донесся голос Арепа — старшего брата ее мужа. — Я встала, *агеке*, я давно проснулась» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 257).

Ата. Употребление этого вокатива аналогично употреблению предыдущей лексики. Различие в том, что возрастная дистанция между собеседниками должна быть более ощутимой — обычно не менее 40 лет.

В обращении к собеседнику — родственнику старшего возраста вокатив *ата* выражает уважение: «Не открывая глаз, старик спросил: — Алибай где? — Пошел баранов пригнать поближе к дому. — Вернется — ко мне его пошли. Манал помялась у двери. — *Ата*... У меня чай кончился. Осталось на одну заварку» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 119). В общении с малознакомым или незнакомым собеседником образуется дополнительно доверительная тональность высказывания: «Кто ты?.. — *Ата*, я из Отрара, имя мое — Абунасир, сын покойного полководца Мухаммеда»

(Досжанов. Фараби, 302). В ситуации, когда вокатив *ата* звучит в устах ребенка, он теряет сему 'почтительность', сохраняя лишь возрастную сему: «Ладно, малыш, завтра закончишь. Ступай домой. — Хорошо, *ата*, сейчас пойду» (Нурмагамбетов. Поле детства, 50).

Функции казахского вокатива *ата* и русского *дедушка* в целом совпадают, поэтому сохранение казахизма можно объяснить стремлением к созданию колористического фона, к отражению того факта, что общение осуществляется на казахском языке: «Рядом мерно переступал гнедой, пощипывал зелень по берегам арыка, с хрустом жевал. И вдруг конь дернулся настороженно. Старик не успел поднять головы, как до него донесся женский голос: — *Ата*, что с вами? Дедушка, а дедушка!» (Муратбеков. Причуды старого Бакена, 153).

Апа (апай). Вокатив может обозначать 'мать': «Мать подошла к изголовью сына. Присела... — *Апа*, есть хочу... — вымолвил Шер» (Нарымбетов. Ущелье ржущего стригунка, 208). Однако довольно часто он употребляется для обозначения не матери, а собеседницы, знакомой или незнакомой женщины, старшей по возрасту, и выражает уважительность: «Ну что вы, *апа*, — виновато улыбаясь, сказал Жаудат. — Вы только не сердитесь, но нам надо спешить. ...» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 31). «Извините, *апай*, мне воды захотелось, — безо всякого зазрения совести заявил парень и начал заглядывать в пустые ведра» (Досжанов. У тигра своя тропа, 316). В последней речевой ситуации форма *апай*, обозначая незнакомую женщину, старшую по возрасту, выражает в то же время стремление коммуниканта-парня к некоторой фамильярности в общении с ней.

Интересные также употребления вокативов *женге* и *келин*.

Лексема *женге* может быть применена по отношению к женщине, являющейся женой старшего родственника, и к замужней женщине, старшей по возрасту, более или менее знакомой собеседнику. По отношению к родственнице вокатив *женге* выражает сему 'уважительность, почтительность': «В полдень приехал брат отца.... Вытирая пот с бритой макушки, он принялся утешать маму Амана: — Работайте спокойно, *женге*. Доставим вам Амана в целостности и сохранности» (Бахыт-

жан Момыш-улы. Лето в ауле, 83). При общении с просто знакомой или малознакомой собеседницей он меняет семантический объем и функции и обозначает женщину, старшую по возрасту; к выражению уважительности добавляется дружелюбная тональность неофициального общения: «...В машине сидел один человек — видно, потерял дорогу. Но когда он подошел, Халима узнала секретаря райкома, того молодого человека, который приезжал вместе с Люботуровым. « — Здравствуйте, *женге*,» — сказал он» (Габбасов. Засуха, 83).

Вокатив *женге* часто встречается в вариантах *женеше*, *женгетай*, *женештай*, при этом либо усиливается сема 'уважительность', либо на первый план выдвигается прагматическая функция: «Ораз подскочил к ней (жене чабана), стараясь заглянуть в глаза: — *Женешетай*, зачем же так сердиться! Да мы вам еще один загон поставим. Лучше этого! — уговаривал он» (Нурмагамбетов. Поле детства, 167).

Вокатив *келин* имеет следующую особенность: семантика ('невестка, сноха', 'выполняющая все хозяйственные работы', 'занимающая низшее положение в семейной иерархии') позволяет конкретизировать прагматическую функцию вокатива, заключающуюся в стремлении коммуниканта задеть достоинство собеседницы, указав на ее место в семье: «Айтолкын подняла руку, и две молодые женщины двинулись к Улпан, чтобы прикрыть ее занавесью от посторонних глаз, когда она будет идти к дому своего мужа. Улпан тоже подняла руку, останавливая их, и сказала: — Послушай, *келин*... Скажи им, чтобы убрали... Я не стану прятаться, когда иду в свой аул. «*Келин?*...» Для Айтолкын, первой женщины в ауле, такое обращение было похлеще удара плети... «(Мусрепов. Улпан — ее имя, 105).

В системе вокативов казахского языка особое место занимает лексема *отагасы*. Вокатив *отагасы* 'глава семьи', 'хозяин дома' не имеет однословного эквивалента в русской вокативной системе: его специфика в тесной связи указанных сем с семей 'уважительности', 'почтительности'. Вокатив *отагасы* может быть обращен как к отцу семейства, так и к старшему из братьев, в зависимости от того, кто фактически является главой семьи. Видимо, существование такого вокатива обуслов-

лено причиной экстралингвистического характера: женщина не имеет права называть мужа по имени, только иносказательно: глава семьи, отец Армана (сына) и т. д.⁸ Позже это обращение распространилось на старшего из мужчин дома, с таким вокативом к хозяину дома стали обращаться и посторонние люди: «Старик, ты, выходит, того Кажибая сын, которого, мир праху его, снегом завалило в горах? Шер кивнул. — *Отагасы*, — позвала его старуха в кимешеке. — Ну, что еще?» (Нарымбетов. Ущелье ржущего стригунка, 227); «Верхом на верблюдице сидела пожилая женщина, закутанная в тряпье, она и обратилась к Асрепу: — *Отагасы-ай...* Мы промокли, мы замерзли... Пустишь нас хоть в хлеву переночевать» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 115).

Своеобразен вокатив *коке*, который мог обозначать отца и старшего брата; в нем соединены семы 'почтительность' и 'ласковое отношение': «И я, твой сопливый братишка, уже стал стариком, но в моем сердце, *коке*, ты остался как неугасимый свет, и я помню твои уроки правды и любви к нашей земле, брат» (Бокеев. Когда уходят плеяды, 51).

Однако семы 'почтительность', 'ласковое отношение' исчезают, когда вокатив *коке* звучит в устах ребенка: «С улицы вбежал Кошыбек, меньшей сын. — *Коке!* Письмо! — Что? Какое письмо? — От Нурбике. Сейчас принесли» (Нурмагамбетов. Дочери старого Али, 55).

Термины родства могут выступать не только как самостоятельные вокативы, но и как гонорифические добавления к именам собственным. При этом выражается, во-первых, сема 'старший по возрасту', во-вторых, сема 'почтительность': «Важное дело? От Мусы? — чуть не вскрикнула Шарбан, густо покраснев от смущения и счастья. — Я слушаю вас, *Амре-ага!*» (Анов. Крылья песни, 200). Отметим, что подобное употребление — «имя собственное + гонорифический компонент» — может быть не только вокативом, но и прямой номинацией: «Я не хочу говорить о нашем *Мухтаре-ага*

⁸ См. аналогичное табу в речевом этикете других народов СССР: *Бгажнюков Б. Х.* Психология и техника коммуникативного поведения адыгов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1983. С. 62—64; *Пюрбеев Г. Ц.* Речевой этикет и язык жестов у монголов и калмыков // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1983. С. 119.

как о человеке прошлого. Буду говорить о нем как о живом» (Алимжанов. Человек без друга беден, 241).

Во вторую группу вокативов-казахизмов входят наименования лиц по различным признакам: по возрастным, по занимаемому положению, по основному занятию и т. д.

Бала. Данный вокатив встречается во многих произведениях С. Нарымбетова, Д. Досжанова, А. Алимжанова, Д. Снегина, А. Тарази, М. Симашко. Его употребление вызвано не столько стремлением авторов и переводчиков передать национальный колорит, сколько специфической семантикой этого казахизма. В зависимости от контекста он может означать: 'ребенок', 'младенец' (*бала емізу* — кормить грудью ребенка); 'сын' (*кіші баласы үйленді* — младший сын женился); 'мальчик' (*бір-екі бала доп ойнап жүр* — два-три мальчика играют в мяч). Интегральной, объединяющей все эти значения, является сема 'младший по возрасту', причем разница в возрасте должна быть очень существенной — не менее 20 лет. Когда лексема *бала* выполняет функцию вокатива, к указанной ядерной семе добавляется коннотативная сема 'доброжелательное отношение' и фоновая сема 'знакомый'.

Рассмотрим несколько примеров с вокативом *бала*: «Тугельбай окликнул его: — Эй, *бала*, вместо того, чтобы забавляться с пересмешниками, поехал бы ты со мной в горы» (Снегин. Утро и два шага в полдень, 188). В данной ситуации трудно подобрать подходящий русский вокатив. Это привело бы к утрате всех указанных сем. «Ну, что задумался, *бала*? — услышал он за спиной знакомый голос» (Досжанов. Лодочник, 123). В этой речевой ситуации, на первый взгляд, вокатив *бала* мог бы быть передан русским вокативом *парень*, однако при этом не ощущалась бы возрастная дистанция между собеседниками. При переводе словом *сын* дистанция общения между собеседниками стала бы более близкой, нежели в оригинале.

Одну из особенностей казахского языка мы усматриваем в том, что в качестве вокативов могут функционировать наименования лиц по профессии, по основному занятию, которые не являются принадлежностью какого-либо определенного стиля.

Обращение к собеседнику по профессии в русском

языке свидетельствует о грубовато-насмешливом отношении либо (в соединении со словом *товарищ*) об официальной общении между собеседниками. Сказанным объясняется сохранение в русском художественном тексте казахского вокатива: «Пойдемте, *мугалим*. Сходим на собрание. Абатай-учитель поднялся» (Майлин. Повести и рассказы, 363).

Сохранение других казахских вокативов данной группы объясняется стремлением передать национальный колорит, подчеркнуть, что коммуникация осуществляется по-казахски: «*Жолдастар!* В нашей газете принимает участие знаменитый Хаджи Мукан» (Анов. На литературных перекрестках, 109).

К третьей группе относятся эмоционально-оценочные вокативы, не называющие социальные или возрастные особенности партнера по беседе или какой-либо отличительный признак, а выражающие отношение коммуниканта к собеседнику. Наиболее популярны из них *айналайын*, *шырагым*, *калкажан*, *карагым*, переведенные с казахского *солнышко*, *лучик*, *верблюжонок*, *ягненок*: «Рахимжан, ты приехал, *айналайын!* Что так долго?» (Муханбеткалиев. Звездные ночи, 12); «Аманжан, давай-ка сюда твой чемодан, *айналайын!* Аман подтащил к дяде свой чемодан и стал расстегивать застёжки» (Момыш-улы. Лето в ауле, 98); «Турлыбек, *шырагым...* Выходит, решили — чтобы мы не отдельно селились, а непременно рядом с русскими крестьянами» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 206).

Ласкательные вокативы, будучи переведенными, все-таки ощущаются как чужеродные в ткани русского художественного произведения: «Саукентай ласкалась, словно дитя, обнимала, тыкалась губами в лоб и щеки. Она любила, она скучала. Катша поняла это сразу, и у нее отлегло на душе. — *Солнышко ты мое, солнышко...* Я тоже соскучилась по тебе» (Муратбеков. В гостях у свата, 10). В данном случае речевой контакт осуществляется между невесткой и свекровью, русский вокатив является семантической калькой казахского вокатива *шырагым*. Однако если обращение *шырагым* в речевом этикете казахов может быть употреблено по отношению ко взрослому человеку (невестке), то в русском речевом этикете вокатив *солнышко мое* применим только по отношению к ребенку, малышу.

Своеобразие казахского языка проявляется и в ласкательных вокативах-наименованиях детенышей животных: *ягненок мой, жеребенок мой*. Эти вокативы — переводы на русский язык, но внутренняя форма их ощущается читателями как специфически казахская. В русском языке тоже есть вокативы-наименования детенышей животных (*котенок, цыпленок* и др.), но репертуар их иной, не совпадает и направленность: в казахском языке они используются главным образом в обращении к детям: «*Ягненок мой... — она раньше, чем Шынар, прижала к себе младенца, завернутого в пеленку*» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 186); «*Приятно смотреть на ребенка, когда он слушается тебя. Ах, жеребенок ты мой!.. И она погладила шершавой ладонью по голове Бокена*» (Муратбеков. Дорога туда и обратно, 137).

Нельзя не упомянуть об особых (назовем их вокативными) формах имен собственных: *Мусеке* (от Муса), *Байеке* (от Байдалы), *Есеке* (от Есеней), с помощью которых выражается почтительность к собеседнику, вызванная разницей в служебном положении, и /или особым уважением к собеседнику, и /или популярностью в народе. Примечательно, что вокативные формы имен собственных применимы к собеседнику-сверстнику. Так, в следующей речевой ситуации собеседники являются одногодками: «*Здравствуй, Мырзеке! Добрый день, друзья!*» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 28). А вот пример диалога между разновозрастными коммуникантами: «*Стой! Я тебе говорю, шенок! — завопил старик Байдалы, запыхавшись... — Ему мало на конюшне других лошадей. Так нет, он взял именно того, на котором я езжу!... — Баке, то, что тебе не дают, приходится искать на дороге. Разве этого коня вам оставил ваш отец? Это колхозный конь, общий*» (Муратбеков. Дикая яблоня, 230). Когда желательно подчеркнуть свою почтительность к данному человеку, подобная форма имени собственного употребляется не только в функции вокатива: «*И не важно, что они думали про себя: он был их гостем, поэтому они улыбались и от мала до велика звали его уважительно «Кусеке». Только и слышалось: — А Кусеке прав!.. — Послушайте, послушайте! Кусеке говорит дело...»* (Муратбеков. Кусен-Кусеке, 79).

Онимы. Онимы-казахизмы (топонимы, антропонимы) в русском художественном тексте встречаются довольно часто, ибо место действия и действующие лица в художественном произведении обычно обрисовываются достаточно определенно. Однако нас интересуют не они вообще, а только те из них, внутренняя форма которых разъясняется или как-то обыгрывается в русском художественном тексте. Онимы казахского языка имеют довольно прозрачную мотивировку, в казахском тексте достаточно тонкого намека, чтобы читатель понял и почувствовал игру слов. Для русского же читателя внутреннюю форму онима приходится описывать и таким образом объяснять его употребление.

Развернутую мотивировку онимов, в основном топонимов, мы часто встречаем в произведениях Ч. Валиханова, А. Сейдимбекова: «Вдоль реки Шаган у подножья гряды Актасты имеется каменная насыпь, прозванная местными жителями *Калмак корган* — «Калмыкское укрепление» (Сейдимбеков. Поющие колокола, 70); «На восток от поперечного течения реки Аксу до Кучи Небесные горы образуют высокий кряж, покрытый вечными снегами и обширными ледниками, и потому носят название *Музартау* (ледяных гор)» (Валиханов. Т. 3, 98).

Метафорическое перенесение мотива имени собственного на лицо, им обозначенное, его характер и действия — частое явление для казахского языка, которое, естественно, отражается и в оригинальной русскоязычной прозе, и в переводах с казахского: «Не только лукав этот степной князек-разбойник, но еще и нагл. — Не даром имя ему дали такое паршивое — *Кенесары*, что означает «Желтый клещ». Посол улыбнулся. — Крепко прозвали. Глубоко влез он, треклятый, в человеческую шею. Опух от крови, хоть с мясом выдирай» (Кузнецов. Человек находит счастье, 21).

Встречается и обратный процесс — переименование лица в соответствии с его свойствами, качествами: «Ты много сделала! Я буду отныне звать тебя — моя *Акнар*... — У нас уже есть белая верблюдица, как только ветер с юга, надо за ней следить, чтобы не ушла... — Я и за тобой услужу... А скажи, что у казахов священнее, чем — *Акнар*?..» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 168). В данной речевой ситуации немаловажна пресуппозиция, связанная со словом *акнар*. *Акнар*, *аруана* — это

названия особо ценной породы верблюдов, с ними у казахов ассоциируются представления о преданности родной земле, чистоте, благополучии, удаче.

Анализ онимов-казахизмов, выявленных в русском художественном тексте, показывает, что в силу прозрачной мотивировки казахских имен становится возможной игра слов, в русском языке довольно редкая: «Мусреп-агай, вы говорите, мою будущую подругу, мою сестру зовут *Шынар*? — Женился бы я на ней, если бы звали иначе?» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 96). С именем *Шынар* (*шынар* — чинара) связано представление о женской красоте, стойкости, верности. См. также ситуацию, где подчеркивается несоответствие между ассоциацией, связанной с онимом, и реальными свойствами лица: «Кенже пригляделся к *Кабанбаю* и слегка улыбнулся. Родители словно в насмешку дали ему имя *Кабанбай* (*қабан* — кабан). Он был долговяз, худошав и, кажется, быстр, стремителен в движениях» (Алимжанов. Гонец, 347).

Анализ вокативов и онимов выявил следующее:

1. Наличие вокативов-казахизмов в русском художественном тексте обусловлено спецификой казахского речевого этикета, проявляющейся: а) в различии дифференциальных пресуппозиций речевых этикетов русского и казахского языков, б) в перенесении вокативов—терминов родства из сферы семейного общения в сферу несемейного, в) в употреблении эвфемизированных вокативов, вызванных наличием табу на отдельные наименования лиц, г) в особой внутренней форме эмоционально-оценочных вокативов, д) в присутствии особых звательных форм имен собственных.

2. Наличие толкуемых онимов объясняется прежде всего прозрачной внутренней формой большинства казахских топонимов и антропонимов. Это позволяет авторам обыгрывать внутреннюю форму номинации, подчеркивая сходство или различие между ассоциативным представлением, связанным с именем, и реальными свойствами, качествами названного лица.

3. В целом как вокативы, так и онимы передают национально-специфическую атмосферу, тончайшие смысловые оттенки, семантические нюансы, словом, пресуппозицию макротекста, без чего невозможно полное понимание художественного произведения.

3.3. Кальки с казахского и близкие к ним образования

Художественный перевод приобрел в нашей действительности огромное значение. Он содействует процессу культурного и духовного взаимообогащения народов нашей многонациональной Родины. Народы СССР удовлетворяют свои эстетические потребности не только художественными описаниями природы и людей родного края, но и произведениями, отражающими жизнь других народов. Этому способствуют переводы таких произведений на русский язык⁹.

Кальки. При анализе русских переводов казахской художественной прозы выделяется особая разновидность вкраплений — кальки с казахского. Встречаются они и в оригинальных русских текстах, отражающих историю и современность казахского народа.

Под калькированием понимается заимствование: а) словообразовательной структуры лексем (словообразовательные кальки), б) широкой сочетаемости лексем (семантические кальки), в) ограниченной сочетаемости лексем (фразеологические кальки-гнезда), г) индивидуальной сочетаемости лексем (индивидуальные фразеологические кальки)¹⁰.

Фразеологической калькой следует считать фразеосочетание (ФС) вторичного языка, воспроизводящее ФС первичного языка таким образом, что компоненты его испытывают тот же семантический сдвиг, какой испытали компоненты ФС оригинала — до степеней Д2 или К1¹¹.

Рассмотрим кальку *черная бумага* с казахского ФС *қара қағаз* (КТФС, 324), имеющего значение 'похоронка': «Он почти кричал, слезы выступили у него на гла-

⁹ См.: Кильметова З. М. Тюркская лексика в русских текстах о Башкирии: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1985. С. 91.

¹⁰ Копыленко М. М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский временник. 1973. № 34. С. 141: *Он же*. Типология казахских эквивалентов фразеосочетаниям русского языка // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1986. № 3. С. 8—15; См. также: Алтайбаева Д. Ю. Фразеологические кальки, абсолютные эквиваленты и индуцированные образования: (На материале русского литературного языка XVIII в. и современного казахского литературного языка): Дис. ...канд. филол. наук. Л., 1983.

¹¹ См. типологию семем, представленную в кн.: Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие по спецкурсу для филологов. Воронеж, 1972.

зах: — Вот она, видите, «*черная бумага*». Так что же вы хотите, чтоб мой отец так и лежал в чужой земле неотмщенный?» (Найманбаев. Дорога на Аккент, 305). *Черная бумага* в русском языке — свободное сочетание лексем, обозначающее бумагу цвета сажи и имеющее семантический статус Д1Д1. Но, встретив в определенном контексте ФС *черная бумага*, означающее 'похоронка', мы обнаруживаем в лексеме *черный* семему К1 'скорбный, горестный', а в лексеме *бумага* — семему Д2 'документ', т. е. те же семемы, которые реализуются в казахском ФС *қара қағаз*: под влиянием казахского языка в сочетающихся лексемах *черная* и *бумага* произошел семантический сдвиг до степеней К1 и Д2.

До сих пор вопросы калькирования и иноязычных вкраплений разрабатывались отдельно, нигде не пересекаясь. Все ли кальки являются вкраплениями? На этот вопрос следует ответить отрицательно: есть кальки, которые обогатили арсенал номинативных средств данного языка и утратили признаки иноязычности, например: *көбейткіш* — калька с русского *множитель*, *ғылыми мұра* — калька с русского *научное наследие*. Кальки в целом занимают промежуточное положение между исконными и заимствованными элементами языка, а образования указанного типа неотличимы от исконных образований. В большинстве это словообразовательные кальки, обозначающие предметы или понятия, которых никогда не было в жизни народа — носителя калькирующего языка.

Помимо этого, есть кальки, максимально удаленные от исконной лексики, хотя и выраженные элементами последней. Носители калькирующего языка ощущают, что *так* не говорят, *так* эти элементы между собой не сочетаются.

Отождествлять такие кальки с заимствованиями нельзя, потому что «строительный материал» — исконный, и вместе с тем они сохраняют общую атмосферу, дух иноязычности. Сколь долго мы бы ни употребляли выражения типа *черная бумага* или *зять-щенок*, всегда при их произнесении будет всплывать в сознании, что это сказано (написано) не по-русски, что это — «откуда-то».

Сказанное относится к семантическим и фразеологическим калькам, а также к калькам паремий, особенно

таких, которые не имеют хотя бы приблизительного формального соответствия, например: «Ты думаешь, *жеребенок мой*, человеческая жизнь длинная? — помолчав, ответил старик» (Сейсенбаев. Так ждал я это лето, 174) [«Адам өмірі ұзақ деймісін, құлыным?!» (Сағынтып жеткен жаз еді, 16)]; «Ты сам скоро убедишься, что он всего-навсего *быстрая ложка к готовой еде*» (Мекебаев. Суховой, 243) [«Дайын-асқа тік қасық екеніне көзің сонда жетер» (Аңызак, 15)]; «Может быть, в эту минуту Есений вспомнил народное присловье „*Жертвуй скотом ради спасения жизни, жертвуй жизнью ради спасения чести*“» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 12) [«Ие, „*малым — жаным садағасы, жаным — арым садағасы*“ дейтін елдің нақылын еске алсаң, лайықты жұмыс болмапты» (Ұлпан, 365)].

Такие слова, ФС и паремии, скалькированные с казахского языка, являются казахскими вкраплениями в тексте русских переводов. Вместо каждого из них можно было бы без ущерба для содержания употребить исконное слово, или ФС, или исконный эквивалент паремии, или ее описание. Так, при переводе выражения *жаны мұрынның ұшына келді (тақалды)* (ҚТТС. Т. 3, 620) можно было бы употребить независимую паремию *душа ушла в пятки*, а употребляется калька: «Май жоспары орындалмай, колхоз басшыларының *жандары мұрындарының үшінe тірелген кезде енді үш мезгіл сауылатын бопты*» (Соқпақбаев. Өлгендер қайтып келмейді, 166) [«Теперь же, не выполнив месячный план, перепуганный председатель, у которого, как говорится, *душа вылезла на кончик носа*, приказал доить их (коров) по три раза в день» (Мертвые не возвращаются, 154)].

В следующем примере переводчик мог бы привести близкую по смыслу русскую пословицу *Два медведя в одной берлоге не уживутся*, однако употребил кальку: «Ну и как закончилась эта дружба между потомками Хубилая и Хулагу? Той же непрерывной резней, сварами, войнами. *В одном котле невозможно варить головы сразу двух баранов*» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 11) [«Бірақ өздерінің арасы немен бітті? *Екі қошқардың басы бір қазанға сия ма?*» (Көшпенділер. 1-кіт., 9)]. Ср. с иным решением: «Товарищ Камсызов, — начал он [директор театра], прекрасно понимая его состояние. — Вы человек заслуженный и

должны меня понять — *два медведя в одной берлоге не уживутся...*» (Сейсенбаев. Ричард Тридцать Третий, 197) [«Сіз өмірдің ыстық-суығын көрген адамсыз, мені түсінесіз деп ойлаймын: *екі қошқардың басы қашан бір қазанға сыйған?*» (Ричард отыз үшінші, 167)].

Можно очень точно обозначить промежуток времени или расстояние, используя русские меры; однако мы встречаем в переводах такие выражения, как *длина (высота, расстояние) аркана (курука), длина (расстояние, полет) стрелы, расстояние кочевья, время одной (двух, между двумя) дойки (дойками) кобылиц, время, за которое можно вскипятить молоко* и др. Это делается для сохранения казахского национального колорита.

Вкрапления-кальки выполняют в художественном произведении важную стилистическую функцию. Они ощущаются как иноязычные, нерусские и тем самым создают определенный эмоциональный эффект. Н. Д. Иванов пишет: «...если в произведении отсутствует важнейший элемент, определяющий национальное своеобразие, — национальный язык, тем не менее само национальное начало может быть воплощено средствами другого языка...»¹².

В русском тексте истинно художественного произведения — будь то перевод казахской прозы или русскоязычный оригинал — национальный колорит не остается невыраженным, и вкрапления-кальки играют в этом не последнюю роль. Они способствуют передаче этнокультурного колорита, образного мышления, мироощущения и мировыражения казахского народа. В них отражается специфика косвенной номинации и метафоризации казахского языка. В отличие от непереводаемых вкраплений, таких, например, как «*Казахи говорят: — Жаксы эке жаман балага кырык жыл азык*» (Алимжанов. Человек без друга беден, 239) казахские вкрапления-кальки легко понятны читателю русского текста, обладают познавательной ценностью, таят в себе возможность воспроизводимости.

Приведем несколько примеров.

Заячье сердце — калька с казахского ФС *қоян жү-*

¹² Иванов Н. Д. Лексическая номинация в произведениях художественной литературы: (На примере казахской русскоязычной прозы): Дис. „канд. филол. наук. М., 1983. С. 135.

рек (КТФС, 352). Здесь произошел семантический сдвиг до степеней К1 и Д2: каз. *қоян*: Д1 'зверек из отряда грызунов', К1 'трусливый как заяц' — рус. *заячье*; каз. *жүрек*: Д1 'орган кровообращения', Д2 'символ переживаний, чувств, настроений человека' — рус. *сердце*.

В русском языке есть эквивалентное по смыслу ФС *заячья натура* (трусливая), но не оно, а калька употребляется в приводимом тексте: «Ха, чтоб я да боялся каждого встречного? У меня не *заячье сердце!* Нет уж!» (Муратбеков. Дикая яблоня, 227). Ср. в оригинале: «Кез келгеннен қорқа беретін *қоян жүрегіңіз* мен емес. ... (Жабайы алма, 65).

Использование кальки, на наш взгляд, вполне целесообразно. *Заячья натура* более уместно в авторской речи, когда со стороны, спокойно (хотя и неодобрительно) характеризуется кто-либо и все повествование развертывается в размеренном темпе. Употребление кальки *заячье сердце* создает необходимую экспрессию, передает напряженность ситуации, взволнованность персонажа; прямая речь здесь должна быть краткой, энергичной, запальчивой, и калька с казахского оказалась как нельзя более кстати.

Можно было бы перевести также исконным ФС *заячья душа*, но тем и интересно решение переводчика, что оно позволяет читателю воспринять одновременно и общность метафоризации, и специфические черты каждого из контактирующих языков.

Белый царь — это старое русское ФС. Как отмечает Т. А. Павлюченкова, оно является «общефольклорным, традиционным для языка былин, лирических песен и частушек. Символическое значение — 'русский', 'христианский', 'православный'. Прилагательное *белый* не имеет здесь цветового значения: «Да просил-то ведь наш *царь* тебя *белый*, Да просил-то он в Азове торговати, Как русийских товаров продавати. А как ваших заморских покупати» (Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. 4-е изд. М.; Л., 1949—1951. Т. 1. С. 342); «А видела старуха да стара-матера, Как слетелись-де нынче два ворона, А один-то-де ворон да *царя белого*, А другой-то-де ворон да *царя черного*, Они бьются-дерутся, пуще ратятся, ни который другого победить не могут нынь» (Ончуков Н. Ч. Печорские бы-

лины. Спб., 1904. С. 36)»¹³. Ср. в словаре В. И. Даля: «Народ называет белым: веру свою, *царя* и отечество»¹⁴; «Государь, батюшка, надежда, православный, *белый царь*»¹⁵.

Возможно, что в XVII—XVIII вв. в казахском языке появилась калька с этого ФС. См. в словаре М. А. Машанова: государь — падса, патса, улу патса, *ак патса*¹⁶. При этом имела место актуализация диспозиционной семы казахского прилагательного *ак* 'справедливый, добрый'.

Возможно, однако, что *ак патша* — независимое тождественное образование (НТО)¹⁷ в казахском языке. Ср.: «*Белый царь* — название московского царя в обращении к нему восточных народов (перевод тюркского «ак» в значении «западный»)»¹⁸.

Таким образом, в переводных текстах XX в. *белый царь* — либо первичная калька с НТО *ак патша*, либо вторичная калька с *ак патша*, скалькированного ранее с русского *белый царь*. Но во всяком случае — именно калька с *ак патша*, ибо *белый царь* для обозначения русского царя в произведениях об историческом прошлом казахского народа — это совсем не былинный *белый царь*. Здесь совершенно отсутствует сема 'добрый, справедливый', наоборот, большинство текстовых единиц, содержащих это ФС, повествует о жестокости. Например: «Ты спрашиваешь, как я буду править своей страной. Да так же, как *белый царь*, — при помощи палки для непокорных» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 3, 193) [«<...>Россия патшасы бізді қалай билемек болды? Зеңбіректің оғыменен, жалаңаш қылыштың жүзімен емес пе? <...>» (Көшпенділер. 3-кіт., 256)]; «*Белый царь* собирается, кажется, без конца взбалтывать похлебку в доме казаха и мутить воду в его озерах» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 412) [«Жарықтық ак

¹³ Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1984. С. 239—241.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / Под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1903. Т. 1. С. 375.

¹⁵ Там же. М., 1909. Т. IV. С. 1251.

¹⁶ Машанов М. А. Русско-киргизский словарь. Оренбург, 1899. С. 90.

¹⁷ См.: Копыленко М. М. Типология казахских эквивалентов...; см. также: Алтайбаева Д. Ю. Указ. соч.

¹⁸ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 138.

патса-ай шайқай бердің-ау шалабымызды» (Ұлпан, 533)]; «Какой-то человек написал письмо *белому царю*, и тот отдал ему все пастбища и луга, а тех, кто пас коней, угнал на лысые такыры, в желтую степь, со скудной жесткой травой» (Бокеев. Кербугу — Серый олень, 37) [«*Ақ патшаның* атына арыз жазып, бар жайылымды кесіп алды да, жылқы баққан жарандарды ку такыр сарғайған сары далаға қуды» (Кербұғы, 320)].

Зять-щенок. В казахском языке есть ФС *күшік-күйеу* (КТФС, 295). Так говорят о человеке, живущем в доме родителей жены или на ее родине — выражение насмешливое и в какой-то мере даже оскорбительное: «*Күшік-күйеу*» деген қорлау құлағына шегеленіп қалғандай шың-шың етіп тұрып алды» (Мүсірепов. Ұлпан, 570).

В переводах, а также и в оригинальных произведениях) появляется калька *зять-щенок*: «<...> Вместо того чтобы зятя заставить переехать к себе в качестве приемного „зятя-шенка“ <...>» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 216); «Но случился джут, он остался совсем без скота и тоже переехал жить сюда, к отцу, стал приемным „затем-щенком“, как говорят казахи» (Симашко. Колокол, 132).

У лексем *күшік* и *щенок* семемы Д1 совпадают: 'детеныш собаки'. Семемы же К1 различны, хотя одинаковы по эмоционально-экспрессивной окраске: К1 *күшік* — 'презираемый', 'примак', К1 *щенок* — 'мальчишка', 'молокосос'. Лексема *күйеу* реализует семему Д2 'отношение свойства, наименование мужа родственниками жены'.

Таким образом, *күшік күйеу* имеет семантический статус К1Д2. Под влиянием казахского ФС в лексеме *щенок* в сочетании *зять-щенок* происходит такой же семантический сдвиг — от Д1 'детеныш собаки' до степени К1 'примак', а при переводе лексемы *күйеу* переводят семему Д2 ('зять').

Интересно, что выражение *күшік-күйеу*, употребляемое с целью оскорбить, унижить кого-либо, развилось из словосочетания, такой коннотации не имевшего: «Свадебные торжества проходили в аулах сибанов и в аулах уаков, а когда они кончились, Торсан поселился в доме Есенея. *Күш-күйеу* — зять, принятый в дом, от слова *күш* — сила, без которой нет семьи» (Мусре-

пов. Улпан — ее имя, 452). [«Уақ пен Сибанның екі жақты тойлары өтісімен Торсан Есенейдің үйіне *күш-күйеу* болып кіріп алып еді» (Ұлпан, 568)].

Из *күш-күйеу* и возникло *күшік-күйеу*: «Торсан не мог не обратить внимания — они нарочно проглатывали это слово «*күш-күйеу*», а когда оно произносится слитно, то получается *күшук* — зятек-щенок, зятек-приемыш...» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 453) [«Торсан енді абайласа *күш-күйеу* деген екі сөздің астасар тұсын әдейі нұқып қалып *күшік-күйеу* деп тұр екен» (Ұлпан, 570)].

Вкрапления-кальки могут вводиться в текст перевода с пояснениями и без пояснений. Иногда рядом с калькой употребляется русский синоним: «Всю ночь проворочался он в жесткой своей постели, а утром, поживив в карман сложенную вчетверо «*черную бумагу*», *похоронку*, пришедшую на отца, пошел в военкомат» (Найманбаев. Дорога на Аккент, 304). В других случаях смысл этого выражения поясняется контекстом: «Мальчик еще не знал, что на его старшего соперника уже пришла «*черная бумага*», *сообщавшая о том, что он пал смертью храбрых* в чашах Белоруссии <...>» (Сейсенбаев. Так ждал я это лето, 185).

Пояснения посредством синонимов или контекста характерны преимущественно для авторской речи. В речи персонажей и в несобственно-прямой речи вкрапления-кальки даются обычно без пояснения, но смысл их раскрывается благодаря «наведению» окказиональной семы: «А вот сказала все-таки не то, о чем думала: — До тех пор, пока не принесут мне *черную бумагу*, буду ждать Нуржана. <...>» (Нуржекеев. Виновата любовь, 292); «Ведь и пришел когда? После того, как Маруан получила *черную бумагу*. Ну и пусть живут на свое счастье, живут-поживают, коротая время...» Найманбаев. Та самая ночь, 9). В приведенных примерах прослеживается окказиональная сема 'не оставляющая надежды'; «<...> Нет, нет, я ни за что не поверю „*черной бумаге*“ <...>» (Сундетов. Лодка без весел, 75) — окказиональная сема 'нечто ужасное, страшное'; «Ой-пыр-ай да это же Балым... Сын Балым! Но была же *черная бумага*? Да, да... Аскар. Он... Худой, улыбается...» (Там же, 252) — окказиональная сема 'официальное, чему следует верить'.

Нередко вообще отсутствуют какие-либо пояснения: имеется в виду, что читатель усвоит значение фразеосочетания, исходя из общей темы повествования о войне: «Голубчик, — устало сказал старик. — У меня у самого сын твоих лет был. Тоже добился отправки на фронт, сам к военкому ходил, сам и разрешение выпросил. Попрощаться с нами даже не успел — так его быстро отправили. И вот уж год, как „черная бумага“ пришла на него...» (Найманбеу. Дорога на Аккент, 316).

Анализируемое ФС часто встречается в переводах при отсутствии его прототипа в оригинале: «Мы теряли голову и не знали, что и подумать. Если погиб, где „черная бумага“?» (Сокпакбаев. Мертвые не возвращаются, 28). Смысл выражения ясен из контекста — наводятся интегральная и дифференциальная семы: 'документ, извещающий о гибели на фронте'.

Бывает и так, что в оригинале имеется исходное ФС, а в данном месте перевода кальки нет — очевидно, для того чтобы текст перевода не оказался перегруженным калькированными фразеосочетаниями, чтобы они были представлены в разумной и достаточной мере: «Сол күні жұрттын: — Жаратқан-ай, ең болмаса ертең «қара қағаз» келмесе екен, — деп тілегені әлі есімде. Ол күні «қара қағаз» келген жоқ, бірақ той да болмады» (Мекебаев. Жадира, 313). В переводе же дается не калька с казахского ФС, а русский универб. «Я хорошо помню, как народ желал, чтобы ни одна похоронка не пришла в тот день к нам в аул. Похоронка не пришла. Но и тоя не было» (Лебединая печаль, 17).

А. Я. Рожанский отмечал, что идиома-калька входит в другой язык с нелепым идиоматическим значением¹⁹. Вследствие этого вкрапление-калька может создавать комический эффект: «Что дома киснете, орлы? Пойдемте лучше со мной за грибами. Кульзипа нам такой суп сварит, таких *ягнячьих хвостов* нажарит, что пальчики оближете. — Что такое *ягнячьи хвосты*? — простодушно спросил Аман. — *Ягнячьи хвосты, глухое ухо* — все это казахские названия грибов, — рассмеялась Уззипа» (Момыш-улы. Лето в ауле, 106). *Ягнячий хвост* (К1К1) — калька с казахского *қозықұйрұқ* (шампиньон), а *глухое ухо* (К1К1) — калька с казахского *саңырауқұлақ* (гриб).

¹⁹ Рожанский А. Я. Идиомы и их перевод // Иностранные языки в школе. 1948. № 3. С. 28.

Распространены в переводах и кальки сравнений. «В устойчивых сравнениях одного языка часто фиксируются детали действительности, ускользающие от языкового восприятия другого»²⁰. Казахские сравнения отражают национальную культуру, и их калькирование способствует своеобразной передаче национального колорита. «Анализ перевода сравнений подтверждает неоднократно высказанную в литературе мысль о том, что сравнения, как ни один троп, поддаются калькированию <...>»²¹.

В переводах встречаются кальки как компаративных фразеосочетаний, так и индивидуально-образных сравнений²². Примеры компаративных калек первого типа:

Мұрнын тескен тайлақтай: «После этого он (любой подданный) становится покорным, точно годовалый верблюжонок, которому пробили ноздрю, чтобы было сподручней вести его на поводу...» (Кекильбаев. Конец легенды, 260);

айналшық жегендей: «Словно верблюд, съевший траву, от которой начинается вертячка, кружил он [Асанали] на одном месте весь во власти привычных забот» (Досжанов. Раскрытая ладонь, 57);

егіз қозыдай: «Двое юношей, похожих друг на друга, как ягнята-близнецы, побежали в разные стороны с холма» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 3, 24) — здесь неверно передано основание сравнения: *егіз қозыдай* в казахском языке означает 'дружные, неразлучные'; актуализировавшаяся в сознании переводчика диспозициональная сема лексемы *близнецы* 'похожий' повредила делу.

Индивидуально-образные сравнения обладают национальной спецификой в наименьшей степени, ибо главным фактором их возникновения является творческое воображение авторов²³.

Приведем примеры компаративных калек этого типа: «Жена Мажибая, тетушка Умитжан, была приветливая

²⁰ Огольцов В. Н. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Л., 1974. С. 30.

²¹ Лавыш Т. А. Национально-исторический колорит в тексте перевода // Романское и германское языкознание. Минск, 1984. Вып. 44. С. 74.

²² Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: (фразеосочетания в системе языка). Воронеж, 1989. С. 102—122.

²³ Копыленко М. М., Попова З. Д. Указ. соч.

женщина, *мягкая нравом, словно топленое молоко*» (Бокеев. Когда уходят плеяды, 99—100); «В прорехе разодранного платья темнела нога, *гладкая и округлая, как скалка*» (Магауин. Смуглянка, 325); «...С гор дул пронзительный ветер, он *кинжалом полосовал лица людей, собравшихся на переполненном, гудящем, как улей, перроне алма-атинского вокзала*» (Найманбаев. Дорога на Аккент, 276).

В исследовании, посвященном проблемам нормы в переводе, прозвучало предостережение: «Здесь особенно нужно избегать калькирования, так как система компаративов нарочито национальна и при переводе может возникнуть броское, необычное сравнение вместо стереотипного, каким данный фразеологизм является в исходном языке <...>»²⁴. Это значит, что в переводах на русский язык казахских художественных произведений не должны нарушаться нормы русского языка. Однако броское, необычное сравнение в переводе — это вовсе не недостаток в том случае, если оно (т. е. калька с компаративного ФС оригинала) помогает передать национальный колорит, показать своеобразие образного мышления народа.

В переводах нередки кальки казахских паремий. Дело в том, что язык переводов вносит более строгий по сравнению с языком оригинальных произведений характер, и точно так же, как герой английского романа не может щеголять фразеологизмами типа «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*»²⁵, так персонаж-казах не может употреблять русские аналоги казахских образных выражений, содержащие специфические русские реалии. Поэтому предпочтительнее калькирование казахской пословицы или поговорки.

Кроме того, выполняется художественная задача — воссоздание национального колорита посредством русских языковых элементов, ибо пословицы и поговорки «выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной»²⁶.

²⁴ Окладникова А. В. О соотношении системы, нормы и узуса в художественном переводе: (К постановке проблемы) // Иностранная филология. Алма-Ата, 1976. Вып. 8. С. 42.

²⁵ Окладникова А. В. Исследование в области языка переводов: (проблемы нормы и узуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 15.

²⁶ Горький М. Литературно-критические статьи. М., 1937. С. 346.

Иногда трудно определить, является ли та или иная паремия-вкрапление исконно казахской или это давняя калька с русской паремии. Так, в переводах встречается калька казахской (как следует из сборников казахских пословиц и поговорок²⁷) паремии «*Қарға қарғаның көзін шоқымас*»: «Наш народ тоже говорит: *ворон ворону глаз не клюет*, — улыбнулся он [Абай]» (Ауэзов. Путь Абая. I, 440) [«Абай Михайловтың ойына өзінің ұғына бастағандығын сездіріп, қазақтың да мәтелін айтты. — Біздің халықта «*қарға — қарғаның көзін шоқымайды*» деуші еді, — деді» (Абай жолы, I-кіт., 195)]; «Иса Буга грозно нахмурил брови, и словоохотливый гонец немедленно прикрыл рот. Он понял, что допустил оплошность, и подумал, что «*ворон ворону глаз не выклюет*» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 130) — но, вероятно, это русская пословица, давно скалькированная казахским языком и теперь уже воспринимаемая как исконная. Она приведена в списке русских пословиц в одной из дореволюционных казахских газет: *Қарға қарғанын козун шукумас*²⁸.

Обычно в кальках паремий сохраняются следующие их особенности: количество синтагм, лексический и синтаксический параллелизм, ритмико-интонационный рисунок. Например:

көз қорқақ қол батыр: «Глаз боязлив, руки смелы, так всегда говорили предки» (Алимжанов, Гонец, 313);

жақсы сөз — жарым ырыс: «<...> коли ты такой умный, должен помнить пословицу: «*Доброе слово — половина счастья*» <...>» (Ауэзов. Путь Абая. I, 543);

сыыр сипағанды білмейді, жаман сыйлағанды білмейді: «<...> Как говорится: «*Корова ласку не понимает, глупый уважения не ценит...*» <...>» (Сундетов. Лодка без весел, 234);

өлгені тірілді, өшкені жанды: «Особенно радовался этому событию бедный Санжеке, все приговаривал: «*Мертвое воскресло, потухшее загорелось!*» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 103).

Вопрос о точности передачи паремий непосредственно связан с художественной задачей, решаемой в каждом конкретном случае. Например, в устах почтенных

²⁷ См.: Қазақтың мақалдары мен мәтелдері. Алматы, 1959. 250-б. Қазақтың мақал-мәтелі. Алматы, 1980. 324-б.

²⁸ Туркестан уалаяты, 1875. № 2.

аксакалов, которым свойственно высоко ценимое в степи красноречие, точная калька паремии, передающая и синтаксический параллелизм конструкции, и параллелизм лексического наполнения, звучит убедительно, весомо: «Один из аксакалов заговорил пословицей: — *Нет коня с целыми копытами, нет сокола с целыми крыльями*» (Сокпакбаев. Где ты, Гаухар?, 157) [«Шалдың бірі мақалдап сөз бастады: — *Тұяғы бүтін тұлпар жоқ, қанаты бүтін сұңқар жоқ* деген...» (Қайдасың Гаухар?, 328)]. И мы явственно представляем себе, с каким достоинством это произносилось и с каким вниманием слушалось.

Точность передачи необходима и в следующем примере: «Недаром они [беки и бии, хаджи и муллы] неизменно начинали свои увещевания с давно известных пустых пословиц: «*Нет тулпара с целыми копытами, Нет сокола с целыми крыльями*» <...>» (Ауэзов. Путь Абая. II, 427) [«Онда бос мақалдап, сөз қосарлап, «*Тұяғы бүтін тұлпар жоқ, Қияғы бүтін сұңқар жоқ*» деп бір кетеді» (Абай..., 220)].

Переводчик не мог не сохранить пословицу в точном виде, поскольку ему необходимо было передать резко отрицательные образы степных воротил, беззастенчиво грабящих и обманывающих народ, показать, как лицемерно они прикрывают значительностью пословиц и поговорок свои темные дела. Читатель может легко представить себе, какой богатый запас афоризмов имеется у таких людей и как они жонглируют ими, приспособлявая любое изречение для своих целей. Точная передача паремий позволяет представить, как они произносились такими людьми — нараспев, торжественно, со значением, придавая им солидность, вес, авторитет, в то время как контекст разоблачает их пустоту, мелочность, изменность. Таким образом, точное калькирование способствует созданию стилистического эффекта — именно такой характеристики, именно такого эмоционального отношения к персонажам, каких добивался автор. Такого эффекта не было бы, если бы точность передачи паремий не была соблюдена.

А в диалоге, максимально приближенном к живой разговорной речи, допустима неточная передача: «Кто пожалеет нас, если мы друг друга жалеть не будем? *Найди тулпара, у которого все копыта целы*» (Магауин.

Смуглянка, 317) [«Өзімізге өзіміз сүйеніш болмасак, бізге кімнің жаны ашиды? «Тұяғы бүтін тұлпар жоқ» деген» (Қара қыз, 104)].

Форма, в которой здесь воспроизведена казахская поговорка, как нельзя лучше подходит к описываемой ситуации — супруги готовы поссориться, и один из них пытается эту ссору предотвратить. Было бы странно, если бы персонаж в данном случае заговорил торжественно и размеренно: «Нет тулпара с целыми копытами, нет сокола с целыми крыльями». Ведь в оригинале звучит только первая часть поговорки, но даже и она, переданная точно, звучала бы диссонансом в этом отрывке. А несколько измененная, она приобретает оттенок увещевания, уступки, что, очевидно, соответствует авторскому замыслу.

Для выявления фразеологических, семантических калек есть специальные критерии: семантический сдвиг в сочетающихся лексемах, появление нового значения под влиянием иноязычного эквивалента. При выявлении паремнологических калек такого инструмента анализа нет. Как, в самом деле, определить кальку паремии? Ведь в переводе все — перевод.

Это дает основание для суждений следующего рода: «...поговорки суть эквиваленты предложений, а не слов. Обосновано ли говорить о калькировании предложений? Предложения переводятся. Если «Лучше поздно, чем никогда» — полная калька английской поговорки «Better late than never», то и фраза «Вы можете курить здесь» — калька с «You may smoke here». Следуя этой логике, приходится признать, что любое переведенное предложение, смысл слов и синтаксический рисунок которого совпадают со значением слов и строем фразы оригинала, — это калька. Целесообразно ли так расширять смысл устоявшегося лексикологического термина? К тому же большинство поговорок, воссоздаваемых по образу и подобию оригинальных, претерпевают некоторые изменения, подлаживаясь под поговорочные образцы языка перевода (ритм, рифма, традиционные зачины и т. п.)»²⁹.

Как можно возразить автору? «Лучше поздно, чем никогда» и «Вы можете курить здесь» и в самом деле

²⁹ Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978. С. 104.

кальки, полностью соответствующие приведенному ранее определению. Но первая из них «принятая» калька, давно усвоенная русским языком, а вторая — «не принятая»; иноязычность этого выражения явственно ощущается, по-русски говорят обычно не «Вы можете курить здесь», а «Курите здесь» или «Здесь можно курить»³⁰. Вместе с тем существуют приемы обнаружения паремий в великом разнообразии калькированных предложений. Они опираются на признаки, отличающие паремии как воспроизводимые фразы особого рода от других предложений языка (также воспроизводимых)³¹.

Калькируются фигуральные наименования, придавая повествованию торжественный ориентальный тон: «Свинцовую тишину нарушил Кызай: — Достопочтенный Байжигит — да пусть земля будет ему шелком — *господин и владыка кюев* Баже был учеником Рыжего Нияза» (Магаун. Кёкбалак, 10—11 [«Топырағы торка болғыр Байжігіт жарықтық — күй иесі Бәженнің өзі жасында Сары Нияз деген төреден сабақ алған» (Көкбалак, 166)]]; «Что сказал ему тогда старый мудрый везир Сарыгыт-Шиман из рода мангыт? «Супруга повелителя — хана Абулхаира, *подобного морю радости и солнцу добродетели*, сама по себе правнучка великого и незабвенного Тимура, а также дочь ученого Улугбека, и она должна быть вне всяких подозрений!» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 35) [«Бірақ Сарғыт-Шиман Манғыт уәзір: «*Қуаныштың теңізі, адамгершіліктің күні*, Фаридундай қасиетті Әбілқайыр ханның әйелі, Ақсақ Темір немересі, Ұлықбек мырзаның қызы Рабиу-Сұлтан-Бегім ханым өсек-аяннан тыс тұруы фатика. <...>» (Көшпенділер. 1, кіт. 47)].

Калькируются также онимы и различные речевые формулы (приветствия, прощания, благопожелания, одобрения, заклинания, проклятия, брань и под.)³².

³⁰ Алтайбаева Д. Ю. Два рода калек французского происхождения в русском литературном языке второй половины XVIII в. // Иностранная филология. Алма-Ата, 1974. Вып. 3; Она же. Виды фразеологических калек // Связь теории языка с практикой преподавания в школе и в вузе. Алма-Ата, 1982.

³¹ См.: Гапаров С. Синтаксический строй киргизских пословиц и поговорок: Дис. ...канд. филол. наук. Фрунзе, 1983; Наймушина Т. А. Пословицы и поговорки в художественном тексте: Дис. ...канд. филол. наук. Л., 1984.

³² См. п. 3.2, 3.4.

Разнообразные отклонения от прототипов паремий Я₁ при их вхождении в Я₂, разумеется, имеют место. Речь пойдет о неточных кальках, образованиях, близких к калькированным.

Образования, близкие к калькам. Калькирование может быть неточным. Результаты неточного калькирования — не однородная группа выражений, а разнообразные типы близких к калькам образований (БКО).

Речь идет по сути о «вольных» переводах, но уточним при этом, что наши вольные переводы близки к калькам.

Вольный перевод определяется как передача содержания текста и его образно-стилистических особенностей без внимания к форме³³. Однако нельзя считать вольным переводом такие отклонения от оригинала, как:

а) изменение порядка слов: *қазан құлағы ұстады* (КТФС, V, 502) — «Сейчас едят мясо, масло и хлеб, наверное, только Нурали да его бухгалтер Жунус. Они, как говорится, *«держат казан за уши»* (Сокпакбаев. Мертвые не возвращаются, 125);

б) замену риторического вопроса повествовательным предложением: *Екі қошқардың басы бір қазанға сия ма?*» (Есенберлин. Көшпенділер. 1-кіт., 9). [*« В одном котле невозможно варить головы сразу двух баранов»* (Кочевники. Кн. 1,11)] или, напротив, употребление вместо повествовательной формы оригинальной паремии риторического вопроса: *«Бірақ, таң атпаймын десе де күн қалмайды»* дегендей, бітпей жатқан тіршілік бұл адамды үйде тыныш отырғызып қойған ба?» (Исабеков, Бейтаныстар, 243) [*«Вряд ли кто по своей воле захочет оказаться в пути в такое ненастье. Но, как говорится, разве солнце оставит в покое зарю пока она не взойдет? Разве нескончаемые заботы оставят когда-нибудь человека?»* (Незнакомые люди, 351)];

в) несовпадение грамматических

³³ Михайлов М. М. О переводе вообще и художественном в частности // Художественный перевод в обучении иностранным языкам: Межвузовский сборник. Чебоксары, 1985. С. 113. См. также: Резин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.

форм: «Қазақ мұндайда: «*Kesip alsa*, қан шықпайды», — дейді» (Мағауин. Өмір жыры, 58) [«А сердце... Нет у нее сердца. Про таких казахи говорят: — *Изрежь на куски* — капли крови на вытечет» (Бейт о любви, 392)].

Такие изменения мы, разделяя мнение Д. Ю. Алтайбаевой³⁴, не считаем критерием точности или неточности калек.

Неточными кальками являются так называемые индуцированные образования (ИО) — новые фразеосочетания, появляющиеся в Я₂ под воздействием Я₁, которые выражаются не в заимствовании сочетаемости лексем, а в создании новых единиц языка³⁵.

Возникновение ИО обычно обусловлено стремлением получить слово или сочетание лексем, эквивалентное по смыслу тому или иному слову или ФС Я₁, не нарушающее, однако, структурно-семантическую ткань Я₂³⁶.

Обратимся к примерам. В переводах встречается соответствие казахскому ФС *күшік ата* (КТТС. V, 392) 'тесть, живущий в доме или ауле зятя' — *дворняга-тесть*. Здесь *ата* (Д1 — 'родной отец') выступает в значении 'отец супруга (супруги)', т. е. реализуется семема Д2, которая переводится на русский язык как *тесть*. Семантический статус ФС — К1Д2 (К1 — то же, что и в *күшік-күйеу*).

Если бы *күшік ата* было переведено *тесть-щенок*, то перед нами была бы точная фразеологическая калька (лексема *щенок* испытала бы при этом такой же семантический сдвиг до степени К1 'принятый, неуважаемый', что и лексема *күшік* в сочетании *күшік ата*). Но яркость семы 'молодой' в лексеме *щенок*, видимо, мешает сочетаемости данной лексемы с лексемой *тесть*, содержащей диспозициональную сему 'в возрасте'. Возникает перевод *күшік ата* как *дворняга-тесть*, который мож-

³⁴ Алтайбаева А. Ю. Фразеологические кальки... С. 41.

³⁵ Там же.

³⁶ Копыленко М. М. Типология казахских эквивалентов... С. 13. В этом труде ИО подразделяются на ИО₁ и ИО₂. К ИО₁ относятся кальки и полукальки с казахского, а также независимые тождественные образования, используемые в роли эквивалентов близких по смыслу казахских ФС. ИО₂ — это ФС, своеобразные по формальной и / или семантической структуре, но тем не менее зависимые от казахских ФС, специально созданные в связи с необходимостью обозначить новые явления. Все наши примеры относятся к ИО₂.

но расценить как неудачную кальку, ИО: «<...> Вместо того, чтобы зятя заставить переехать к себе в качестве приемного „зятя-щенка“, я сам еду к нему как принятая из милости бездомная „дворняга-тесть“ «<...>» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 1, 216) [«<...> Дешті Қыпшақты билеген Бұрындық Мұхамед-Темір сұлтанды күшік-күйеу етіп өз ордасына кіргізудің орнына, ата жау Әбілқайырдың ордасына өзі күшік ата болып кірмек» (Көшпенділер. 1- кіт., 302)].

Прокопченный холостяк. ФС сұр бойдақ (КТФС, 477) в казахском языке обозначает долго не женившегося человека. Рассмотрим компоненты данного ФС. Лексема *бойдақ* выступает в статусе Д1 'неженатый', в русском языке ей соответствует лексема с той же семой Д1 — 'холостяк'.

Лексема *сұр* (Д1 — 'разрезанное на мелкие куски и просоленное для долгого хранения мясо') в сочетании *сұр бойдақ* имеет статус К1 'не изменяющееся в течение долгого времени'.

Можно было бы ожидать появления кальки *вяленый (проявленный) холостяк* с тем же сдвигом до К1 'не изменяющееся в лексеме вяленый: *сұр* — вяленый (КРС, 321), или хотя бы *соленый (просоленный) холостяк*. Но эти сочетания «не звучат», не вызывают никакого образа. Видимо, поэтому на основе интегральных сем 'приготовленное в пищу', 'приготовленное особым способом' переводчик выбрал определение *прокопченный*, у которого в составе ФС подразумевается тот же семантический сдвиг до К1.

Прокопченный вызывает ассоциации, более подходящие к определяемому *холостяк*, чем *соленый* и *вяленый*. *Просоленный* связывается с представлением о мужественных людях, выполняющих трудную (физическую) работу, борющихся со стихией, ловящих рыбу, бороздящих моря и океаны. Это несколько романтическое представление трудно увязать с типичным образом холостяка, а *вяленый (проявленный)* для характеристики человека, кажется, не подходит вообще.

Что же касается лексемы *прокопченный*, то она содержит ряд периферийных сем, которые могут актуализироваться в соседстве с лексемой *холостяк*: 'неухоженный, без должного ухода и внимания (как закопченная посуда у нерадивой хозяйки), 'обкуренный, пропахший

дымом табака' (если бы был женат, был бы более или менее опрятен, одежда была бы свежей, не столь пропахшей табаком), 'пропахший дымом костров' (проводит много времени в степи, лесу, тундре и т. д., т. е. вне дома, поскольку семьи нет), 'неаккуратный, небритый, мрачный' и т. п. И еще *прокопченный* может вызывать представление о ком-либо, закосневшем в своих привычках, что с лексемой холостяк вполне сочетается.

Видимо, именно такие соображения владела переводчиком, когда он ввел в текст перевода ИО *прокопченный холостяк*: «Так вот Бектемир — самый старший из братьев, но, несмотря на то, что ему недавно перевалило за сорок, он до сих пор не женат, про таких говорят *прокопченный холостяк*». (Нарымбетов. Боль моя, Атлантида, 33). [«<...> қазір қырыққа келіп қалған Бектемір, әлі күнге сұр бойдақ, үйлене алмай-ақ қалды». (Ассалаумағаләйкум, Атлантида, 44)].

Обратимся к другой разновидности БКО. Выражение *тасы өрге домалады* (КТФС, 497) обозначает наиболее благоприятный период в жизни человека, когда ему удаются все дела и он пользуется большим авторитетом, известен. Калька *его камень покатился в гору* непонятна русскому читателю, поэтому переводчик прибегает к описательному выражению.

Описания передают значение, не сохраняя идиоматичности исконных ФС. Это своеобразная «дефразеологизация». Описания неоднородны. Так, в приведенном примере значение ФС передается другими словами: «<...> Есінде ме, баяғы біздің *тасымыз өрге домалап* <...> тұрғанымызда <...>» (Нұрпейісов. Қан мен тер, 699) [«<...> Помнишь, еще когда мы были в силе <...>» (Кровь и пот, 630)] (вместо: *когда наш камень катился в гору*).

В другом случае переводом того же ФС является иное описание-толкование казахского выражения: «Адамның *тасы өрге домалап тұрған* кезде, қандай қиын істің болса да қиыны келе қалады» (Есенберлин, Көшпенділер. 1-кіт., 306) [«Когда везет человеку, брошенный им *камень катится в гору*» (Кочевники. Кн. 1, 218)].

Иногда описание-толкование появляется из опасения, что калька будет непонятна читателю. Так, калька с паремии «*Әзілің жарасса, атаңмен ойна*» — если шут-

ка (твоя) подходит (соответствует), с отцом шути (в сборниках казахских пословиц и поговорок: «Если шутка уместна, и с отцом шути») вызвала бы вопросы: почему именно с отцом шути? Что здесь актуализируется в лексеме *отец*? Этих неясностей позволяет избежать описание-толкование: «Оның үстіне «әзілің жарасса, атаңмен де ойна» деген дәстүр бар» (Есенберлин. Алтын құс, 335) [«И если шутка уместна, то, по обычаю, она (казашка) может ответить тем же даже человеку, который намного старше ее» (Золотая птица, 66)].

Конечно, таким образом не передается типично пословичная структура, теряется выразительность, но зато достаточно полно передается мысль автора, который употребил в оригинале эту поговорку, воспользовавшись ею для придания убедительности своему повествованию.

В описаниях-толкованиях содержатся соответствия исходных лексем, ибо именно они поясняются, толкуются. Такова специфика этой разновидности описаний.

Иногда описание вместо кальки казахского ФС дается как подкрепление русского ФС, эквивалентного казахскому: «<...> әкең момын, қой аузынаң шөп алмас кісі еді. <...>» (Сүндетов. Қызыл ай, 59). ФС *қой аузынан шөп алмас* (КТФС, 340) обозначает тихого, робкого человека, калька с него — *не возьмет траву изо рта у овцы*. В переводе: «<...> Отец — тот тише воды ниже травы был. *Курицы не обидит!* <...>» (Багряная луна, 61).

Нередко БКО заменяет кальку в целях художественной выразительности. Так возникает особая разновидность БКО — деривация ФС.

При деривации какой-либо компонент обычно отличается от соответствующего компонента оригинала усилением признака, интенсивностью: «Пусть прочитают Сипошлов в Троицке да вельможные казахи в Илецком и Иргизском уездах, чтобы знали, что самое высокое начальство за тем следит. Как говорится: «*Ру-гаю дочку, а ты, сноха, слушай*» (Симашко. Колокол, 308) — вместо: *дочка, тебе говорю — кызым, саған айттам*; «*Бізде «әзілің жарасса — атаңмен ойна», — дейді. <...>*» (Найманбаев. Түнгі жол, 245) [«У нас говорят: — *Коли шутка хороша, так шути и с самим дьяволом*», — согласился старик» (Дорога на Аккент, 336) (вместо: с отцом — атаңмен)].

Усилительная деривация может возникнуть вследствие отклонения от оригинала не одного компонента, а ФС в целом: «Ондай жағдайда тастай түйініп алған хан, *шешінген судан тайынбас* дегендей, ойлаған мақсатына жету үшін басқа шара қолданады» (Есенберлин. Көшпенділер. 1-кіт., 19) — калька с казахского ФС *шешінген судан тайынбайды* (КТФС, 565) — *раздевшийся от воды не оробеет*. В результате усилительной деривации получаем следующий перевод: «<...> Если не поедем сейчас, то этот волк Абулхаир поймет, что мы разгадали его замыслы, и все равно найдет способ устранить нас. Говорят ведь, что *раздевшийся обязательно прыгнет в воду*» (Кочевники. Кн. 1, 17—18).

Возможны такие отклонения, в результате которых БКО воспринимаются как варианты кальки. Так, выражение *қалауын тапса, қар жанар* (КТФС, 310) (букв.: если найти способ класть, то и снег загорится) встречается в вариантах: «А сила есть — *и снег можно заставить загореться. Если с умением взяться*» (Плашевский. Ханский посол, 32); «<...> Как говорят у нас — *если подумать, то и снег загорится!...*» (Есенберлин. Кочевники. Кн. 3, 197). [«<...> Мен тек *қалауын тапса қар жанады*, басқа жол іздеу керек деймін» (Көшпенділер. 3-кіт., 263)]. В некоторых случаях вариант может быть усеченным: «*Сумеешь, и снег загорится*, — возразил он [Абилькас] невозмутимо» (Есенберлин. Влюбленные, 182) [«*Қалауын тапса қар жанар*, жолын табам. <...>» (Ғашықтар, 362)].

Следующая разновидность БКО — интерпретация. Этот термин известен в лингвистической литературе. И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг называют интерпретацией процесс, противопоставляемый собственно переводу: переводчик, прочитав сообщение на языке оригинала, обращается к описанной в данном сообщении ситуации действительности, а затем, полностью абстрагируясь от полученного сообщения, передает эту ситуацию на языке перевода³⁷.

Наше понимание данного термина близко к пониманию этих авторов, однако мы называем интерпретацией *результат* процесса, а не его течение, ибо нас интересу-

³⁷ Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964. С. 57; см. также: Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. М., 1982. Вып. 19.

ет не противопоставление процессов интерпретации и собственно перевода, а степень соответствия исходного текста оригиналу.

Смысл БКО-интерпретации тот же, что у оригинального ФС или паремии, в большинстве случаев сохраняется также образность исходного выражения. Рассмотрим примеры.

Казахское ФС *салпы етек* (КТФС, 450) обозначает неряшливую, непроворную женщину. Д1 лексемы *салпы* — 'отвислый', Д1 лексемы *етек* — 'нижняя часть платья (подол)'.

В данном ФС актуализируются диспозиционные семы 'неряха', и 'непроворная': длинный, отвислый подол выглядит некрасиво, неряшливо, следовательно, женщина, носящая такую одежду — неряха; такой подол затрудняет движения, лишает возможности быстро передвигаться, женщина в нем запутывается — следовательно, непроворна, неуклюжа.

Вследствие развития двух сем 'неряха', 'непроворная' данное сочетание относится к женщинам, и не облаченным в такую одежду, — возникает заметно идиоматичное ФС со статусом К1К1.

Семантика этого ФС достаточно полно воспроизводится в выражении *о подол спотыкается*, являющемся БКО-интерпретацией *салпы етек*. Ситуация, о которой говорится в оригинале, передана очень образно: «Тетушка Балсулу — низенькая, с рыхлым телом и сонными движениями. О таких казахи говорят: — *О подол спотыкается*» (Ахтанов. Свет очага, 42) [«Балсулу жеңешем аласа бойлы, жуантық келген болбыр денелі, қимылы да сылбыр, қазақша айтқанда «салпы етек» адам» (Шырағың сөнбесін, 59)].

Еще примеры интерпретаций: «*Ашу — жау, ақыл — дос*». Бұны қазақ білмей айтқан ба? <...>» (Есенберлин. Көшпенділер. 3-кіт., 264) — букв.: гнев — враг, ум — друг; в переводе: «Помни пословицу, Кенеке, что *нет страшнее врага, чем собственный гнев!*...» (Кочевники. Кн. 3, 197); «*Амал не, тоқпағы мықты болса, киіз қазық жерге кіреді*; Бәзілдің де, менің де безек болғанымызға карамастан, Сәлім жеңді» (Нұржекеев. Кінәлі махаббат, 233) — букв.: если колотушка крепкая, войлочный кол в землю войдет; в переводе: «Но что делаешь — *у кого в руках колотушка, тот и войлочный гвоздь в землю вобьет*» (Виновата любовь, 302).

Возможны еще реминисценции — исходное выражение не передается полностью или с заменой компонента, а только припоминается, вспоминается, на него только дается намек. Это наибольшее отклонение от оригинала, также связанное с решением художественных задач: «<...> Уж если эти батыры в воду не полезут, значит жатакам вовсе не везет!.. (Ауэзов. Путь Абая. I, 528) [«<...> Шешінген судан тайынбас дейтін, жалаңаш батырың осылар болмаса, жатақтың мүлде сорлағаны да!» (Абай... I-кіт., 326)]; «Э, такое слово и у казахов есть. Только у нас таких называют... Как сказать? Э-э... Кто вместе с волосами голову снимает, да?» (Нурпейсов. Кровь и пот, 600) [«Е, пәлі! Ондай кісіні қазақтар «шаш ал десе, бас алады» дейді!» (Қан..., 670)].

Особенности языка переводов, обусловленные необходимостью создания в переводных произведениях соответствующего национального колорита, воссоздаются также и в непереводах текстах, оригинальных произведениях, сюжетно связанных с жизнью народа — носителя исходного языка»³⁸.

Но степень свободы обращения автора русскоязычного текста и переводчика с ФС и паремиями казахского языка неодинакова.

В оригинальном русском тексте БКО представлены более широко и разнообразно. Здесь возможны различного рода реминисценции, нет жесткой заданности оригиналом или подстрочником — передать то, что уже есть. Паремия в переводном тексте, как правило, — результат перевода какого-либо отрезка подлинника; переводник скован оригиналом, в котором эта паремия органически вплетена в ткань повествования и находится как бы у него «перед глазами». Поэтому источник большинства отклонений от нормативной формы паремии в переводе (кроме тех, которые произведены в стилистических целях) содержится в оригинале: паремии статичны в словарях и сборниках, а при употреблении часто трансформируются, и осуществленную в оригинале трансформацию необходимо отразить в переводе.

Что же касается русскоязычного автора, то он может

³⁸ Окладникова А. В. Исследование в области языка переводов... С. 12.

трансформировать по своему усмотрению: сократить, намекнуть, перефразировать.

Однако и в переводе может появиться реминисценция: если в определенном месте оригинала паремии нет, но переводчик в процессе работы вспоминает подходящую казахскую паремию, считает ее вполне уместной в данном контексте, и поскольку он не связан оригиналом (ведь паремию он именно вспомнил, а не имеет «перед глазами» в качестве руководства к действию), то может передать лишь ее смысл, не заботясь о формальном соответствии, и даже передать этот смысл намеком, упомянуть ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы вызвать у читателя нужное эмоциональное состояние, например: «Что касается Что-Где-Нуркея, то тот слыл отчаянным забиякой, никому не доверял, без причины лез в драку: короче говоря, был человеком, о котором в народе говорят: — *Скажешь ему: сбрей волосы — он снимет голову*» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 90).

В оригинале нет паремии *шаш ал десе бас алады*, в переводе же калька с нее кажется весьма логичным завершением характеристики героя, подходит по общей тональности. Здесь, при первом употреблении, калька точная (не принимая во внимание некоторых грамматических различий), а при вторичном употреблении, также отмеченном отсутствием паремии в оригинале, появляется реминисценция (поскольку смысл уже ясен из контекста первого примера — забияка, не доверял, без причины лез в драку): «Тарактинцы — тридцать крепких джигитов, *готовых снять голову вместе с волосами*, — уже поджидали соседей» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 97).

Как мы убедились, ценность казахских вкраплений-калек и БКО состоит не в том, что они что-то обозначают в русском тексте перевода, не в информативной их стороне (это как раз маловажно: они потому и вкрапления, что можно обойтись средствами русского языка), а в том, что они помогают глубже понять смысл переводимых единиц, донести до читателя перевода и образность, и национальный колорит оригинала.

Характеристика персонажей, юмор, речевая манера народа, своеобразие видения мира — в решении этих и других художественных задач вкрапления-кальки и БКО играют неоценимую роль.

Основное назначение вкраплений-калек и БКО — оказание «микрoэмоционального» воздействия на читателей. Кроме того, если вкрапления-замены русских слов и предложений, выполняя различные стилистические функции, знакомят читателя, так сказать, с внешней стороной: вот такие слова есть в казахском языке, вот так казахи говорят в таких-то и таких-то случаях, то вкрапления-кальки и БКО показывают «изнутри»: вот так идет развитие мысли, в результате чего получается такое слово или словосочетание: вот такие образы рождает то или иное явление в сознании казахского народа и т. д. А познание таких особенностей, пожалуй, самое интересное при чтении переводов.

3.4. Разговорные формулы

Разговорная формула (РФ) — это наиболее типичная форма разговорной речи, без которой невозможно повседневное общение в каком бы то ни было человеческом коллективе. Известно, что в процессе речи некоторые предложения повторяются, что далеко не всегда они могут быть, новыми, произведенными в акте коммуникации. Глобальный релевантный признак РФ — воспроизводимость в повторяющихся ситуациях общения. Производными от воспроизводимости и объясняемыми ею следует признать общеупотребительность и общеизвестность РФ. «Являясь детищем диалогической формы речи, причем только устного спонтанного диалога, РФ приобретает все его специфические признаки: мотивированность, ситуативность и высокую степень эмоциональной окрашенности»³⁹. Важно подчеркнуть, что РФ обладают субъектно-модальным значением и характеризуются аффективным отношением к высказываемому. Н. Д. Арутюнова постулирует общность смысловых принципов, определяющих структуру означаемого предложения: «Их общность обеспечена, с одной стороны, единством мира, а с другой — единством человеческого мышления»⁴⁰. Всем РФ присуща аффективная схема, и эта общность также отражает единство человеческих чувств и состояний.

³⁹ Кармысова М. К. Определение понятия «разговорная формула» // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1985. С. 98; Она же. К вопросу об определении реплики // Иностранная филология. Алма-Ата, 1976. Вып. 8.

⁴⁰ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 120.

Эмоциональность РФ полностью сохраняется в тех случаях, когда они — иноязычные вкрапления. Более того, эмоциональная насыщенность их усиливается вследствие особой экспрессии, возникающей благодаря введению иноязычных (в данном случае казахских) компонентов в оригинальные (русские) тексты или сохранению оригинальных языковых единиц в переводах⁴¹.

Наибольшее число РФ-вкраплений приходится на выполняющие контактоустанавливающую (фатическую) функцию.

Контактоустанавливающей О. С. Ахманова называет «функцию, проявляющуюся в ситуациях, в которых говорящий не стремится сразу же передать слушающему определенную информацию, а хочет лишь придать естественность собственному пребыванию где-либо, подготовить слушающего к восприятию информации, обратить на себя внимание и т. п.»⁴² Таким образом, в языке существуют специфические средства подготовки к восприятию смысловой информации, которые сами по себе такой информации лишены.

Для обозначения этих средств в лингвистике используется также термин «фатика» (англ. phatic, восходящее к греч. φημι говорить; ср. фр. fat который говорит (много)⁴³, 'фат, суетный; пустой, тщеславный человек'⁴⁴, восходящее к лат. fatuus с тем же значением и в конечном счете к fog, farī говорить). Термин предполагает, что контактоустанавливающие РФ существуют только «для разговора», что они бессодержательны, «пусты». Но это не так. Фатические РФ выражают отношение к участнику коммуникации, содержащее множество оттенков социальной информации (доброжелательность (недоброжелательность), официальность (неофициальность) и т. д.).

Эти оттенки легко обнаружить во вкраплениях-приветствиях, которые весьма разнообразны и играют важную роль в казахском речевом этикете.

В романах, повествующих о давних временах, в общении между лицами, занимающими видное место в

⁴¹ Копыленко М. М., Саина С. Т. Указ. соч. С. 98—104.

⁴² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 508.

⁴³ Larousse P. Dictionnaire complet illustré. P., 1899. P. 320.

⁴⁴ Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., С. 357; см. также: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 386.

сословной иерархии, приветствие принимает обычно полную арабоязычную форму: «*Ассалаумагалейкум!* — громко произнес он приветствие. — *Уагалейкум ассалам!* — ответил гость. Они протянули друг другу руки, обнялись» (Сергеев. Петербургский посол, 38). См. также диалог, в котором инициальное приветствие имеет арабоязычную, хотя и стяженную форму, а ответное приветствие представлено калькой: «Стараясь ступать твердо, он пошел к ним: — *Салем алейкум*, уважаемые аксакалы. Старики ответили негромко, бесстрастно: — *Мир и тебе, начальник*» (Симашко. Комиссар Жангильдин, 389). Реже встречается другое арабское приветствие: «*Аман, Есен-бей Естемисович... — по-казахски произнес приветствие Коцук... — Аман, Ефим-торе Котсук*» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 34).

В русских текстах находят отражение и традиционные приветствия-вопросы — коммуниканты при встрече осведомляются о близких и о скоте друг друга. Авторы по своему усмотрению вводят в русский текст казахский оригинал такого приветствия или его перевод на русский язык, переводчики же либо сохраняют приветствие оригинала, либо приводят весьма близкое к оригиналу русское соответствие⁴⁵. «В отау девушки <...> заняли почетные места и с важностью расспрашивали хозяйку: — *Все ли у вас живы?* — Это было принятым пожеланием, чтобы дом никогда не оставался без гостей» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 160). «*Аман ба?* [Здоров ли?] — *Мал-жандарын аман ба?* [Здоровы ли скот и семья?] — *Аман*» (Брискин. Степи казахские, 5).

Встречаются и другие формы приветствий, каждая из которых не выходит за рамки РФ: «<...> высокий черный калмык <...> подошел к хану и приветствовал его: — *Алла джар!* [Бог помощник!]» (Валиханов. Т. 1, 222). Приветствие, переданное в письме: «<...> полковник Яковлев, узнав что я пишу к Вам письмо, просил написать Вам от него искреннейший *коп салям*» (Симашко. Колокол, 270). Узуальное приветствие, которое не актуализировано в диалоге: «*Не случайно, встретив путника, казахи отвечают на его традиционный вопрос-приветствие: Жаксылыгымыз мол, жамандыгы-*

⁴⁵ Русские реплики такого рода мы считаем такими же образцами «чужого слова», как казахские, и рассматриваем их в качестве вкраплений.

мыз жок. [букв.: у нас много хорошего и нет ничего плохого], что воспринималось как ответное дружеское благопожелание» (Сейдимбеков. Поющие колокола, 66).

Арабское приветствие редуцируется до одной лексемы, тождественной по функции и узусу⁴⁶ русскому «Привет!»: «Шеген, понятно, постарался завязать знакомство: — *Салем*, красавица... — *Салем*, — ответить ответила она, но головы в его сторону не повернула» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 137).

В русском языке отсутствует РФ «Будь удачлив!», и мы вправе рассматривать данное приветствие в рассказе С. Санбаева как вкрапление (ср. каз. Жорытканда жолын болсын!): «Мир вам! — поприветствовал Булат табунщиков <...> — *Будь удачлив, сынок!* — ответил Елен» (Санбаев. Когда жаждут мифа, 37).

В другом произведении эта РФ употребляется при прощании: «*Будь удачлив, джигит! Доброго тебе пути!*» (Досжанов. Фараби, 266).

РФ-прощания далеко не столь разнообразны, как приветствия. В основном это *хош бол* или *хош*, изредка *хайр*: «*Хош бол*, джигит! — негромко сказал он, и мальчик радостно помахал книгой» (Симашко. Колокол, 150); «От едкого дыма у меня разболелась голова. Я поднялся: — *Хайр* <...> — *Хош...*» (Брискин. В стране семи рек, 117).

К приветствиям-прощаниям примыкают и иногда трудно отделимы от них благопожелания. Они весьма разнообразно представлены в казахском языке, что отражается в оригинальных русских текстах и в переводах с казахского: «*Счастье пусть не обойдет ваши отау-юрты. <...> Да приумножится ваша радость...* — думала Улпан» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 217); «Пусть они позаботятся о других женщинах <...> Пусть будут заступницами. *Пусть нам в лоб вонзится колючка, направленная против них*» (Там же, 144); «*Пусть ваш достаток, Артеке, умножится три раза по девять раз*» (Там же, 62); «Старшие поздравили Жауатара: «*Да будет крепок узел на пуповине новорожденного батыра!*» (Ниязбеков. Жауатар, 64).

К РФ относятся также гиперболические оценки: «*Угнанные кони не стоят того, чтобы принести их в жерт-*

⁴⁶ Окладникова А. В. Указ. соч.

ву за благополучие этой тройки» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 258); «Не упускай . . . эту девушку, даже если за нее калым потребуют семь раз по сорок девять лошадей» (Там же, 126).

Весьма распространены РФ-одобрения. Среди них наиболее употребительное *барекельде*: «Кенжетай, ты спел бы батыру... — Е-е, *барекельде* — одобрил просьбу и сам хозяин» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 126); «Пусть ваш Альтек называет любую сумму, ничего не пожалею! — *Барекельде, барекельде!*.. — воскликнул Жаугашты одобрительно и закивал головой»⁴⁷ (Нурмагамбетов. Дом Шашубая, 28—29).

Реже в этой функции употребляется *дурус* (каз. дұрыс), *жақсы* и *пале*: «Бий Нуралы задвигался, не понимая, что произошло, но на всякий случай сказал негромко: «*Дурус!*» (Симашко. Колокол, 119); «Христос воскрес! — сказала девочка Жетыбаю. — Ай, *жақсы!* — согласился тот, подставляя усы для поцелуя» (Там же, 59); «Вам не победить дух народа! — выпалил он слова Абая и гордо воздел к небу руки. — *О пале!* [Ишь, шельма!] Какое точное движение. Не знаю, имеет это какое-нибудь отношение к Абаю, но это точное движение, — опять восхитился Ултуган» (Сейсенбаев. Ричард Тридцать Третий, 196).

В русских текстах встречаются РФ-восхищения: «*Беудегенай!*», — говорили хану лестные слова» (Сергеев. Петербургский посол, 14) и заступничества: «*Араша!* — поднял руку хан. — Я заступник этого человека, ручаюсь за него жизнью и скотом» (Там же, 285).

Специфической особенностью текстов, отражающих имущественное и сословное неравенство в казахском обществе XIX в., являются РФ-подчинения: «Успанжан! Пусть я буду твоей жертвой, да пропади он пропадом, этот аил!» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 63); «Прошу тебя прекратить этот разговор... — Давай и о наследстве прекратим. — Пусть апа сама. Что она скажет, я стану рабом ее повелений...» (Там же, 259); «У Есенея она потребовала подтверждения — поедут ли они... Не передумает ли он... — Я бы хоть сегодня, — отозвался он. — Сегодня уже нет. Я послала человека сказать, что мы приедем завтра... — *Повеление ханши убивает приказ хана!*» (Там же, 132).

⁴⁷ См. также п. 3.5.

В этнографических трудах Ч. Валиханова необходимым компонентом являются переводы заклинаний: «...во всех трудных житейских случаях обращаются к ним [к духам предков], говоря: *«аруахи, держите меня за руку и поддерживайте под мышки»* [Аруак, қолдай көр, қолтығымнан жебей көр]» (Валиханов. Т. 1, 208); «Не переходят через укрюк, топор и бакан, говоря: *переступивший бакан не разбогатеет* [Бақан аттаған байымайды], *переступивший через топор никогда не будет довольствоваться* [Балта басқан жарымайды] <...>» (Там же, 210).

Красочно оттеняют народную речь разнообразные проклятия: «Что он говорит? *Чтоб нечистая тебя взяла!* Абунасир не таков, чтобы замыслить подобное!» (Досжанов. Фараби, 296); «На вопли мальчишек примчалась Айтолкын: — Убили! Убили моих детей! Кто посмел поднять на них руку! Наглые пришельцы теперь у нас хозяева! *Чтоб калмыки захватили этот аул!* Она только начала, а в запасе у нее был богатый набор женской матерщины, какой не знают в России или Европе...» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 164).

Порой брань трудно отличить от проклятия. Так, старший мулла проклинает младшего, и проклятие, как это нередко бывает, сопровождается бранью: «Поворачивайся живее, *проклятие на твою сестру!* — сказал старый токсаба и ударил рукой по сабле» (Валиханов. Т. 3, 40). Но в ряде случаев — это несомненные РФ-инвективы (фр. *investive* — грубые слова, оскорбления, адресованные кому-либо) — обращения непосредственно к определенным лицам с конкретным замыслом отправителя речи унижить, оскорбить, «нанести словесную пощечину»⁴⁸: «Эй, ты, *собачий сын!* За что коня бьешь? — взревел Дос, кидаясь к нему» (Досжанов. Полынь и цветы, 221); «Ты... *могилу отца твоего...* Туркмен!.. — Донесся со двора злобный выкрик Иманалы» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 199); «Итемген, ну-ка принеси это... — Итемген, Итемген! — вскипятился сын. — Я вам что целый день бегать буду?! Я устал. Заплакав и что-то бормоча себе под нос, Итемген побежал к шалашу. — Ой, *иттен жаралган!* Негодник! — выругался отец...» (Нарымбстов. Ущелье ржущего стригунка, 227).

⁴⁸ Петрищева Е. С. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984. С. 183.

РФ-ругательств, не обращенных к какому-либо адресату (типа *черт побери, на кой черт, вот зараза*) в нашем материале нет, видимо, потому, что они отсутствуют или крайне редки в казахской речи.

Особое место занимают арабоязычные или калькированные с арабского РФ, которые мы называем молитвословиями. Это могут быть прямые цитаты из Корана, произносимые в процессе молитвы: «*Аллах акбар!* — Сеит провел ладонями по лицу [заканчивая намаз]. — *Аллах акбар*, — повторил Кенже» (Алимжанов. Гонец, 216); «О создатель, что со мной такое! *Ля хаули элда-белда, галы бин назым...* — вспомнил он и без подсказки Кенжетая успокоительные слова молитвы» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 42); «У самых ног Шока с шипением пробежала ящерица и юркнула в траву. Шок настороженно повел ушами. — *Бисмилля рахман рахим...* — машинально проговорил Шер и провел руками по лицу. Скорее всего, с испугу» (Нарымбетов. Ущелье ржущего стригунка, 224—225). Шер произносит, хотя и в усеченном виде, первую суру Корана («Во имя Аллаха милостивого и милосердного»), которую следует считать молитвой.

В иных случаях зачин этой суры *бисмилля* сохраняет лишь следы конфессиональной формулы — когда его произносят, приступая к какому-либо делу, в начале пути или перед едой: «*Басмилла...* — Осторожным ударом кетменя разрезал дернину, в которую вросла целая грудa кирпичей» (Алимжанов. Мост Карасункара, 185); «Когда с молитвенным «*бисмилля*» тронулись мы в путь, раздался жуткий, надрывный вопль Аналык...» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 41); «Абеке за дастарханом принялся разделять баранью голову острым ножом <...> — *Писмилла!* — сказал он и все принялись за еду» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 125).

Но слово *бисмилля* может быть лишено конфессионального характера и произноситься как возглас восторга или удивления, близкий к междометию: «Он круто осадил своего иноходца перед Дармен, ошалело выпалил: — *Бисмилля*, никогда не видел такой красавицы!» (Снегин. Утро и два шага в полдень, 172).

Аналогично употребление арабизма *астапыралла*. Это возглас либо удивления («О боже!»): «*Астапыралла*, твой шельмец говорит как мудрец! — воскликнул отец Барыпкеля и стал внимательно разглядывать Доса»

(Досжанов. Серебряный караван, 33), либо близкий к русскому возгласу, оберегающему от беды («Боже упаси!»): «*Астифиралла!* Помилуй бог! Какой ужас, какой позор!» (Майлин. Коммунистка Раушан, 185)⁴⁹.

Часто встречается вкрапление *иншалла* («если аллах позволит»), воспринимающееся как РФ, в которой сильна фатическая функция поддержания разговора (ср. русск. «волею судеб», «бог даст», «если обстоятельства позволят», «если удастся»). Денотативное значение в таких РФ частично сохраняется, но вместе с тем явно ощущается коннотация «заполнения паузы», создания «платформы» для продолжения разговора: «Если ты не против, то подожди три дня. *Иншалла*, за это время мы сможем получить вести от твоего Кенже и от Сеита» (Алимжанов. Гонец, 234); «Оставайтесь со своими людьми. — Сатай пробурчал что-то, затем сказал басом: — *Иншалла*» (Там же, 224). Русские эквиваленты этой РФ не теряют признаков вкраплений: «Мы сложили руки, и караванбаши отвечал: — *При помощи аллаха* и благодаря могуществу высокого хебе-амбана мы пришли благополучно» (Валиханов. Т. 3, 47).

Таковы разнообразные по форме и семантике, зачастую значительно удаляющиеся от своей конфессиональной основы РФ-молитвословия.

Остается рассмотреть вкрапления, представляющие собой близкие к междометиям РФ — призывы и понукания.

В исторических повествованиях нередок трактуемый в словаре современного казахского языка как устарелый возглас, сигнализирующий об опасности (нападения воров, врагов) и одновременно являющийся призывом к обороне⁵⁰: «Она быстро поняла, что надвигается беда, и закричала: — *Ойбай, аттан!* Идет беда!» (Сарсекеев. Чингисская быль, 176).

Другой возглас привлекает внимание уважаемого человека или аудитории с намерением произнести реплику, высказать свое мнение⁵¹: «Мы согласны с тобой,

⁴⁹ Толкование Н. Д. Ундасынова, который считает, что одно из значений *астапыралла!* «испрашивание прощения у бога» [құдайдан кешірім сұрау] представляется нам не вполне точным. (Оңдасынов Н. Д. Арабша-қазақша түсіндірме сөздік (қазақ тіліндегі араб сөздері). Алматы, 1984. 1-т. 30-б.).

⁵⁰ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1976. 1-т. 441-б.

⁵¹ Там же, 1978. 3-т. 57-б.

Санырак. Твоя речь мудра как речь великого бия!.. — *Дат!* — перебил всех Санырак. — Не надо сладких речей» (Алимжанов. Гонец, 275).

К РФ относятся также науськивание собак⁵²: «Чу, шум: стада бегут на гору. Вот слышен голос караван-башы. Рассказчики бегут к стадам. Слышны крики: — Айт! Айт!» (Валиханов. Т. 3, 14); понукание овец и коз⁵³: «...Аяпберды огрел пса плетью, вскочил на коня и погнал его снова к бархану, крича во все горло до одурения: Шайт! Шайт!» (Досжанов. У тигра своя тропа, 324).

Казахские разговорные формулы в русских художественных текстах весьма разнообразны: приветствие /прощание составляет 62 словоупотребления (33,2 %), благопожелание — 13 (7,1 %), гиперболическая оценка — 2 (1,1 %), одобрение — 16 (8,8 %), восхищение — 13 (1,7 %), заступничество — 1 (0,5 %), подчинение — 4 (2,2 %), заклинание — 3 (1,7 %), проклятие — 7 (3,8 %), брань — 6 (3,4 %), молитвословие — 57 (20,9), призывы и понукания — 10 (5,5 %).

Среди вкраплений велик удельный вес приветствий /прощаний и молитвословий (в сумме 54,1 %). Относительно большое место занимают РФ благопожелания, одобрения, призывов и понуканий (в сумме 21,4 %). На остальные семь разновидностей РФ приходится 24,5 %. Это соотношение, вероятно, отражает истинное участие РФ разного рода в формировании казахской разговорной речи, хотя, разумеется, главным при выборе той или иной РФ является цель сообщения.

3.5. Вкрапления эмоциональной сферы

Эмоциональный «заряд» содержат вкрапления всех видов, однако чисто эмоциональную сферу образуют главным образом междометия. Рассмотрим особенности употребления казахских междометий и близких к ним лексем в русскоязычных текстах.

В любом современном языке междометия составляют «живой и богатый пласт чисто субъективных знаков. <...> Они выражают эмоционально-волевые реакции субъекта на действительность, служат для непосредственного эмоционального выражения переживаний,

⁵² Там же, 1974. 106-б.

⁵³ Там же, 1986. Т. X. 178-б

ощущений аффектов, волевых изъявлений»⁵⁴. Вместе с тем междометия «несут на себе яркий отпечаток влияния интеллектуального языка»⁵⁵.

Всю полноту своей природы междометия проявляют в связной речи. «Они музыкальны фонетически, музыкальны и по ритму, наполнены радостью или печалью»⁵⁶, пронизаны своеобразной выразительностью: «...Шашубай вновь оседлал своего озорного Пегаса. <...> Пастухи стонали от радостного изнеможения: — *Ой, жарайсын!* — *Деген-ай!* — *Ой, барекельды!*» (Снегин. Утро и два шага в полдень, 26).

В казахском языке одни междометия выступают в нескольких значениях, другие имеют только одно значение. В наших текстах нет однозначных междометий как таковых, однако междометие *E!* (*Иe!*) (каз. *E!*) представлено только как 'припоминание, догадка': «*E-e*, дорогой, это случилось до так именуемой ногайской эпохи в истории казахов ... — молвил аксакал...» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 79).

Баракелды! (*Баракельды!* *Баракельде!* *Баракелдэ!* *Бирекалля!*) (каз. *Барекелде!* *Барекелди!*). Это междометие также представлено в наших текстах в одном значении — 'одобрение с оттенком восхищения': «Дядя Кулубай похвалил: — *Баракелды* — молодец!» (Симашко. Колокол, 75); «*Баракельды!* *Беу деген-ай!* — подбадривали его джигиты и девушки» (Сергеев. Петербургский посол, 149).

Значение 'недоумение с оттенком иронии' отсутствует⁵⁷.

Междометие *Ay* (каз. *Ay!* *Эу!*) имеет два значения; у нас выступает только в качестве отклика на зов: «Отец, — позвал я. — *Ay!* — Правда, что ты бил Черного Карау?» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 39).

Обратимся к междометиям, употребляющимся в разных значениях. Они подчас далеко отстоят друг от друга и разграничение их достигается интонационным варьированием, подробно описанным Ш. Ш. Сарыбаевым⁵⁸. Рус-

⁵⁴ Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 745.

⁵⁵ Там же. С. 746.

⁵⁶ Сарыбаев Ш. Ш. *Междометие* // Современный казахский язык. Фонетика и морфология. М., 1962. С. 430.

⁵⁷ Сарыбаев Ш. Ш. Указ. соч. С. 91, 93; см. также п. 3.4, где это междометие трактуется как разговорная формула.

⁵⁸ Сарыбаев Ш. Ш. Указ. соч. С. 111—124.

скоязычный читатель, воспринимая казахские междометия-вкрапления, придает им интонационную окраску, присущую междометиям, выражающим аналогичные значения в русском языке. Таким образом, обеспечивается эмоциональное воздействие, которое вносит в текст писатель и сохраняет переводчик.

Ай! (каз. *Ай! Эй!*). В труде Ш. Ш. Сарыбаева отмечено шесть значений этого междометия, из которых в наших текстах представлены три: 'сомнение': «Куда он опять подевался? Шер, а Шер? — Из дома вышла мать, огляделась вокруг. На пыльной аульной улице в этот полуденный час никого не было. — *Ай, Шер!*» (Нарымбетов. Ущелье ржущего стригунка, 231); 'недовольство': «Где почтенный хозяин? — *Ай, батыр сардар, лечиться в Тургай поехал наш агай*» (Симашко. Комиссар Джангильдин, 262); 'негодование': «*Ай, не знаю, что он сказал. Совсем темный киргиз*» (Симашко. Колокол, 170).

Междометие *апырмай!*, восходящее к существительному *пир* (ангел, дух), имеет, как обозначено у Ш. Ш. Сарыбаева⁵⁹, 16 фонетических вариантов, в наших текстах представлено 7: *апырай, апырмай, апырау, опырмай, опырмой, ойпырмай, япыр-ай*. Фонетическая вариантность, видимо, не связана с семантической, также весомой, значительной. Из 20 примеров, имеющих в нашем распоряжении, половина приходится на 'удивление' или 'изумление', которое, естественно, трудно различить: «*Япыр-ай!* За что спасибо, — развел руками старик. — Гостя мясом угощать надо, а не словами» (Сергеев. Петербургский посол, 101); «...внезапно открывающийся пейзаж буквально потрясает каждого путника, удрученного бескрайностью казахской степи. Можно представить, как тот цокает языком и восклицает: — *Апырай,* кто посадил здесь такой стройный тополь?» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 90).

В числе других значений междометия *апырай* отметим 'восхищение': «*Апырай!* Кушты-батыр, — с почтением приложил руку к груди старик. — Помыслы его подобны помету орла, дух его готов к великим делам» (Сергеев. Петербургский посол, 36); 'досаду': «*Опырмай!* Опять перебор! — с яростным негодованием Сламбек отбросил все три карты» (Анов. Крылья песни, 43); 'недовольство': «*Апырмай,* еле выдержал эти двадцать

⁵⁹ Сарыбаев Ш. Ш. Указ. соч. С. 105.

четыре дня, как в тюрьме, кругом вода и вода, волны шумят, спать не дают...» (Досжанов. Серебряный караван, 119); 'негодование': «*Апырмай*, ну и сволочь! — Кто? — Бакас, конечно» (Досжанов. Полынь и цветы, 249); 'возмущение': «А Барыпкеля возмутило ворчанье Бас-буха: — *Апырай*, вам еда не полезет в горло, если вы не сделаете из мухи слона» (Досжанов. Серебряный караван, 85); 'испуг': «Бахыт поняла. Испуг метнулся в ее глазах: — *Опырмай!* Подумай, Кадыр. Кровь старика убьет любовь нашу. Нельзя его трогать» (Сергеев. Сыновья возвращаются, 11).

Графическое изображение долготы звука используется здесь, как и в других междометиях, для усиления эмоционального воздействия на читателя. В следующем примере таким образом передается уже не испуг, а ужас: «*Опырмо-о-ой...* — успел лишь прошептать это ходжа и тут же как будто длинный нож ледяным холодом пронзил его насквозь» (Досжанов. Полынь и цветы, 251).

Междометие *Ойбай!* (*Ойбой!* *Ойба-ай!* *Ойбай-ай!* *Ой-бой!*), к нашему удивлению, не представлено примерами в книге Ш. Ш. Сарыбаева, хотя в ней указано пять значений, в которых оно употребляется⁶⁰. В нашем распоряжении имеется 47 употреблений междометия *Ойбай!* во всех значениях, отмеченных Ш. Ш. Сарыбаевым: 'беспокойство': «Долго тебе еще осталось учиться, Муса? — спросил брат. — Пять лет. — *Ойбай!* А когда же ты думаешь жениться? — Об этом я не думаю, — ответил Муса» (Анов. Крылья песни. 266); 'страх с оттенком отчаяния': «А ну подойди сюда, балбес! Ближе, ближе! — словно хлестал плеткой незнакомец, а затем раздался свист и самой плети. — *Ойбай, ойбай*, что я вам сделал?! — истошным голосом завопил сын Нуркал Амен» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 91); 'удивление с оттенком ошеломленности': «А скажи мне, парень, Оразбай из Кара-Узенья не твой ли отец? — *Ой-бай!* Аксакал, вы знаете моего отца?» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 128); 'неожиданное болезненное ощущение': «О! я умираю, горю! Огонь! Пламя! Где ты, мама! Спина, спина переламывается! Мама! *Ой-ба-а-а-ой!*» (Бокаев. Ардак, 300); 'восторг': «*Ой-ба-*

⁶⁰ Сарыбаев Ш. Ш. Указ. соч. С. 98.

ай! Деверь приехал! И сынок с ним! Проходите скорее! — закудахтала старуха» (Бокеев. Ардак, 285).

Однако следует добавить, что наша выборка содержит значения этого междометия, не отмеченные Ш. Ш. Сарыбаевым: 'предостережение': «Когда аульские женщины распекали своих дочерей, то часто вспоминали Боздым, говоря примерно так: — *Ойбай*, не уподобляйся дочери Боздака» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 296); 'сожаление': «*Ой-ба-ай*, какой я сон хороший видела, а ты разбудил» (Бокеев. Ардак, 284); 'недоумение': «*Ойбай*, куда ты? Вернись... — растерянно кричала вслед Жакин» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 114); 'раздражение': «*Ойбай-ау*, что ты мелешь! Коня надо показать, коня!» (Досжанов. Полынь и цветы, 212); 'возмущение': «*Ой-бай*, любезный, что вы топчете душу, она у меня и без того как заезженная кляча, — начал защищаться Барыпкел» (Досжанов. Серебряный караван, 76).

Междометие *Оу!* встретилось в художественных текстах в форме ответа и подчеркнутого обращения: «Отец! — *Оу?* — Это правда, что вы любили Аналык-апу?» (Бокеев. Отзовись, мой жеребенок, 22); «*Оу*, друзья, мне все-таки кажется, что в наше время было куда интереснее» (Досжанов. Серебряный караван, 61).

Рассмотрим употребление междометия *пай-пай* (*бай-бай*) в различных значениях: 'удивление-восхищение': «*Пай-пай!* — прошептал Хаджа Сарсен, закладывая под язык щепотку табака. — Как он говорит?» (Санбаев. Времена года нашей жизни, 79); 'сокрушение-упрек': «*Пай-пай-пай*, он тоже всласть поиздевался над Санжеке. То вызывал его к себе, то сам явился к нему подобно ангелу смерти Азраилу, орал, неистовствовал» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 102); 'ирония': «*Пай-пай-пай*, что ни говори, а богатство — счастье... Ешь лучше! — *Пай-пай-пай!*» (Досжанов. Полынь и цветы, 220).

Как видим, возможно не только удвоение, но и утроение компонента *пай*.

Уа! (*Уай!*). Чаще всего это междометие употребляется в фатической функции — сопровождает вокатив в начале разговора⁶¹: «*Уа*, Мусаке, идите сюда, утолите

⁶¹ См. п. 3.4. Разговорные формулы; а также: Сарыбаев Ш. Ш. Указ. соч. С. 77.

жажду. Объясните, что произошло и оправдано ли ваше возмущение? — медлительным голосом тянул Нурпей» (Сейдимбеков. Проводы невесты, 91).

Но к фатической функции может присоединиться дополнительная семантика сомнения: «*Уа*, люди! Я думал, что мы навсегда сошли со священного пути предков. Оказывается, я ошибся» (Сарсекеев. Чингисская быль, 179) или убеждения: «*Уа*, учитель! Не ходи на лед. Я привяжу быка, брошу тебе веревку» (Там же, 166).

В ряде случаев фатическая функции затушевывается, преобладает семантика радости: «*Уа!* Слава аллаху! Сам сокол Махамбет прибыл в гости к нам! — кричал оборванный джигит, бегом направляясь к сарбазам» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 147) или восхищения: «*Уа*, батыр! — восхитился его ловкостью соперник» (Ниязбеков. Жауатар, 48).

В междометиях, употребленных русскоязычными писателями Казахстана, отражена богатая гамма эмоций, испытываемых персонажами романов, повестей, рассказов: радость, восхищение, одобрение, изумление, удивление, убеждение, сомнение, беспокойство, досада, недовольство, негодование, страх, ужас. Кроме того, междометия сопутствуют припоминанию, догадке и являются откликами на зов.

Особо выделим небольшую группу императивных междометий, «выражающих побуждение при обращении к людям или животным»⁶². Это возгласы, которыми животных заставляют выполнить определенное действие.

Так, понуждение верблюдов к движению передается междометием *айчу* (*акчу*, *атчу*): «*Айчу!* — крикнул Жазыхан. Верблюды поднялись и пошли своей неторопливой верблюжьей походкой» (Белянинов. Одинокый колодец, 152). Чтобы заставить верблюда опуститься на колено, употребляют междометие *шок* (*чок*): «Девушка <...> два раза потянула книзу повод и сказала: «*Шок! Шок!*», но верблюдица не собиралась ложиться на мокрую землю в грязь и недовольно заревела» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 115).

Для того, чтобы отогнать овец, используют окрик *шай!*: «Овцы на краю отары испуганно шарахнулись, и тут со стороны озера показался чабан. Он размахивал

⁶² Сарыбаев Ш. Ш. Междометие в казахском языке. Алма-Ата, 1959. С. 29.

руками и покрикивал на овец: «Шай-шай!» (Майлин, Повести и рассказы, 392).

Коня понукают окриками *чу (шу), атчу*: «Он шагнул было к ней снова, но конь с лебединой шеей оказался норовистым и не давал подступить к своей хозяйке. Забил копытами по земле, закружился на месте, прикрывая ее. Девушка словно только и ждала этого, легко взлетела в седло и с возгласом «*шу*» унеслась в степь» (Досжанов. Фараби, 266).

Собак подзывают возгласом *ка*: «Возвращаясь из леса и обходя одинокую яблоню стороной, мы окликали Караканшык: «Кокинай! Кокинай! *Ка! Ка!*» И она иногда выходила наружу, задумчиво смотрела на нас, поводя носом <...>» (Муратбеков. Дикая яблоня, 183).

В нашей выборке встретились два случая обращения подобных возгласов к людям: «Ребята старшей группы выстроились поперек дороги в ряд и по команде учителя «*Ал!*» — побежали» (Кайсенов. Страна моего детства, 87) — данное междометие (как и *кэне!*) выражает «побуждение собеседника к речи или совершению какого-либо действия»⁶³; «В этом году хороший выдался покос. Мы с Каменом скирдовали. Вместе с одним парнем я стою наверху, а Камен подает сено внизу. Ну и силен же, дьявол! Как крикнет: «*Ауп!*» — целая копна взмывается на стог» (Муратбеков. Камен-тогай, 84) — здесь *ауп* обозначает напряжение сил при поднятии тяжести.

Из примеров видно, что императивные междометия специфичны для каждого языка, во-первых, ввиду особой объективной направленности (так, в русском языке отсутствуют междометия, обращенные к верблюдам, ибо в русском быту верблюды не используются); во-вторых, из-за особой дифференциации (в казахском языке междометия различаются в зависимости от действий, на которые мы каузируем животных — идти или встать, отогнать или пригнать и т. д.); в-третьих, даже одно и то же действие одного и того же домашнего животного каузируется в разных языках разными междометиями (например, носитель русского языка будет подзывать собаку междометием *на!*, а казах — междометием *ка!*).

В силу указанных причин императивные междометия,

⁶³ Сарыбаев Ш. Ш. Междометие в казахском языке. С. 67.

передающие национальный колорит общения, в языке переводов обычно сохраняются.

От междометий трудно отделить подражательные слова (имитативы). В нашей выборке отмечено несколько звукоподражательных слов. В русском языке звукоподражательным словам, которыми очень богат казахский язык, соответствуют обычно описательные обороты.

Имитативы передают звук стука копыт и отзвук камня: «Гнедой <...> затопал по кругу, устланному снопами хлеба, застучал копытами: *дук-дук*. И малатас покатился, запрыгал за ним, тоже застучал: *дук-дук*» (Муратбеков. Дикая яблоня, 294); крик верблюда: «Иногда раздаётся гортанное «*манк*» верблюда, звякнут доспехи» (Досжанов. Фараби, 256); смех: «<...> говорить Орак был не мастер. И потому больше молчал, только смеялся, если говорили что-нибудь веселое. А смеялся так, будто кашлял: «*ыны-кы-кы*» (Муратбеков. Ултуган, 91).

По функциям и силе эмоционального воздействия к междометиям тесно примыкают воинские кличи: «*Аттан! Аттан! На коней!* — будоражили ставку тревожные крики. — *На коней! Башкиры!*» (Сергеев. Петербургский посол, 239); возглас досады: «*О, эттеc!* — хан подскочил к юноше и схватил его за воротник» (Сергеев. Петербургский посол, 175); возглас усмирения: «*Айртаң! Айртаң!* — закричал он, увидав дравшегося с кем-то из противников Нуралы» (Там же, 159); возглас подбадривания: «*Алаш! Алаш!* — кричал Баймурат, подбадривая своих воинов, и бил шокпаром направо и налево» (Там же, 160).

Кличи употребляются преимущественно в исторических произведениях, благодаря чему занимают как бы промежуточное положение между вкраплениями и реалиями. Они играют определенную роль в воссоздании батальных картин, ситуаций, связанных с освободительной борьбой казахского народа.

3.6. Фонетические и грамматические вкрапления

Фонетические вкрапления. Казахским фонетическим вкраплением будем называть введенное автором или сохраненное переводчиком отклонение от звуковой организации русского слова, в котором усматривается воздействие казахского языка.

Фонетическое вкрапление в художественном тексте, естественно, сигнализируется графическим обликом слова, который в ряде случаев дает довольно полную и соответствующую закономерностям потенциальной интерференции⁶⁴ картину преобразований, испытываемых русской лексемой в устах казаха, не владеющего фонетическими нормами русской речи.

Так, рус. *велосипед* [в'эльс'ип'ет⁶⁵] в согласии с закономерностями потенциальной интерференции соответствует каз. /bilösipet/⁶⁶, довольно точно воспроизведенное Кайсеновым в форме *белесипет*⁶⁷: «Дед Нугман внимательно слушал парня, <...> а то, что понял, объяснил нам: — Это, ребята, не телега и не железный конь, это такая машина; и называется она *белесипет*. — Мы закричали: — *Белесипет! Белесипет!*» (Кайсенов. Страна моего детства, 118).

Однако часто наблюдается несоответствие потенциальной интерференции, которое может свидетельствовать:

1) о том, что писатель отражает некоторую степень приобщения персонажа-казаха к нормам русского произношения, т. е. того, что фонетическая интерференция в звуковой организации его речи вследствие ряда факторов (изучения русского языка в школе, чтения литературы и газет на русском языке, радио и телевидения, общения с русскими и представителями других нацио-

⁶⁴ Интерференцией называются «...случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» (Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1976. Вып. IV. С. 62). «Своеобразие вторичного языка (в нашем случае русского. — М. К.) на фоне первичного (казахского. — М. К.) создает поле потенциальной интерференции» (Копыленко М. М., Ахметжанова З. К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата, 1984. С. 6). «Зная строй фонологических систем двух контактирующих языков, лингвист может предсказать поле потенциальной интерференции в сфере произношения» (Там же).

⁶⁵ В квадратных скобках в необходимых случаях приводится фонетическая транскрипция русских слов в соответствии с правилами, изложенными в «Русской грамматике» (М., 1980. Т. 1. С. 24—29).

⁶⁶ Для записи казахского произношения используются помещаемые в косые скобки знаки транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология» и дополненной введенным А. Джунибековым символом {ω} для обозначения губно-губного щелевого сонанта (в орфографии — у).

⁶⁷ Ожидается *билесипет*, но в первом слого сохранена русская орфография.

нальностей на языке межнационального общения и др.⁶⁸) — ниже уровня потенциальной интерференции⁶⁹;

2) о стремлении писателя не перегружать речевую характеристику персонажа подробностями, сохранить лишь некоторые, наиболее показательные с его точки зрения черты произношения действующего лица;

3) о недостаточной осведомленности автора — о том, что его творческое воображение рисует лишь приблизительную картину фонетической интерференции в русской речи казахов.

Выявить, какая из трех причин привела к несоответствию графического облика слова закономерностям потенциальной интерференции в нижеследующих примерах, не представляется возможным.

Ожидаемое согласно полю потенциальной интерференции звучание слова выводится на основе специально проведенного исследования⁷⁰, а соответствующая этому звучанию орфография — исходя из наблюдений над передачей неэквивалентных русским фонемам фонем казахского языка в словах, часто употребляемых в произведениях русской художественной литературы, отражающей казахские реалии и онимы, в русскоязычной прессе Казахстана, в вывесках, рекламе и т. д.:

Транскрипционные знаки
(в скобках казахская
графика)

Русские орфографические
соответствия

[ŋ]	(ң)	нг
{ω}	(у)	у
[ä]	(ә)	а, е
[u]	(ұ)	у
[ü]	(ү)	у, ю, е
[y]	(ы)	ы
[ö]	(ө)	у, о, е
[i]	(і)	и, ы ⁷¹

⁶⁸ См.: *Копыленко М. М., Саина С. Т.* Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982.

⁶⁹ См.: *Копыленко М. М., Ахметжанова З. К.* Указ. соч. С. 21—50.

⁷⁰ *Копыленко М. М., Ахметжанова З. К.* Указ. соч. С. 13—20.

⁷¹ Об орфографической вариативности передачи неэквивалентных фонем см.: *Жолтаева Т. У.* О графемно-фонетическом освоении казахской лексики в русском языке // Республиканская научно-практическая конференция по дальнейшему совершенствованию преподавания русского языка в свете основных направлений реформы общеобразовательной школы. Алма-Ата, 1984.

В следующих примерах ожидается полная сингармонизация, которая соблюдена, но отсутствуют эпентезы в не присущих казахскому языку сочетаниях согласных: «<...> у нас уже была кутерьма из-за трех казаков, которые погибли без вести: всю зиму *помончик* [помощник окружного] и *Банушка* [Ванюшка-толмач] пролежали на Каратале <...>» (Валиханов. Т. 3, 338). Ожидается /bapıŋyka/, в орфографии — **Банушыка*.

«Улпан выждала и обратилась к Тлемису: — Передай ему, что скажу — слово в слово. Пусть *бедретчик* завтра же шлет мастеров. Кирпич не горит... На том же кирпиче встанут новые стены» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 175). Ожидается /bādirātiŋik/, в орфографии — **бедиретишик* (отсутствует также замена [ч] — /š/).

В других случаях сингармонизация не соблюдается, но производятся соответствующие закономерностям потенциальной интерференции замены фонем: «Белышев целый час <..> излагал Токе и Смагулу, что он думает о таких людях, как этот академик, который видит на десять верст в глубь земли. Токе <...> кивнул и основательно, как всегда, сказал: — *Сытары чалабек — умны чалабек...*» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 65). Ожидается /šilābāk/, в орфографии — **шиллек*.

«А курчавый Сенька Убычев все резал и резал хлеб: — Лопай! Бог один, вера разна! Ешь. — *Берна, берна!*... — бормотали киргизы — *Берна*» (Иванов. Лощина, 109). Ожидается /berinō/, в орфографии — **берине*.

«А по-моему, он убил глухого и спрятал. *Бобще*, — он ввернул русское слово «вообще», — *бобще*, от Ырысбека всего можно ожидать» (Муратбеков. Дикая яблоня, 270). Ожидается /böbiše/, в орфографии — **бебише*.

Замена [в] — /b/ и [ф] — /p/ ощущается как наиболее яркая черта казахско-русской интерференции, она производится наиболее последовательно: *верст* — *берст* (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 64), *галифе* — *галипе* (Досжанов. Серебряный караван, 12), *давай* — *дабай* (Муратбеков. Дикая яблоня, 238, 278), *здразие* — *здрабие* (Муратбеков. Дикая яблоня, 109), *фашист* — *пашис* (Там же, 198) и др., однако *вечер* — *вешир*: «Вдруг прибежал младший брат Курмаша. Он запыхался, ноздри его раздувались <...> в руках был

пригласительный билет на свадьбу: — Тате, я пришел пригласить вас на *вешир*» (Асылбеков. Поздние журавли, 114). Ожидается /beʃir/, в орфографии — **бешир*.

Отметим также эпентезу: *сто* — *сыто* (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 64), *здравствуй* — *дырысту* (Мусрепов. Улпан — ее имя, 76), *старый* — *сытары*; протезу: *кто* — *ыкто* (Досжанов. Серебряный караван, 41), *я* — *ыйя*; апокопу; *фашист* — *пашис*, *коммунист* — *комонес* (Муратбеков. Дикая яблоня, 294); выпадение узких гласных: *писал* — *псал* (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 64), *ожидай* — *аждай* (Там же, 68), *бригадир* — *бриадр*: «На, возьми поводья, Канат, и держи их натянутыми. Твоя мама *комонес* и *бриадр*, и ты должна показывать пример другим ребятам (Муратбеков. Дикая яблоня, 294). Выпадение узкого гласного здесь сопровождается закономерной спонантизацией [ɣ] — /ʏ/, а /ʏ/ не отражается на письме.

Разнообразных примеров такого рода много. Следует еще иметь в виду, что персонажи художественных произведений далеко не всегда воспроизводят нормированное литературное произношение. Исходным пунктом интерферирующего воздействия казахского языка нередко служит просторечное или диалектное звучание слова.

Так, *опшым* у Досжанова соответствует не литературному *вообщем*, а диалектно-просторечному [опшъм]: «<...> заявляется Барыпкел грознее тучи и давай стружку снимать, причем, когда он возомнит себя очень строгим и ответственным, он начинает говорить по-русски: — *Опшым, ыкто нашальник, ты или ыйя*» (Досжанов. Серебряный караван, 41).

Жагор у А. Алимжанова воспроизводит не нормативную форму имени Егор, а распространенную в южно-русских (якающих) говорах [ягор]: «Кенже нашел Хайдара и вместе с ним подобрал еще двух джигитов: <...> Лаубая из рода тас-журек и молодого руса, бежавшего от своего повелителя. Тот называл себя Егоркой, а сарбазы звали его просто «рус *Жагор*», так было легче» (Алимжанов. Гонец, 274).

Ничауа у Г. Мусрепова близко не к литературному [н'ичи°во], а к просторечному [н'ичаво]: «Поздно вечером приехал и говорит — Утром у нас гости. — А я ему — Ты меня убить хочешь? Ведь ничего не успею и умру со стыда. А он говорит по-русски — *Ничауа*, Ра-

зия-ханум, *ничауа...*» (Мусрепов. Улпан — ее имя, 99).

Согласной фонеме [в] между двумя гласными соответствует в казахском билабиальный щелевой /б/, который в орфографии передается посредством *у*, например: *приговор* — *пригауар* (Мусрепов. Улпан — ее имя, 448) и *пиргеур* (Майлин. Повести и рассказы, 148).

Анджинир у А. Белянинова — производное от просторечного [Λнжын'ёр], а не от литературного *инженер*: «Помнит Асеке и другого русского, который приезжал довольно часто, останавливался у них в юрте, как друг. Его называли *анджинир*. Наверное, прозвище такое» (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 35).

Особый интерес представляют фонетические модификации слов, возникающие не столько вследствие различия фонологических систем русского и казахского языков, сколько на основе лексико-семантических ассоциаций, порождаемых русскими словами. Такие ассоциации характерны для творческой манеры Б. Майлина: «Крючконосый мужчина, молчавший до сих пор в сторонке, вдруг сказал: — Я вчера был у Гаврилы, Сидим, значит, чай пьем, а тут Ефим зашел. Ну, и сцапались они с ходу. Ефим *большайбеков* хвалил, а Гаврила — ругал» (Майлин. Саврасый иноходец, 100). *Большайбек* содержит замену [в] — /б/, но вместе с тем образовано по модели имен, включающих компонент *-бек*, и отражает представление об авторитетности, уверенной силе данной общественной группы. В тексте: «А в начале, кажется, двадцать девятого года наш Жасыбай с дружками клич бросил: «Давай организуем *калаунию!*» [тракторную колонну]. Ну что ж. Давай, так давай. Согласились, значит, «*калаунию*» создали. Получили пяток тракторов» (Майлин. Начало раздора — корова Дайрабая, 256) преобразование колонна — калауния, несомненно, опирается на семантику глагола *қалау* 'складывать', 'возводить' и прилагательного *қалаулы* 'передовой', 'выделяющийся'. В следующем примере: «Из-за таких, как Нурумбай, аульные остряки и переиначили комсомол в «*саумал*», то есть «молодой, еще не перебродивший кумыс». Пользы от этого *саумала* никакой, только живот с него крутит...» (Майлин. Берень, 354) писатель сам мотивирует фонетическое преобразование лексемы. См. еще лексико-семантическую ассоциацию русской лексемы *телевизор* с казахскими *тіл* (язык) и *бұзар* (портящий) у Б. Бодаубаева: «Ладно,

— хлопнув себя по коленям ладонями, поднялся старик. — Пока ваш чай будет готов, мы с Талгатжаном вдвоем *тильбузар* посмотрим. — Да не *тильбузар*, дедушка, а телевизор, — смеясь, поправил Талгат» (Бодаубаев, Дедушка Талгата, 242).

К преобразованиям этого рода примыкает редукция окончаний на паронимической основе, возникающая вследствие отождествления близких по семантике слов: «Ты что же думаешь, если будешь лежать под боком нового мужа, то тем самым победишь *герман*. Почему не пошла на работу?» (Муратбеков. Дикая яблоня, 306) — *герман* вместо *германцев* под воздействием однокоренного *Германия*; «Иди и спи. Я буду *караул*» (Белянинов. Одинокий колодец, 153) — *караул* вместо *караулить* под воздействием каз. *карауыл* (караул, охрана). См. также контаминацию лексем *военком* и *военкомат*: «Когда в прошлом году Жирена забрали в армию, *баенкома* сказал: — На таком красавце только главному командиру ездить!» (Муратбеков. Дикая яблоня, 210).

Особое место занимают фонетические преобразования, вызванные приспособлением к структуре казахского слова — к сочетаниям согласных, к финалям и инципиалам. Писатели умело используют это явление как средство художественной выразительности.

Преобразование конечного *-ор* в *-ыр* (в именах лиц) приближает облик русского слов к казахскому⁷²: *доктор* — *доктыр* (Мусрепов. Улпан — ее имя, 187), *шофер* — *шофыр* (Белянинов. Одинокий колодец, 153), *майор* — *майыр*: «Русский *майыр* стал приставом Большой орды, и ему повинуются теперь бии и султаны. Может быть, он возьмет народ под свою защиту? — Писать жалобу *майыру*». (Кузнецов. Человек находит счастье, 147).

Преобразования *конфискация* — *канпеске* (Майлин. Рыжая полосатая шуба, 150) и *урядник* — *урендык* (Мусрепов. Улпан — ее имя, 55) — также плоды «выравнивания» финалей, приведения их в соответствие со звуковой структурой казахских слов, причем во втором

⁷² В обратном словаре казахского языка (Бектаев К. Б. Казак тілінің кері алфавитті сөздігі. Алматы, 1971) более ста слов на *-ыр*, в том числе названия лиц — *тамыр*, *бақыр*, *батыр*, слова мелиоративной семантики — *қайыр*, *жанашыр* и др.

случае наблюдается замена отсутствующего в казахском языке сочетания согласных *-дн-* привычным *-нд-*. Аналогично по мотивам и результату преобразование *помощник* — *помончик*⁷³ (Валиханов. Т. 3, 338).

Преобразование русской фамилии *Бельшев* в *Белыш* (Белянинов. Непредвиденные обстоятельства, 64) произведено в полном согласии с системой казахской антропонимики, в которой много ласкательно-сокращенных образований на *-ыш*: *Құдыш* (от *Құдайберген*), *Мақыш* (от *Мамадияр* и *Махаметғали*), *Рақыш* (от *Рақымбай* и *Рақымбек*)⁷⁴.

[Ягбр] — *Жагор* и *якут* — *джакут*: «Джаксылык говорил мне, что в Белой степи живет народ *джакут*. Некоторые из их людей ходят в одежде из жеребьячей шкуры, с гривой вдоль спины. Они ездят на оленях и любят русскую водку» (Марков. Голубая ящерица, 309) — эти преобразования соответствуют казахской инициали, производной от общетюркской /j/, ср.: каз. *жақсы* — узб. *яхши*, каз. *жылан* — древнетюркск. *jilan*⁷⁵; ср. также каз. *жармеңке* из рус. просторечного *ярмонка*.

Фонетические вкрапления принадлежат к наиболее эффективным речевым средствам эмоционального воздействия, бесспорно, основанным на ненормативности. Ненормативность плана выражения, как утверждает В. И. Болотов, проявляется в виде ненормативной формы⁷⁶ языкового знака в тексте или в его употреблении в ненормативном значении, или же в ненормативном окружении. Но автор недооценил и недостаточно глубоко исследовал эстетическое воздействие «чужого слова». Поэтому от его внимания ускользнули и не отмечены в числе проявлений ненормативности такие особенности фонетических вкраплений, как приспособление слов вторичного языка к звуковой структуре первичного и лексико-семантические ассоциации, воздействующие на фонетические преобразования. Эти особенности, как мы полагаем, усиливают эмоциональную струю, порождаемую отклонениями от звуковой организации русских слов.

⁷³ См.: *Копыденко М. М.* Оптимизация преподавания русского языка в казахской аудитории. Алма-Ата, 1980. С. 11.

⁷⁴ *Жанұзақов Т.* Есімдер сыры. Алматы: Қазақстан баспасы, 1974.

⁷⁵ *Древнетюркский словарь.* Л., 1969. С. 266.

⁷⁶ *Болотов В. И.* Проблемы теории эмоционального воздействия текста: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1987.

«...Хотя чужое слово остается чужим, — справедливо утверждает А. А. Брагина, — оно незаменимо в данной речевой ситуации. Именно поэтому такое слово оправданно, в нем есть «надобность». Подобные слова можно рассматривать как элементы интернационализации, как особые межъязыковые <...> приемы выразительности...»⁷⁷.

С этим согласуется мнение С. Маршака, что «слова говорят не только своим значением, но и всеми гласными и согласными в своей протяженности, и весом, и окраской, дающей нам ощущение эпохи, местности, быта»⁷⁸.

Грамматические вкрапления. Сказанное, без сомнения, касается фонетических вкраплений, но еще в большей мере — вкраплений грамматических, которые встречаются гораздо реже, но характеризуются необычайно яркой выразительностью. К грамматическим вкраплениям относятся:

1) введенное автором или сохраненное переводчиком казахское словорасположение — подчеркнутое употребление сказуемого в конце предложения⁷⁹: «Надо бы нам съездить к пастухам, там наш родственник по материнской линии работает старшим чабаном. *Если аксакалу салем не отдадим*, то все родичи обидятся. Поедем?» (Момыш-улы. Лето в ауле, 108); «Ай, какой испортил саженец! *Еле его выпросил*, хотел посадить в своем саду. А ты испортил, — расстроился Куракбай» (Муратбеков. На вершине Ушкара, 43); «Кто это? — спросил Асет. — Заведующая почтой. Это же Саулетай. *Неужели ее не помнишь?* — удивился Куракбай, не сводя глаз с женщины» (Там же, 43);

2) сохраненное переводчиком своеобразие казахской аппозитивной конструкции⁸⁰: «Иди, Багила, не спорь с ним. Пусть *уполномоченный-джигит* утешит свою душу» (Муратбеков. Дикая яблоня, 322);

3) парные слова, образованные на основе русских

⁷⁷ Брагина А. А. Чужое — все-таки чужое: О стилистической роли заимствований // Русская речь. 1981, № 4. С. 66.

⁷⁸ Маршак С. Слово в строю // Маршак С. Собрание соч.: В 4 т. М., 1960. Т. IV. С. 285.

⁷⁹ Чукуев А. А., Мальцев В. С. Позиция глагольного сказуемого в русском, казахском и английском языках // Гуманитарные науки. Караганда, 1975. Вып. 2.

⁸⁰ Атепов Ш. О приложении в современном казахском языке // Қазақ тілі және әдебиеті мәселелері. Алматы, 1971. VII шығуы.

лексем (преимущественно в оригинальных казахских текстах и переводчиками лишь сохраняющиеся): «Обоих богачей во время прошлой уборки потрясли как следует и объявили им *бойкот-мойкот*» (Майлин. Черное ведро, 268), «Путники свернули с большака, направили лошадей к аулу... — Видать не простые ездоки. Больно спешат, — сказал Жамантык. — Может, какие-нибудь *солдаты-молдаты*» (Майлин. Саврасый иноходец, 101); «Что там говорится в *газетах-мазетах*, я не знаю. Я выполняю указание волости, — насупился аулнай» (Майлин. Воспоминания, 162); «А насчет ликбеза... Насчет этого я сам тебя и пригласил, чтобы поговорить с тобой. — Если так, тогда хорошо, — обрадовался Рамазан. — А ты подожди со своим *тогда-могда*, — перебил Амир» (Сарсекеев. Чингисская быль, 140); «<...> Тастак, вот что меня волнует. Я с тобой хотел посоветоваться насчет подарков. <...> — Ковер, что ли... Или вот бинокль. — Ты это брось — *ковер-совер!* А зачем им бинокль?» (Нарымбетов. Ущелье ржущего стригунка, 205).

Реже встречаются парные слова в оригинальных русскоязычных текстах (см. с. 25).

Об этом в академическом курсе морфологии сказано: «Слова, первый компонент которых сохраняет и вне сочетания самостоятельное значение, а второй компонент вне сочетания не обладает никаким самостоятельным значением и является не словом, а лишь звукоподражательным синонимом (фонетическим видоизменением первого компонента, т. е. его начального гласного или согласного звука), например, *шай-най*, *шай-мэй* (чай и тому подобное), *нан-пан* (хлеб и тому подобное), *жылқы-мылқы* (всякие лошади).

Такие парные слова обладают легким оттенком пренебрежения»⁸¹.

* * *

Обилие и разнообразие казахских вкраплений в оригинальных русских художественных текстах и в переводах с казахского языка на русский позволяет сделать следующие выводы:

⁸¹ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962. С. 153.

1. Вкрапления отличаются от реалий тем, что в них эмоциональный фактор чужезычия представлен в «чистом» виде, не отягощен новой для читателя денотативной семантикой, которую он должен усвоить при чтении художественного произведения.

2. Общей для всех видов вкраплений является помимо упомянутого фактора чужезычия колоризирующая функция. Казахские слова и фразеосочетания или их русские эквиваленты, в которых явно ощущается казахский источник, выполняя экспрессивно-эмоциональную функцию, вместе с тем подчеркивают, что коммуникация персонажей осуществляется не на русском, а на казахском языке, что русский язык повествования в данном случае представляет казахский язык⁸².

3. Наряду с этим казахские вкрапления выполняют ряд дополнительных функций: характеризуют русско-казахское двуязычие (п. 3.1), отражают двуязычные ситуации (п. 3.1, 3.5), сообщают полезные и интересные сведения о казахском речевом этикете (п. 3.2, 3.4), о контактоустанавливающих потенциях вкраплений (п. 3.4, 3.5), о различии между их употреблением в оригинальных текстах и в переводах (п. 3.3.), о динамике их значений (п. 3.2—3.4), о том, что вариативность их формы подчинена художественным задачам (п. 3.2, 3.4—3.6).

Ряд теоретических положений, относящихся к учению о вкраплениях, авторы решали самостоятельно. Это касается всей главы, особенно п. 3.2, 3.3, 3.6.

Мы будем считать свою задачу выполненной, если книга встретит в лице читателей строгих и справедливых критиков.

Отзывы просим присылать в Отдел взаимодействия языков Института языкознания АН КазССР (480021, Алма-Ата, ул. Курмангазы, 29).

⁸² Ср.: *Копыленко М. М.* Вкрапления как средство создания колорита // *Копыленко М. М., Саина С. Т.* Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982. С. 104—105; *Копыленко М. М.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте: (Структура, функции, номинативная природа) // *Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод.* Орел, 1987. С. 21—23.

ИСТОЧНИКИ

Оригинальные произведения на русском языке

Алимжанов Ануар. Избранное: В 2 т. Алма-Ата, 1979. Т. 1: Повести, рассказы, очерки (Караван идет к солнцу; Синие горы; Сувенир из Отрара; Мост Карасункара и др.). Т. 2: Романы (Стрела Махамбета; Гонец).

Алимжанов Ануар. Человек без друга беден: Статьи, очерки, воспоминания и выступления. Алма-Ата, 1986.

Алтайский Константин, Каратаев Мухамеджан. Путешествие в Жер-Уюк. М., 1971.

Анов Николай. Агаш Аяк: Рассказы. Алма-Ата, 1950.

Анов Николай. Ак-Мечеть: Роман. Алма-Ата, 1957.

Анов Николай. На литературных перекрестках: Воспоминания. Алма-Ата, 1974.

Анов Николай. Крылья песни: Роман. Алма-Ата, 1979.

Белянинов Алексей. Непредвиденные обстоятельства: Повести и рассказы (Безвестный ратник; Время трудных дорог; До конца дней; Зимняя вьюга; Луну с неба; Незабывтые вечера; Непредвиденные обстоятельства; Неподвижная земля; О любви; Охотник; Пески; Повесть медного века; Повесть о конном патруле; Прошлогодний снег; Рысь; Шофер). Алма-Ата, 1974.

Белянинов Алексей. Много дней впереди: Повести (Мальчишки; Много дней впереди; Одинокий колодец; То далекое время). Алма-Ата, 1979.

Брагин Алексей. Сокровища медного купола: Повесть о молодости Каныша Сатпаева. Алма-Ата, 1970.

Брискин Алексей. В стране семи рек: Очерки. Кзыл-Орда, 1926.

Брискин Алексей. Степи казахские: Очерки степного Казахстана. Кзыл-Орда, 1929.

Валиханов Чокан. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1984—1985. Т. 1—5.

Габбасов Энгельс. Одно дерево на всю степь: Повести. Алма-Ата, 1976.

Даль В. И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. Майна; Т. 6. Бикей и Мауляна. Спб., 1861.

Даль В. И. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. Уральский казак. Пб.; М., 1897.

Даль Владимир. Уральский казак: Повести, рассказы, сказки. Волго-Вятск, 1981.

Зверев Максим. Золотой сайгак: Повести и рассказы. М., 1966.

Зверев Максим. На зов таинственной горы: Повести и рассказы. Алма-Ата, 1978.

Иванов Всеволод. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Рассказы. М., 1959.

Кузнецов Павел. Великая дружба: Рассказы. М., 1948.

Кузнецов Павел. Человек находит счастье: Роман. Алма-Ата, 1953.

Марков Сергей. Голубая ящерица. Рассказы. М., 1973.

Митько Михаил, Кривошеков Леонид. Огненное кольцо: Роман. Алма-Ата, 1968.

Момыш-улы Бахытжан. Я еще ребенок: Повесть и рассказы. Алма-Ата, 1982.

Плашевский Юрий. Алая завязь: Повести и рассказы. Алма-Ата, 1983.

Санбаев Сатимжан. Времена года нашей жизни. Алма-Ата, 1977.

Санбаев Сатимжан. Когда жаждают мифа // На свете белом: Повести казахских писателей. Алма-Ата, 1984.

Сергеев Александр. Сыновья возвращаются: Повесть. Алма-Ата, 1972.

Сергеев Александр. Петербургский посол. Алма-Ата, 1980.

Симашко Морис. Комиссар Джангильдин: Роман. Алма-Ата, 1978.

Симашко Морис. Колокол: Роман. Алма-Ата, 1984.

Снегин Дмитрий. Утро и два шага в полдень: Роман. Алма-Ата, 1982.

Фурманов Дмитрий. Мятаж: Роман. Киев, 1956.

Шухов Иван. Горькая линия: Роман. Алма-Ата, 1984.

Переводы с казахского языка

Асылбеков Серик. Поздние журавли // Раскрытая ладонь: Рассказы казахских писателей. Алма-Ата, 1985.

Ауэзов Мухтар. Путь Абая. Т. 1. Алма-Ата, 1960.

Ахтанов Тахави. Свет очага. Роман. Алма-Ата, 1986.

Бегалин Сапаргали. Сатжан // Казахские рассказы. Алма-Ата, 1958.

Бердикулов Сейдахмет. Электрик // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Бодаубаев Болат. Дедушка Талгата // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Бокеев Оралхан. След молнии: Повести и рассказы. М., 1978.

Джексенбаев Шакир. И горек дым войны: Документальная повесть. Алма-Ата, 1985.

Досжанов Дукенбай. Серебряный караван: Повести и рассказы. М., 1985.

Елубаев Смагул. На свете белом // На свете белом. Алма-Ата, 1984.

Есенберлин Ильяс. Золотая птица: Роман. Алма-Ата, 1977.

Есенберлин Ильяс. Влюбленные: Роман. Алма-Ата, 1981.

Есенберлин Ильяс. Кочевники: Историческая трилогия / Пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата, 1986.

Иманбеков Туткабай. Раз барашек, два барашек // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Исабеков Дулат. Незнакомые люди // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Казахские рассказы. Алма-Ата, 1958.

Казыбеков Нуркасым. В низине Карой // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Кайсенов Касым. Страна моего детства. Алма-Ата, 1983.

Кекильбаев Абиш. Конец легенды: Роман. Алма-Ата, 1983.

Кумарова Шарбану. Вернитесь лебеди // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Магауин Мухтар. Лирическое отступление: Повести (Бейт о любви; Кёкбалак; Смуглянка). Алма-Ата, 1986.

Майлин Беимбет. Повести и рассказы (повести: Азамат Азаматович, Памятник Шуги, Берень, Коммунистка Раушан, Рассказ Амиржана; рассказы: Айранбай, В дни айта, Небесный конь муллы Алибека, Охрана). Алма-Ата, 1958.

Майлин Беимбет. Рыжая полосатая шуба: Повести и рассказы. М., 1977.

Мекебаев Адам. Суховой: Повести. Алма-Ата, 1987.

Молдагалиев Жайсанбек. Сверстники // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Мукаев Баккожа. Черный камень // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Муратбеков Саин. Дикая яблоня: Рассказы и повесть (В гостях у свата, На вершине Ушкара, Кусен-Кусеке, Ултуган и др.; повесть: Дикая яблоня). М., 1979.

Муратбеков Саин. У теплого родника: Рассказы (Горький запах полыни; Камен-Тугай; Причуды старого Бакена; Ночной дождь и др.). Алма-Ата, 1980.

Мусрепов Габит. Улпан — ее имя: Роман; Однажды и на всю жизнь: Повесть. Алма-Ата, 1982.

Муханбеткалиев Кажгали. Звездные ночи // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Найманбаев Калдарбек. Дорога на Аккент: Повести. М., 1982.

Найманбаев Калдарбек. Та самая ночь: Рассказы и повести. Алма-Ата, 1985.

Нарымбетов Сатыбалды. Ущелье ржущего стригунка // На свете белом. Алма-Ата, 1984.

Нарымбетов Сатыбалды. Боль моя — Атлантида: Повести. Алма-Ата, 1987.

На свете белом: Повести казахских писателей. Алма-Ата, 1984.

Ниязбеков Рафаэль. Хозяин очага: Повести и рассказы. Алма-Ата, 1985.

Нуржекеев Бексултан. В ожидании: Роман, повести, рассказы. Алма-Ата, 1985.

Нурмагамбетов Тынымбай. Поля детства // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Нурпеисов Абдижамил. Кровь и пот. Алма-Ата, 1968.

Раскрытая ладонь: Рассказы казахских писателей. Алма-Ата, 1985.

Сараев Анес. Когда приходит ноябрь // На свете белом. Алма-Ата, 1984.

Сарсекеев Медеу. Чингисская быль // На свете белом. Алма-Ата, 1984.

Сейдимбеков Акселеу. Поющие купола. Алматы, 1985.

Сейдимбеков Акселеу. Проводы невесты // Новый мир. 1986. № 7.

Сейсенбаев Роллан. Всего одна ночь: Повесть и рассказы. М., 1980.

Сейсенбаев Роллан. Ричард Тридцать Третий // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

Сокпакбаев Бердибек. Мертвые не возвращаются: Роман / Пер. с каз. Ю. Домбровского. Алма-Ата, 1984.

Сундетов Магзом. Лодка без весел: Роман. Алма-Ата, 1972.

Сундетов Магзом. Багряная луна: Роман. М., 1983.

Тарази Аким. Освященный молнией // Раскрытая ладонь. Алма-Ата, 1985.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3
Глава 1. Типы и функции иноязычных компонентов в художественных текстах	5
Глава 2. Казахские слова-реалии в русских художественных текстах	
2.1. Обозначения лиц	31
2.2. Обозначения административных установлений	31
2.3. Обозначения предметов быта	49
2.4. Обозначения обычаев, игр и других этнографических понятий	55
2.5. Обозначения культовых понятий	70
2.6. Названия животных и растений	74
2.7. Обозначения явлений природы и организации животноводства	80
	90
Глава 3. Казахские вкрапления в русских художественных текстах	97
3.1. Замены русских слов, фразеосочетаний и предложений	97
3.2. Вокативы и онимы	103
3.3. Кальки с казахского и близкие к ним образования	114
3.4. Разговорные формулы	138
3.5. Вкрапления эмоциональной сферы	146
3.6. Фонетические и грамматические вкрапления	153
Источники	164

Научное издание
КАЗАХСКОЕ СЛОВО
В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания
Академии наук Казахской ССР*

Зав. редакцией *Н. В. Леонова*
Редактор *Г. И. Тимошенко*
Художественный редактор *В. А. Ващенко*
Оформление художника *В. Н. Афуксениди*
Технический редактор *Е. М. Тахметова*
Корректор *Т. П. Нежданова*

ИБ № 3146

Сдано в набор 15.03.90. Подписано в печать 02.11.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,03. Уч.-изд. л. 9,62.
Тираж 1000. Заказ 68. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Гылым»
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 11 /113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28

